

КРИМИНАЛЬНЫЙ СИНДИКАТ СЕМЬИ ФОКС

КАЖДОМУ КОРОЛЕВСТВУ
НУЖНА СВОЯ КОРОЛЕВА

Заставь
МЕНЯ

Перевод:
Towers / переводы книги

САММЕР О'ТУЛ

Когда убивают вашу лучшую подругу, я не рекомендую влюбляться в серийного убийцу, виновного за это.

Горячий, новый, мрачный криминальный роман, идеально подходящий для любителей книг Джей Ти Джессинджер «Королевы и монстры» и Софи Ларк «Преступный мир». Серийные убийцы, тайные личности, неуравновешенный криминальный авторитет с грязным языком, и взрывоопасный троп «от врагов до возлюбленных».

Когда Харлоу становится свидетельницей убийства своей лучшей подруги серийным убийцей, терроризирующим Джун Харбор, она разочаровывается в бездействии полиции и решает взять дело в свои руки. Вскоре она с головой погружается в запутанный заговор обмана, мрачных семейных тайн и одного опасного преступника, который твердо намерен сделать ее своей.

Саммер О'Тул

Заставь меня

Серия: Криминальный синдикат семьи Фокс — 1

(про разных героев)

Переводчик: Алексей К.

Редактор: Татьяна Н.

Для группы и тг канала:

vk.com/towwersauthors

t.me/towwersauthors

vk.com/public195211186

На случай, если никто не говорил: ты такая красивая, когда плачешь.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Эта книга — мрачный роман. В ней много наглядного описания сцен насилия и секса. Герой этой книги — откровенно плохой парень. Не морально серый с золотым сердцем, а просто плохой. Если вы читали мою серию «Taken», эта книга значительно отличается, особенно количеством ~пикантностей~ и их видом, включая несколько дабкон¹—сцен (*полный список контента можно найти на сайте SummerOtoole.com/MakeMeContent*).

Эта книга будет не для всех, и, пожалуйста, ради Бога, если вы знаете меня в реальной жизни, не читайте. Но если все — таки прочитаете, помните, что это художественное произведение.

Темная романтика — это невероятный, красивый, мрачный способ повествования, который нравится людям по разным причинам. Если вы читаете и пишете о чем — то, это не значит, что вы одобряете подобное в реальной жизни. Если бы это было так, Стивена Кинга давно бы посадили за решетку.

Пожалуйста, обратите внимание, что книга не является точным представлением безопасного секса и кинков.

ПЛЕЙЛИСТ

От переводчика — плейлист вк:

https://vk.com/music/playlist/-122474552_11_b05469201c059107af

The End — Kings of Leon

like that — Bea Miller

Psycho — VOSTOK

Devil — Niykee Heaton

Bow — *Slowed* — Reyn Hartley

Penny Lover — Lionel Richie

Bad Intentions — Niykee Heaton

Thing of Beauty — Danger Twins

Flames — Donzell Taggart

Suffer — Hurts

Chainsmoking — Jacob Banks

I Feel Like I'm Drowning — Two Feet

Tick Tick Boom (feat. BygTwo3) — Sage The Gemini, BygTwo3

AirplaneMode — BONES

Look After You — The Fray

Heat — L.A. Rose

Power — Kevin Gates, Dermot Kennedy

San Pedro Rising — *Soohan Remix* — Kaya Project, SOOHAN

Boom — iBenji, Talabun

Does She Like it Rough? — FLAVIA

For Tonight — Giveon

Ruin My Life — Zara Larsson

THE DEATH OF PEACE OF MIND — Bad Omens

DOOM — Calivania

Don't Mess With My Mind — EMO

Baptize Me — X Ambassadors, Jacob Banks

Last Laugh — *From "Promising Young Woman" Soundtrack* — FLETCHER

ПРОЛОГ

Двумя неделями ранее

В барменше не было ничего особенного, что предопределило бы ее судьбу. Она в его вкусе, и этого достаточно. У нее грязно — светлые волосы — он бы предпочел, чтобы они были светлее, — но она вела себя с тем чувством высокомерия, которое всегда было присуще

хорошеньким сучкам вроде нее.

Если бы кто — нибудь узнал о его маленьком побочном увлечении, он мог бы попытаться обвинить в этом мамашу или девушку, которая, когда — то разбила ему сердце. Но все это было неправдой. Он просто родился таким. Он не был чужд насилию. На самом деле, его дни были наполнены им.

Но ничто не могло сравниться с тем, чтобы стать виновником такого насилия. Быть тем, кто держит нож, когда твой кулак врезается в тело, потому что ты погрузил лезвие до самой рукоятки. Нужно приложить немало сил, чтобы проткнуть так глубоко и основательно. Люди не хрупкие существа. Может быть, слабые и жалкие, но не хрупкие.

После работы она всегда шла домой пешком, даже когда освобождалась в два часа ночи, что было исключительной глупостью. Разве она не знает, что серийный убийца на свободе?

В городке Джун — Харбор не очень высокий уровень криминала. Конечно, преступления случались, но часто они были связаны с преступниками, которые сами накосячили. Именно поэтому его первые два убийства привели город на берегу залива в такое смятение. Власти ввели комендантский час до полуночи, но ночной клуб «Фантом» никогда не заботился о том, что приказывает правительство.

Полицию преследовала пресса, которая хотела знать, не дело ли это рук серийного убийцы, но те не говорили ничего определенного, пока не появилось три жертвы. Он старательно отслеживал каждую новость, в которой упоминались убийства, хотя большинство статей были заполнены заявлениями официальных лиц: «новых подозреваемых нет» и «без комментариев».

Он следовал за ней на безопасном расстоянии, пока она не оказалась по крайней мере в пяти кварталах от ночного клуба. Он не хотел сделать связь очевидной, убив ее слишком близко. Конечно, полиция в конце концов обнаружит связь, но ее можно будет списать на косвенные улики.

Чем ближе она подходила к переулку, тем сильнее покалывало руки от предвкушения. Его рука крепко обхватила рукоятку ножа в кармане. Он осмотрел окрестности из — под темного капюшона, незаметно сокращая расстояние между ними. Его кровь забурлила в жилах, когда он подкрался сзади и толкнул ее в переулок, а покрытая татуировками рука плотно обхватила ее рот.

Он легко оттащил ее дергающуюся фигуру за мусорный бак. И отметил, что всегда, когда он совершал убийства, в него вселялась сверхчеловеческая сила. Адреналин. Какая интересная штука. Адреналин, бурлящий в блондинке — барменше, заставляющий ее извиваться и сопротивляться его захвату, был тем же самым, что давал толчок его мышцам, чтобы одолеть ее.

Его член затвердел, когда он повалил ее вниз. Ее лицо исказилось от боли, когда она ударилась головой о гравий. Прежде чем она успела закричать — теперь его рука больше не закрывала ей рот, — он вонзил лезвие в эластичную кожу ее шеи, фактически заглушив крики о помощи, и ее дыхательные пути наполнились кровью.

На следующее утро газета «Хроники Джун — Харбор» объявила, что полиция официально расследует серию недавних убийств как дело рук серийника.

Они называли его Убийцей из Джун — Харбор.

ГЛАВА 1

Жертва

Харлоу

Наши дни

«Убийца из Джун — Харбор наносит новый удар, убитая местная танцовщица становится жертвой № 4»

Уголки газеты дрожат, когда она ложится на холодный металлический стол, флуоресцентные лампы мерцают на больших черных буквах. Мой желудок сжимается, когда я снова читаю выделенный жирным шрифтом заголовок: *Убийца из Джун — Харбор наносит новый удар, убитая местная танцовщица становится жертвой № 4.*

— Что-нибудь еще хотите нам рассказать? — я игнорирую вопрос детектива так же, как газета игнорирует тот факт, что Бет была не просто танцовщицей. Она была подругой, сестрой, дочерью. Она не только танцевала по ночам, но и каждое утро — независимо от погоды — пила кофе со льдом в своем любимом кафе, где бариста знали точное соотношение молока и кофе, как она любила. Полиция предсказала серийного убийцу, но Бет любила предсказывать, когда красный свет загорится зеленым, и каждый раз, когда ее расчет оказывался верным, она визжала и жала на педаль газа, говоря: *«Пришло мое время сиять!»*

Сиять.

Она сияла во всем, что делала. Будь то кропотливый отбор идеальных авокадо или звонок бабушке каждое воскресенье.

— Мисс Харгрейв, орудует серийный убийца, а вы — единственный живой свидетель. Вы должны помочь нам ради вашей подруги.

— Заткнитесь, — бормочу я на дрожащем выдохе, когда устанавливаю зрительный контакт с черно — белой Бет, смотрящей на меня с газеты.

— Простите? — голос детектива напряжен, как будто он изо всех сил старается сохранить спокойствие.

— Заткнитесь, — тихо повторяю я.

— Мисс Харгрейв...

— Заткнитесь! — вспыхиваю я. Резко встаю, и стул врезается в бетонную стену комнаты для допросов. Звук громкий и резкий в маленьком пространстве.

Я говорю еще громче.

— Замолчите! — снова кричу я и стряхиваю газету со стола, листья которой летят на пол.

— Заткнитесь! — как заезженная пластинка с неисправным регулятором громкости, я кричу все громче и громче.

Дверь распахивается, двое полицейских в форме вбегают внутрь и прижимают меня к стене.

— Успокойтесь.

— Прекратите сопротивляться, — их приказы — лишь белый шум, как и гротескное жужжание флуоресцентных ламп, заливающих стерильную комнату тошнотворным

искусственным свечением.

— Замолчите!

— Успокойтесь.

— Прекратите, — я не сопротивляюсь. Моя щека сильно прижата к стене, и две сильные руки держат меня неподвижно.

— Заткнитесь, черт побери, — кровь приливает в ухо, я задыхаюсь в их хватке.

— Все в порядке, отпустите ее, — детектив, белый мужчина по имени Лиам, или Смит, или что — то в этом роде, говорит спокойно, несмотря на нарастающее напряжение в комнате.

Они сомневаются, но отпускают свои руки, и я отхожу от стены, встречаясь лицом к лицу с детективом как-там-его.

— Перестаньте говорить так, будто я не хочу вам помочь. Как будто мне все равно, что мою лучшую подругу выпотрошили, как рыбу. Перестаньте относиться ко мне так, будто я утаиваю информацию. Прекратите. Просто остановитесь... — я больше не могу держать себя в руках и падаю на пол, прижимая колени к груди.

— Не знаю, как долго я здесь нахожусь, но, очевидно, достаточно долго, что эту чертову газету написали и распечатали. Я рассказала вам все, что помню. Я не спала и не ела, кажется, несколько дней, а мою лучшую подругу убили. Так что, пожалуйста, просто заткнитесь.

Он приседает до моего уровня, и я неохотно разнимаю пальцы, закрывающие лицо.

— Вы правы, никто из нас не может понять, что вы сейчас чувствуете. И я прошу прощения за то, что так давил. Я бы хотел все сделать другим путем, но этот больной ублюдок убил четырех женщин, и вы — наш лучший шанс поймать его, пока четыре не превратились в пять. Поэтому, пожалуйста, еще раз, что произошло прошлой ночью? Начните с самого начала.

— *Спасибо, Декс, — Бет улыбается гигантскому вышибале и приподнимается на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. Из-за дверей стрип-клуба «Персик» доносится фирменный запах одеколона и пота.*

— *Я здесь для этого, Красотка, — сценическое имя вполне подходит Бет, ее платиновый боб обрамляет идеально милые, но потрясающие черты лица. Она напоминает Динь — Динь, даже в своем розовом костюме, прикрывающем сверкающую сценическую одежду.*

— *Опять Даг? — спрашиваю я, сплетая наши руки, когда мы машем Декстеру и выходим из клуба. Она нервно крутит золотую цепочку на шее, перебирая золотые буквы, которыми написано ее сценическое имя. Я подарила на день рождения в прошлом году, и она носит ее каждый день.*

— *Да, излишки профессии, — Бет вздыхает и заставляет себя улыбнуться. Она начала работать в «Персике» почти пять лет назад. Я знаю, что она любит танцы и большинство своих постоянных клиентов, но всегда есть горстка мерзавцев, которые могут испортить весь вечер.*

— А этот Даг, вы никогда его не видели? Она описывала его? Высокий, низкий, черный, белый?

— У него маленький член, — я опираюсь локтями на стол и запихиваю в рот горсть

чипсов — наконец — то они уступили и принесли мне закуски из автомата.

— Что? — детектив приостанавливает свои записи в блокноте и смотрит на меня.

— Член. Пенис. Фаллос. Ствол. Сосис...

— Я знаю, что такое член, — костяшки его пальцев побелели вокруг ручки.

— Точно. Вот как он получил свое «прозвище», — я использую воздушные кавычки, потому что на самом деле это не его имя. — Бет отработывала приватный танец, и он вытащил его из ширинки, что, кстати, не разрешается делать, — Бет строго танцевала, не то, чтобы запрещалось обслуживать клиентов другими способами, но я знала, что у полиции будет в десять раз меньше сочувствия, если они решат, что она проститутка.

— И она сказала, что это самое крошечное, что она когда-либо видела, поэтому стала называть его Висячий Даг — она не могла вспомнить настоящее имя.

— Подождите, — подельник детектива, офицер Квинси — я помню, потому что так звали собаку в моем детстве — выходит из угла, из которого он молча наблюдал за происходящим. Он окидывает меня взглядом, который кажется ему устрашающим, но на самом деле выглядит так, будто он сдерживает пердеж. — Даг — это даже не настоящее имя?

— Ничего страшного, мы это выясним, — говорит детектив, протягивая руку, заставляя своего партнера замолчать, не сводя с меня глаз. — Что случилось дальше?

— *Спасибо, что приехала, Лоу, — обычно ее подвозит домой другой танцор. Бет слабо улыбается мне, и я вижу, что она устала, потому что она не потрудилась смыть макияж, ведь всегда делает перед уходом. Видимо, она просто очень хотела уйти оттуда. Я не могу ее винить.*

— *Почему они его до сих пор пускают? — менеджеры обычно очень хорошо следят за черным списком, куда заносят проблемных клиентов, и я удивлена, что у этого засранца вообще есть шанс домогаться ее.*

— *Они не пускают. Он продолжает пробираться внутрь. Не знаю, как, но это уже надоело, — она скрещивает руки на груди, словно все еще пытается прикрыться от его нежелательных приставаний. Ее светло-карие глаза впитывают прохладную темноту ночного воздуха, осматривая парковку клуба в поисках моей машины.*

— *В такие моменты ты наверняка скупаешь по своим большим русским телохранителям, — смеюсь я.*

— *Мне больше нравится независимость.*

Мы с Бет дружим с детского сада, и за это время за ней повсюду ходили разные люди из службы безопасности. Помню, в детстве я считала ее принцессой, потому что о своих телохранителях она говорила только: «Мой дедушка — важная шишка в России». Я полагала, что это означает «царь».

Я видела его, когда мне было десять лет, и он определенно не был похож на царя. Скорее, такой же, как любой обычный дедушка. Моя нынешняя теория заключается в том, что он ученый-атомщик и знает все военные секреты России.

Ее семья поставила ей ультиматум, когда она начала танцевать. Они не собирались продолжать оплачивать ее охрану или роскошную квартиру, если она будет продолжать связываться в сомнительные ситуации.

Очевидно, она выбрала танцы. И маленькую, дерьмовую квартиру со мной.

Тревожный холодок пробегает по моим рукам. Она называет это излишками

профессии, но что, если Даг сейчас здесь, притаился, как жуткая тень, за одной из многочисленных машин, заполняющих стоянку?

Забавно, но можно подумать, что парковка стрип-клуба будет заполнена спорткарами без глушителей, которые ревут, когда заезжают на свое место. Или старыми кадиллаками на огромных шинах с крутящимися дисками и грохочущими басами.

Вместо этого здесь полно внедорожников среднего класса и простых седанов. Эмблемы местного гольф-клуба и наклейки «мой ученик в списке отличников». Птичье дерьмо, разбрызганное по лобовому стеклу, и общая атмосфера — вот бы моя жена была такой же, как эти танцовщицы.

Какой позор. Я почти слышу, как жены на другом конце телефона спрашивают, купил ли муж молоко, и его никомушную ложь о том, что он застрял на светофоре с одним из этих детей, слушающих дерьмовый рэп.

— Я припарковалась там, — я киваю через плечо, и Бет следует за мной в переулок, который проходит между клубом и соседним кинотеатром. Почти в одиннадцать вечера в среду на их стоянке были свободные места. — Только что бросила сюда ключи, как они оказались на дне? — я делаю паузу, чтобы порыться в сумке в поисках ключей от машины, пока Бет продолжает идти по почти пустой стоянке. — Вот так и убивают людей, — смеясь, бормочу я про себя, вспоминая урок самообороны в средней школе по физкультуре, где инструктор говорил нам всегда держать ключи наготове, когдаходишь к машине.

Звук приближающегося автомобиля, грохот глушителя, перекрывает крик Бет. Я поднимаю глаза на неразличимый звук, и она снова кричит с расширенными, паническими глазами:

— Беги!

Я успеваю сделать всего несколько шагов, когда резкий, жгучий укол, как лесной пожар, распространяется от спины до конечностей, обездвиживая меня. Я падаю на мокрый тротуар, моя голова словно раскалывается как дыня. Последнее, что я вижу, прежде чем гудящая чернота забирает меня, это Бет, бегущая в обратную сторону с криком, который я не могу отделить от звона в голове. Она ударяется о мою машину, дальше бежать некуда, так как черная фигура заключает ее в клетку. Ее ярко-розовый комбинезон — как вспышка света среди темноты.

Офицер Куинси молча протягивает мне скомканную салфетку, и я нехотя беру ее, чтобы вытереть глаза. Можно подумать, что к этому моменту у меня уже не останется слез, но, видимо, это не так. У меня есть причины для слез, правда. Я только что стала свидетелем того, как мою лучшую подругу убил серийный убийца. Чувство вины выжившего даже не может объяснить эту всепоглощающую, сокрушительную боль, ломающую кости и душу. И все же я ненавижу плакать в присутствии этих людей.

Их покровительственный тон, когда они предлагают сделать перерыв, — еще не лучше. Я хочу, чтобы это закончилось. Хочу выбраться из этого бетонного ада, а если я плачу, то не разговариваю. Если молчу, я не отвечаю на их вопросы. А если не отвечаю на их вопросы, значит, не пойду домой.

Домой.

В квартиру, которую я делила с Бет.

Блять.

— Нет, я в порядке. Давайте продолжим, чтобы я могла убраться отсюда к черту, — я

сглатываю поднимающийся комок в горле и стряхиваю оставшиеся слезы.

— Хорошо. В какой момент вы пришли в себя?

Дрожь пробегает у меня по позвоночнику, когда я вспоминаю то ужасное зрелище. — Он склонился над ней и... ударил ножом... несколько раз.

— Кто это был, мисс Харгрейв? Это был Даг? — детектив наклоняется вперед, его ладони лежат на металлическом столе. Глаза светятся решительным огнем. На краткий миг у меня мелькнула мимолетная и крайне неуместная мысль, что он шокирующе привлекателен. Квадратная, красивая челюсть, как у Супермена или звездного квотербека маленького городка. Откуда, черт возьми, это взялось? Я официально в бреду.

Мне требуется секунда, чтобы вспомнить его вопрос.

— Нет... я не знаю... может быть. Я не знаю, как выглядит Даг, — он напрягается при моем ответе, его пальцы снова побелели на столе, челюсть сжимается.

— Но, если бы вы знали, как выглядит Даг, смогли бы опознать? Видели лицо нападавшего? — в его словах чувствуется легкая поспешность, он выдвигает стул напротив меня и садится. Куинси тоже подходит ближе, хотя ему хуже удается скрыть явное предвкушение на своем лице.

— Нет. Я уже сказала. Я не видела его лица. Ничего не видела. И все, что я знаю о Даге это то, что он какой — то старый фрикер, что не очень-то сужает круг подозреваемых, — последнее слово звучит хрипло, когда я понимаю, насколько бесполезна. Мою лучшую подругу убили — *зарезали* — прямо у меня на глазах, а я не могу ничего сказать полиции. Лицо Куинси опускается до неприятной гримасы, когда мой голос срывается. Можно подумать, что полиция привыкла иметь дело с плачущими людьми. Ему нужно поработать над своим покерфейсом.

Детектив со вздохом проводит рукой по рту и подбородку, откидываясь в кресле. Его напряженные голубые глаза смягчились, когда он снова заговорил.

— Вы что-то видели. Вот почему мы сводим вас с ума, спрашивая снова и снова, — он выдавливает из себя смех, но это сухо и слабо. — Ваша память наиболее ясна сразу после инцидента. И хотите верить, хотите нет, но вы уже многое нам сказали.

Он протягивает руку вперед, чтобы положить ее на мою, и мне не нравится, насколько успокаивает этот жест.

— Если мы найдем этого сукина сына, то благодаря вам. Мы добьемся справедливости для вашей подруги благодаря вам, — я потираю грудь другой рукой, словно его слова, уверенность в том, что я помогаю, — это мазь для моего раскалывающегося сердца.

Я могу.

Я сделаю это.

Ради Бет.

— Сделаете глубокий вдох вместе со мной? — его красивые глаза встречаются с моими, и я потрясена их искренностью. Я киваю. — Хорошо. Вдох... раз... два... три, — мои легкие растягиваются в грудной клетке, как будто я сто лет не делала полного вдоха. — И выдох... раз... два... три.

Его глаза не покидают мои все это время, и когда я заканчиваю, на его губах появляется мягкая улыбка.

— Хорошо, — я не могу не улыбнуться в ответ. На самом деле, я бы не назвала это улыбкой. Просто больше не хмурюсь и не плачу.

— Закройте глаза и вспомните. Вы приходите в себя, а он нападает на Бет. Что вы

видите? Что-нибудь опознавательное? Шрамы, татуировки?

Мои глаза открываются.

Татуировки.

Это похоже на пробуждение от сна. Мир приходит в фокус медленно и непонятно. Оранжевые блики света, красные размытые пятна. Уличные фонари. Проезжающие машины.

И чернота. Вокруг чернота. Черный тротуар подо мной, черная дымка, все еще покидающая сознание, моя черная машина. И черная фигура.

Розовый. Но уже не совсем.

Красный.

Красный, как кровь.

Бет!

Все вокруг обостряется, и я мгновенно фокусируюсь.

Над телом Бет стоит человек — мужчина — и шевелится, только когда опускает кулак. Снова и снова. Ее тело сотрясается от удара, а затем от силы, которая требуется, чтобы выдернуть нож — не кулак — из ее туловища.

Я кричу, но ничего не выходит. Голова Бет запрокидывается в сторону, и мы оказываемся лицом к лицу. Я кричу и реву в ее безжизненные глаза, смотрящие на меня. Я кричу до хрипоты, но с ужасом понимаю, что мой рот так и не открывается. Я тянусь к ней, но снова моя рука не двигается. Это как отдавать команды чуждому телу. Неважно, как отчаянно я требую, чтобы мое тело двигалось, оно не слушается. Я застыла в этом кошмаре.

На глаза попадает лисья морда, в пасти которой зажата змея. Это похоже на что-то из сказки. Внезапно все обретает смысл: паралич, беззвучные крики. Я сплю.

Вдалеке раздается вой сирены, но я не просыпаюсь. Потому что это не сон, и эта лиса — татуировка на руке нападавшего. Все остальные видимые части его тела покрыты черной тканью. Он замирает при звуке сирен. Лиса на его руке смотрит на меня. Пауза коротка, едва ли несколько секунд, пока он не вскакивает на ноги и не бросается прочь. Его черная фигура исчезает в темноте парковки.

Офицер Куинси хлопает детектива по спине, на его лице написано ликование, и они обмениваются понимающим взглядом.

Меня охватывает волна возбуждения. Они знают татуировку, которую я только что описала?

— Куинси, я уже поручил Барнсу проверить его. Иди посмотри, что там есть, — офицер практически выбегает из комнаты, а детектив поворачивается ко мне. — Хорошая работа, — и мой перфекционист немного тает от его похвалы. Это одна из особенностей гиперопекаемой матери с завышенными ожиданиями: ты готова на все, лишь бы услышать: «молодец».

— Как вас зовут? — спрашиваю я, пока мы ждем.

Он смеется.

— Вау. Я произвел хорошее первое впечатление, да? Детектив Саксон, — не знаю почему, но мне обидно, что он назвал только свое звание. — Или просто Лео.

Лео.

Я слегка расслабляюсь, но потом подпрыгиваю, когда Куинси хлопает дверью. Он не

выглядит даже на унцию таким же взволнованным, каким был, когда уходил, и мое сердце замирает. Он с сожалением смотрит на меня, затем его выражение лица становится каменным, когда он поворачивается к Лео и качает головой.

— Оно железное? — Лео встает, сжимая кулаки. Мой взгляд метался между ними, сердце колотится в ожидании ответа.

— Непробиваемое, — предполагаю, что они говорят об алиби — я уже много раз слышала это слово в криминальных сериалах. Маленький шарик надежды, который я чувствовала всего несколько минут назад, резко и болезненно лопается.

— Черт! — рычит Лео. Я отшатываюсь назад, когда он ударяет кулаком по столу. Кажется, что он сам себя поразил тем, как быстро вернулся к своему спокойному, всеамериканскому обаянию. Должно быть, я выгляжу испуганной, потому что он говорит со мной, как с испуганным животным. — Мне очень жаль. Но нам понадобится гораздо больше, чем смутные воспоминания свидетеля, который, вероятно, получил сотрясение мозга, — он потирает костяшки пальцев, на которых, как я замечаю, уже красуется слабый синяк.

Я понимаю его вспышку гнева. Если бы все события последних двадцати четырех часов не лишили меня сил, я бы тоже колотила по столу, пока мои костяшки не стали бы черносиними.

— И что теперь? — я чувствую, как слезы снова наворачиваются на глаза.

— Теперь? Теперь вы свободны, мисс Харгрейв.

ГЛАВА 2

В одиночку

Я просыпаюсь с подушкой на голове. Прошло уже две недели после смерти Бет, а мое подсознание все еще не избавилось от этой привычки. Поскольку Бет обычно возвращалась домой из «Персика» рано утром, я заглушала звук ее прихода подушкой. Это происходило так часто, что в конце концов я начала делать это посреди сна, не задумываясь.

Отталкиваю подушку с кислым привкусом во рту. Мне жарко под одеялом, полуденное солнце пробивается сквозь окно, словно через чертово увеличительное стекло.

Я всегда была жаворонком. Я тот раздражающий человек в отпуске, который выскакивает из постели на рассвете и настаивает на том, чтобы все отправились в поход на восходе солнца. Но с тех пор, как начались кошмары, я принимаю снотворное, чтобы обрести хоть какое-то подобие покоя, и теперь просыпаюсь далеко за полдень.

Неважно, во сколько я просыпаюсь. Особенно с тех пор, как я отменила все свои проекты по написанию статей на фрилансе, мне буквально не для чего просыпаться. Время кажется одним сплошным размытым пятном, но в то же время, оно будто полностью остановилось и вернется назад только тогда, когда восторжествует справедливость.

Я почти не помню ее похороны. Там были фиолетовые цветы, это помню. Они бы ей понравились. Но больше ничего особенного. Наверное, мой травмированный мозг решил отключить или подавить это воспоминание, но не то, которое преследует меня каждую ночь во снах.

Отблески желтого цвета в лужах. Размытые красные фары. Черный цвет. И ножевые ранения.

Они никогда не кончаются. Удары ножом.

Даже когда ее стеклянные, пустые глаза опускаются на мои, сирена не звучит, а удары не прекращаются.

Желчь подкатывает к горлу при мысли об образах, от которых я не могу избавиться. Я бы выпила галлон отбеливателя, если бы он мог очистить мой разум. Вместо этого я поднимаю подушку и кричу в нее, пока не кончается воздух.

Урчание, доносящееся из пустого желудка, — единственная причина, по которой я встаю и шаркаю к двери спальни. Наша квартира маленькая, кухня тесная, но все уютное. Было намного уютнее, когда многочисленные комнатные растения цвели. Без Бет и моей неспособности заботиться о таких мелочах, как растения, половина засохла и стали коричневого цвета.

Я выхожу из комнаты, и меня передергивает от мерзкого запаха того, что гниет на грязной посуде в кухонной раковине. Мусорное ведро переполнено контейнерами для еды, и я точно знаю, что в холодильнике нет ничего съедобного. Моему желудку все равно. Он продолжает урчать, хотя мне нечем его удовлетворить.

Клянусь, что сегодня же займусь этой кучей посуды. Так же, как я клялась вчера, и позавчера, и поза-позавчера. Я знаю, что не сделаю этого, но мне легче притворяться. И когда почти все напоминает о ней и ковыряется в сырой и кровоточащей ране, все еще зияющей в моем сердце, я приму все, что смогу получить.

Самое яркое напоминание — это черно-желтая лента, протянутая через дверь ее

спальни. Полиция просмотрела комнату на следующий день после убийства, и с тех пор я туда не заходила.

Не могу.

Словно какой-то маленький, восхитительно глупый уголок моего сознания думает, что, если я не буду трогать ее вещи, она вернется и заберет их.

Семья Бет сказала, чтобы я не торопилась перебирать ее вещи. Они не хотели «нарушать мое горе, торопя процесс».

«Когда будешь готова», — сказали они.

Что, блять, это значит? Трудно поверить, что я когда-нибудь буду «готова» признать тот факт, что моя лучшая подруга с детского сада мертва.

Не просто мертва. Убита.

Я бы хотела, чтобы они меньше заботились о *моем горе* и больше о том, что копы тянут время. Не понимаю, как они могут просто смириться с тем, что полиция зашла в тупик, вместо того чтобы устраивать беспорядки в участке каждый чертов день. Потому что именно это я и хочу делать.

Меня уже три раза выпроваживали. Мне сказали, что если я вернусь в таком состоянии, то буду арестована за домогательство к сотруднику правоохранительных органов. Видимо, им не очень нравится, когда орешь в рупор в участке, требуя новостей по делу.

Может, если бы они лучше выполняли свою чертову работу...

Мои легкие горят, и я с хрипом хватаю воздух.

Толчки в груди усиливаются, паническая атака вот-вот обрушится на меня. Я добегаю до ванной комнаты и открываю кран душа, прыгая в воду до того, как она успевает нагреться.

Холодная вода хлещет, когда я сползаю по кафельной стене и сворачиваюсь в клубок.

Я направляю все свои силы на то, чтобы сосредоточиться на ледяном потоке, потому что, если не отвлекусь от желто-черной ленты на двери, и того, что находится за ней, уверена, что мое сердце просто сдастся.

— Вы любите голубой сыр? У них есть офигенный салат с посыпкой из голубого сыра. Я не любитель салатов, но, черт возьми, съел бы его с потрохами, — говорит таксист так радостно, что создается ощущение, будто он припаркуется и пойдет обедать со мной. Я мысленно стону от этой мысли.

Выбор, где и что есть, кажется таким эгоистичным. Бет под землей, а я разрываюсь между чоу-мейном² и пиццей. Господи Иисусе.

Не помогает и то, что все места, куда я обычно хожу, полны воспоминаний о Бет. Я взяла за правило вызывать такси и просить водителя отвезти меня в их любимый ресторан. Если там я бывала с Бет, то прошу их выбрать другой. А поскольку мою машину забрали для улики и не вернули, то либо так, либо пешком. Добавьте это к списку дел, на которые у меня нет сил.

Вот так я и выхожу из такси перед рестораном в стиле паб, пока водитель продолжает тараторить о проклятой посыпке из голубого сыра.

«Лисье логово».

Название написано золотыми вьющимися буквами над окнами с частично задернутыми

бархатными шторами. Фасад ресторана выкрашен в элегантный черный цвет. Столики быстро на улице заняты, и когда я вхожу внутрь, там так же много народу. Похоже, тут много любителей голубого сыра.

Здесь царит классическая атмосфера старого паба с толстой отполированной деревянной барной стойкой. Многоярусные полки с бутылками спиртного за стойкой, подсвечены снизу, создавая радужное сияние. А за ними — зеркало в золотой оправе.

Вот где начинается декаданс. Вместо концертных флаеров на стенах висят несколько оригинальных, великолепных картин. Они абстрактны, но создают ощущение деревушки, в которой лиса может обустроить нору.

Здесь есть зона ожидания с красными кожаными скамейками, куда хостес направляет меня. Я сажусь, чувствуя себя не на своем месте. Не то чтобы здесь все были одеты по дресс-коду, но они выглядят как люди, которые моют фрукты, как только приходят домой из магазина, и покупают туалетную бумагу с запасом. Короче говоря, похожи на людей, у которых жизнь налажена.

И это точно не про меня.

Я подняла с пола вещи и выбрала их только потому, что они прошли проверку на нюх. Приняла душ, но не удосужилась помыть волосы, поэтому они уложены в небрежный пучок — и не самый шикарный. На мне сланцы с носками, и я все больше думаю, что это ошибка.

Почему водитель не мог отвезти меня в забегаловку с жирной пиццей и крылышками?

Я уже встала и собираюсь уходить, когда к хостес подходит мужчина в черном костюме. Он наклоняется, чтобы прошептать ей что-то на ухо, и при этом кладет руку ей на бицепс.

Как только я вижу его, меня словно сбивает автобус. Я настолько потрясена, что отшатываюсь назад на несколько шагов, как будто получаю физический удар.

Вижу черно-белую татуировку лисы, которая смотрит на меня, а змея все так же мертво свисает из ее пасти. Я умоляю свои ноги двигаться, но чувствую себя такой же парализованной, как и в первый раз, когда увидела эту татуировку.

Застыла на месте.

Хостес смеется над тем, что сказал он — *убийца Бет*, — и это выводит меня из транса. С каждым нервом в моем теле, бьющимся от адреналина, я бодро выхожу на улицу. Пытаюсь сохранить спокойствие, пока не дойду до угла квартала, но мне это не удастся. Я бегу по тротуару. За углом прижимаюсь спиной к ближайшему зданию. Задыхаясь, смотрю на голубое небо, пока мои легкие пытаются восстановить дыхание.

Только на мгновение. Затем я роюсь в сумке в поисках визитной карточки, которую дал мне детектив Саксон.

Черт. Дерьмо. Дерьмо. Что за бездна в этой сумке!

Я судорожно обшариваю ее рукой, прежде чем решаю выбросить все на тротуар. Перебираю скомканные квитанции, ручки, тампоны и разный хлам, пока не нахожу визитку. Все еще стою на коленях на тротуаре, окруженная содержимым своей сумки, когда звоню Лео.

Идут гудки, и я грызу внутреннюю сторону щеки. *Возьми трубку, возьми трубку, возьми трубку.*

— Саксон, — раздается его голос, и моя грудь раздувается в большом, облегченном вздохе.

— Это он. Я его видела.

Я держу дверь открытой для полицейского, сопровождающего закованного в наручники мужчину, от которого волнами исходит запах алкоголя. Я следую за ними, в вестибюле участка, где явно меньше народу, чем когда я была здесь в последний раз. Однако флуоресцентные лампы и запах лизола остались прежними.

— Харлоу Харгрейв к детективу Саксону, — говорю я женщине-полицейскому, очевидно, дежурившей в приемной за стеклянной перегородкой. Она чавкает жвачкой и берет трубку, нажимая пару кнопок.

Я нетерпеливо постукиваю ногой. Кто-то отвечает. Я их не слышу, но она бормочет «м-м-м», прежде чем повесить трубку.

— Он сейчас выйдет, — говорит она с выражением чистой скуки на лице. Я едва не вылезаю из кожи от нервов, а она тасует бумаги так, словно мечтает быть где-нибудь в другом месте. Если бы она знала, зачем я здесь, то была бы больше воодушевлена.

Я, блять, нашла его.

Это он. Я знаю, что это он. Тагуировка впечаталась в память, преследует меня каждую ночь, и она принадлежит человеку в черном костюме. «Заткнись», — шиплю я на испорченную часть своего мозга, которая указывает на что-то отдаленно сексуальное в этой ситуации.

— Лео, — я встаю и машу рукой. Он улыбается, когда видит меня.

— Мисс Харгрейв, прошу вас пройти за мной.

— Если мне можно называть тебя Лео, то и ты называй меня Харлоу, — я бросаю на него взгляд и ухмыляюсь.

— Хорошо, — уголок его рта поднимается, и в его взгляде появляется почти коварный блеск, отчего у меня в желудке творятся непонятные вещи. — Харлоу.

Я слегка отстаю от него, пока он ведет меня через камеры временного содержания, разглядываю худые, но все еще мускулистые плечи. Я смотрю на других детективов. Одни с любопытством смотрят на меня, другие уткнулись носами в толстые папки. В воздухе витает какое-то волнение

Он проводит меня в комнату для допросов и закрывает дверь. Эта комната отличается от той, где я была раньше. Для начала, здесь есть окна, выходящие на улицу, и еще одно, выходящее на камеры. Должно быть, он заметил мой взгляд, потому что говорит:

— Могу опустить жалюзи, если будет комфортнее.

— Нет, все в порядке, — он жестом показывает на маленький круглый стол в центре комнаты, и мы оба достаем стулья и садимся. Еще одним отличием является ковровое покрытие. Наши стулья бесшумно скользят по ковру с низким ворсом, а не скрежещут, как металл по бетону.

Он достает из кармана диктофон, а также небольшой блокнот и ручку. Ставит диктофон в центр стола и щелкает по нему.

— Не возражаешь, если буду записывать? — я качаю головой, внезапно ощущая скорее нервозность, чем волнение. Все это кажется таким зловещим, как дежавю, когда он говорит: — Хорошо, расскажи, что произошло. Начни с самого начала.

Я рассказываю ему все с того момента, как проснулась. Опускаю часть о жизни на мусорной свалке. Детектив Саксон производит впечатление человека, который содержит дом в чистоте. Сомневаюсь, что найду у него хоть пылинку. Он ошалеет, если узнает, как я живу сейчас. И по какой-то причине меня волнует его мнение.

— ...и тогда я позвонила, — заканчиваю я.

— Он тебя видел? — Лео щелкает ручкой, а я шаркаю по ковровому покрытию, покачивая ногами.

— Не думаю.

Он кивает головой и потирает нижнюю губу — мой взгляд фиксируется на этом движении — но он ничего не говорит. Просто кивает и снова щелкает ручкой с задумчивым видом.

— Ну...? Его арестуют или как? — нарушаю я молчание.

Он упирается предплечьями в стол и наклоняется вперед. Говорит тем же тоном, что и в прошлый раз, когда разговаривал со мной, как с пойманным кроликом.

— Дело вот в чем, Харлоу. Человек, которого ты видела, — Кэш Фокс. Он владеет «Персиком», «Лисьим логовом» и разными другими заведениями в городе, — от этих слов у меня кожа покрывается мурашками. Зная, что серийный убийца без зазрения совести живет своей жизнью на публике, управляя бизнесом. Ради всего святого, он был боссом Бет.

— Разве это не здорово? У него есть связь с Бет и местом преступления, — мои ладони начинают потеть, когда Лео прикусывает губу, словно тщательно обдумывая, что он собирается сказать дальше.

— Это все косвенные улики. Да, связь есть. Именно поэтому мы уже рассматривали его алиби, когда ты вспомнила о татуировке. Но мы все еще застряли на том же месте, где были раньше.

— И что это за место? — мое горло сжимается, и я умоляю себя не плакать. Этот разговор идет совсем не так, как я думала.

— Ты всего лишь свидетельница, которая что-то видела, но его алиби доказывает, что это невозможно, — я будто падаю с огромной высоты. Все нервы, адреналин, волнение, предвкушение и эйфория сегодняшнего дня внезапно исчезают, оставляя меня в свободном падении.

— Что? Нет, мы должны что-то сделать. Я видела его, Лео. Я, блять, видела его.

Это я лежала на тротуаре, когда мою лучшую подругу резали, не в силах ничего сделать.

Ничего. Я ничего не сделала.

Только запомнила каждую линию этой проклятой татуировки.

— Что это за алиби? Оно не правдивое. Это он, должен быть он, — мне не нравится, как отчаянно я говорю, но еще больше не нравится то, что Лео говорит дальше.

— Я не имею права обсуждать эти детали.

Мое тело вибрирует от ярости.

— Ты издеваешься надо мной? — я огрызаюсь. — Я пережила худшую ночь в своей жизни, а ты «не имеешь права обсуждать» что-либо со мной? — я встаю, готовая к штурму, если этот придурок скажет еще одну идиотскую вещь.

— Я уже рассказал тебе больше, чем следовало, Харлоу, — напряжение немного рассеивается, когда он извиняющимся тоном произносит мое имя. — Ты не должна знать, что Фокс является подозреваемым, не говоря уже о деталях его алиби.

— Но, но... — я провожу руками по волосам, мои мысли летают вокруг, как чертовы комары летом. — Как он объяснит эту татуировку? Это не может быть кто-то другой.

— Любой адвокат защиты, поверь мне, Фокс может позволить себе самого лучшего, и будет утверждать, что вы встречались с Фоксом раньше, и твой мозг неправильно запомнил детали, смешав воспоминания из-за травмы. Показания свидетелей, особенно если речь идет

о травмирующем инциденте, как известно, ненадежны. Нам нужны неопровержимые вещественные доказательства, а у нас их просто нет. Мне жаль, Харлоу.

— Мне плевать на твою жалость, — говорю я себе под нос, но, видимо, достаточно громко, чтобы он услышал, судя по тому, как дергается его челюсть.

Я уже чувствую, как *нечто* приближается ко мне, вторгаясь в мою сущность. *Онемение*. Холодное и темное. Оно возвращается.

— Можно тебя проводить? — в его вопросе звучит грусть.

Я не смотрю ему в глаза. Не хочу видеть жалость, неуместное сочувствие.

— Не утруждайся.

Я мчусь в вестибюль, вспоминая вывеску туалета, которую заметила раньше. Запираю дверь и бегу по кабинкам, смывая каждый унитаз, пока шум не становится громким, чтобы перекрыть мои крики. Я кричу в гулком помещении до тех пор, пока вода не стихает. Кричу сквозь узел эмоций, застрявший в моем горле, и кричу, чтобы сдержать онемение. Может быть, на этот раз, если я буду достаточно громкой, достаточно сильной, то смогу запереть его.

В комнате становится тихо, пока я перевожу дыхание и слушаю, как вода из крана раковины капает, капает, капает.

Черт побери. Похоже, я буду выслеживать серийного убийцу в одиночку.

ГЛАВА 3

Не плачьте из-за пролитого кофе

Не знаю, был ли это кофе со льдом Venti с дополнительной порцией или тот факт, что время, наконец, как будто снова пошло вперед, но к тому времени, когда я рухнула на диван, я вычистила и привела в порядок каждый сантиметр квартиры — кроме ее комнаты. На это ушло шесть часов, несколько походов к мусоропроводу и остатки средства для посуды, но дело сделано.

Я открываю банку пива и смотрю на пузырек с таблетками в своей руке. Я чувствую легкость, которой не испытывала с момента инцидента, и думаю, может быть, мне не нужны таблетки, чтобы заснуть сегодня. Это слабое чувство, но в воздухе витает искорка надежды.

К черту полицию. К черту детектива Саксона. К черту фальшивые алиби и подлых адвокатов. И к черту Кэша Фокса. Потому что я сожгу его мир дотла и буду танцевать на пепелище.

Я не успеваю выпить и половины пива, как засыпаю на диване. Только когда просыпаюсь под звуки птиц и утренней электрички за окном, понимаю, что впервые за две недели проспала ночь без снов.

Я смотрю на ухмыляющегося мультяшного пса, который, честно говоря, выглядит обкуренным, красная бандана низко наброшена на его шею.

Что ж, начало многообещающее.

Когда я искала в интернете «Кэш Фокс», на экране появилась куча веб-сайтов, посвященных кредитам, и бизнес-страниц «Фокс Ньюс». Тогда я проверила результаты поиска по картинкам, и оказалось, что в фильме «Лис и пес» есть поющая группа собак во главе с псом-укурышем Кэшем.

Когда я начинаю добавлять другие ключевые слова, такие как ресторан, бизнес и клуб «Персик», появляется еще больше. Я поглощаю каждую статью, которую нахожу, но только все больше и больше расстраиваюсь, когда в любой статье его рисуют как молодого, успешного бизнесмена, который возвращает честность в индустрию развлечений. Я вздрагиваю, потому что, судя по тому, что я знаю о «Персике», они, по крайней мере, отчасти правы.

Когда Бет начала танцевать, она работала в четырех клубах за четыре месяца, прежде чем нашла «Персик». Каждый клуб был хуже предыдущего, менеджмент был кодом для наркоторговцев, девушкам не платили их долю половину времени, а охрана вмешивалась только тогда, когда кому-то грозила смерть. Если только клиент не был хайроллером³, то мужики практически не видели границ с танцовщицами. Бет сказала, что некоторые девушки выглядели несовершеннолетними, и те часто проводили время со взрослыми дядьками.

Но в «Персике», по ее словам, она всегда чувствовала себя в безопасности. В каждой отдельной комнате были тревожные кнопки, и девушки могли даже заказать украшения со встроенными кнопками, если хотели. Наркотики были случайным явлением, но охрана позволяла это только давним и беспроблемным клиентам. Любого новичка, который

приносил наркотики, выгоняли и заносили в черный список.

Если танцовщицы хотели завести отношения со своими клиентами, им предоставлялась дополнительная охрана. Однажды они даже оплатили услуги адвоката, чтобы отмазать девушку от обвинения в проституции, когда на Джона донесла его мстительная жена.

Все эти воспоминания только усиливали мой гнев. Этот ублюдок маскируется под борца за права женщин днем и убивает их ночью. Интересно, встречалась ли Бет с ним, что произошло, и поэтому ли он выбрал ее? Нашла ли она в нем харизматичного предпринимателя или увидела тьму, плавающую под поверхностью?

У нее всегда была отличная интуиция в отношении людей. Одна из тех вещей, которые сделали ее такой замечательной танцовщицей. Она умела видеть, чего хотят люди, даже если это отличалось от того, что они говорили. Я вспоминаю одного мужчину, о котором она мне рассказывала.

Он пришел, уже немного выпив, и очень настойчиво добивался приватного танца. Когда он оказался в зале, его манерность поутихла, и Бет сказала, что, похоже, он не очень-то хотел там находиться. Оказалось, что его жена сказала ему, что он ее больше не привлекает. Они влюбились еще в школе, и тридцать лет спустя, многое изменилось. Он больше не был звездным бейсболистом, а она — главной болельщицей. Они стали замученными родителями трех девочек, у них едва хватало времени на сон, не говоря уже о том, чтобы проводить время друг с другом.

Вместо танца на коленях Бет научила его, как прикасаться к жене, что шептать ей на ухо, и дала ему несколько советов, которые наверняка понравятся его жене — подсказка, это клитор. В следующие выходные он пришел туда с женой, и Бет сказала, что они выглядели как влюбленные подростки с горящими глазами.

Но это сделала потрясающая Бет, а не Кэш Фокс, и я начинала уставать от чтения статьи за статьей, воспевающих его дифирамбы. Разочарованная и злая, я стучала по клавиатуре: «Убийца Кэш Фокс».

Страница загружалась мучительно медленно, и я уже хотела захлопнуть ноутбук, когда заголовок заставил меня вздрогнуть:

54-летний Фокс приговорен к пожизненному заключению без права досрочного освобождения за убийство губернатора.

Как отец, так и сын? Мой пульс бешено скачет, когда я открываю статью десятилетней давности и начинаю читать...

Эйден Фокс, 54 года, вел себя незаинтересованно, пока судья читал его приговор: пожизненное заключение без права на досрочное освобождение. Четверо его сыновей — Кэш, 23 года, Финнеас, 21 год, Роан, 16 лет, и Локлан, 9 лет — стояли с одинаково каменным лицом во время заседания. Старший из них, Кэш, был единственным, кто проявил эмоции после вынесения приговора, бросая непристойные слова и угрозы в адрес судьи, и был силой удален из зала суда.

Фокс был обвинен в убийстве губернатора Олбрайта в кабинете губернатора в прошлом году. После двухнедельного судебного разбирательства присяжные признали его виновным. Обстоятельства и мотивы убийства остаются неизвестными. Фокс, крупный донор и давний сторонник Олбрайта, находился на личной встрече с губернатором, когда раздались выстрелы.

Фокс заявил о самообороне. Офис Олбрайт не стал раскрывать подробности встречи. Общественное мнение по этому вопросу разделилось, поскольку вокруг Олбрайта давно

ходят слухи о коррупции. Сам Фокс владеет несколькими известными заведениями в городе, включая ирландский паб «Лисье логово», получивший множество отзывов. Многие люди, с которыми мы разговаривали и которые регулярно общались с Фоксом, говорили, что он был хорошим соседом, щедрым и всегда готовым протянуть руку помощи.

Адвокаты Фокса говорят, что вместо него владельцем заведения станет его старший сын.

Однако наши источники в полиции говорят, что семья Фокс давно подозревается в организованной преступности. В 2005 году Фокс был обвинен в рэкете⁴, но так и не был осужден.

Я закрываю ноутбук и опускаюсь на диван, в моей голове крутится миллион вопросов.

Мафия?!

Хотя, в этом есть смысл. Лео, похоже, уже знал о Кэше. И если он не просто бизнесмен, а качает бабки нелегальным способом, это объясняет, почему он может позволить себе «лучших» адвокатов и почему он неприкасаемый.

Может быть, я влезаю не в свое дело? Я не могу отделаться от мысли, что все это закончится моей смертью где-нибудь в канаве. Разве не так поступают мафиози? Вырезают языки и убивают своих врагов?

Несмотря на эту мысль, во мне пробегает пульсация чего-то опасно близкого к волнению.

Абсолютно ужасная идея. И я обязательно это сделаю.

В одной руке кофе, в другой — самые большие солнцезащитные очки, которые у меня есть. Я готова. Выйдя из кафе «Июньский жук», расположенного через дорогу от «Лисье логово», я надела очки и заняла столик на улице с видом на ресторан. Притворяюсь, что листаю в телефоне, а на самом деле слежу за каждым входящим и выходящим человеком. Сейчас как раз время обеда, поэтому я предполагаю, что большинство этих людей — рабочие. Замечаю, что у многих женщин темные волосы. Я не знаю, важно ли это или просто совпадение, но все равно записываю.

Я смотрела достаточно криминальных передач, никогда не знаешь, какая мелочь раскроет дело, и с Богом в качестве свидетеля я раскрою это дело.

Над пабом находятся квартиры, дверь в подъезд прямо рядом. Немногие люди приходят и уходят, но я все равно запоминаю их.

Я уже жалею о нескольких факторах, повлиявших на эту слежку. Во-первых, я так нервничаю, что случайно заказала горячий кофе несмотря на то, что сейчас самое теплое время весны. Во-вторых, я впервые за несколько недель надела джинсы и не могу удобно устроиться в этих смиренных рубашках для ног. Другие посетители смотрят на меня из-за шума, который я издаю, раскачиваясь на проволочном стуле.

И это последнее, чего я хочу. Чтобы на меня обращали внимание.

Я делаю неохотный глоток кофе и стараюсь вести себя так, будто не пытаюсь поймать серийного убийцу. Откидываюсь на спинку стула и пытаюсь выглядеть расслабленной и непринужденной.

Кто-то внутри ресторана переключает табличку «закр^ыто» на «откр^ыто», и я настораживаюсь. Он вообще регулярно здесь бывает? У него полно других дел, которые он

должен проверять, как наверху, так и внизу.

Что если, пока я здесь преследую его, он выслеживает свою следующую жертву? Меня переполняет тошнота. Будет еще одна жертва. Еще одна Бет.

Внезапно это жалкое оправдание слезки кажется абсурдной тратой времени. Неужели я так долго была в оцепенении, что перестала осознавать серьезность ситуации, потенциальную опасность?

Нет, дело не в этом. Я полностью осознаю безрассудство и риск.

Я не хочу признавать это, но немного жалею, что он не убил меня той ночью. Возможно, он бы так и сделал, если бы сирены не спугнули его. Эта миссия на грани глупости и храбрости не пугает меня так, как должна. Потому что все равно какой-то частью надеюсь, что меня поймают, и он закончит то, что начал.

Дверь квартиры открывается, привлекая мое внимание. Выходит белый мужчина, и мое сердце замирает, но понимаю, что это не он. Он выглядит похоже, то же строение лица и грязно-светлые волосы, хотя у этого мужчины они длиннее и падают на глаза. Он прислоняется к стене рядом с дверью и задирает ногу, опираясь на стену. Он постукивает по пачке сигарет, но не открывает ее.

Осознание врезается мне в грудь. Он использует двойников.

Вот как он может быть в двух местах одновременно. Я еще не знаю, какое у него алиби, но если это зернистые кадры или видение издалека, то этот человек вполне может сойти за Кэша.

Я набираю контакт Лео, и мой палец уже завис над кнопкой вызова, когда дверь снова открывается. Кровь, бурлящая в груди, приливает к ногам, и мне приходится сознательно напоминать себе дышать.

Вот и он.

Он начинает говорить с другим мужчиной, и я вижу, что у них есть общие черты, но они далеко не идентичны. Теперь, увидев этих двоих рядом друг с другом, я отбрасываю свою недолговечную теорию о двойниках.

Кэш ниже ростом на несколько дюймов, но шире. Другой мужчина выглядит стройнее и моложе, а мускулы Кэша обтягивает белая футболка, татуировки тянутся от кистей до самых плеч. У него взъерошенная короткая стрижка, русого цвета волосы, тот самый цвет, который получают дети-блондины. У другого мужчины сохранилось гораздо больше блонда.

Интересно, какой это именно брат?

Он предлагает Кэшу сигарету, и мой взгляд останавливается на его губах, мягко обхватывающих сигарету и выдыхающих дым. Я уговариваю себя, что мои чувства в глубине души, — это волнение по поводу потенциального доказательства ДНК, а не потому, что его профиль, когда он откидывает голову назад, похож на темного принца, ожидающего коронации.

Я тянусь за чашкой, не отрывая взгляда от двоих, очарованная тем, как непринужденно они выглядят — никогда бы не подумала, что под этими татуировками скрываются грязные секреты.

— Вот дерьмо! — восклицаю я и вскакиваю, когда горячий кофе проливается мне на колени, а опрокинутая чашка валяется пустой на столе. Все на террасе смотрят на меня, и когда я бросаю взгляд на улицу, сглатываю от ужаса, когда вижу, что братья тоже услышали и наблюдают.

Глаза Кэша фиксируются на моих, и я не могу дышать. Не могу пошевелиться.

Он наклоняет голову, как любопытный наблюдатель, делая медленную затяжку. По всему моему телу пробегает холодная дрожь. Его рот складывается в тонкую, но злую ухмылку, когда он выдыхает дым, и, хотя с такого расстояния это невозможно, я готова поклясться, что слышу хихиканье.

Успеваю только отвести взгляд, когда подходит официантка с полотенцем и начинает убирать мой беспорядок.

— О боже, простите. Я помогу, — я тянусь за полотенцем.

Но она только улыбается в ответ и говорит:

— Все в порядке, так часто бывает, — успокаивает она.

Я засовываю телефон в карман и быстро иду по улице, подальше от глаз убийцы, который, как я чувствую, сверлит дыру в моей спине.

Остаток ночи я провожу на полу своей спальни с поварским ножом в одной руке и молотком в другой. Жду. В предвкушении. Смотрю на свою запертую дверь. Он так и не приходит.

Но на следующее утро, назовите это решимостью или недосыпанием, я готова сделать все правильно. Или, по крайней мере, лучшим способом, который я знаю.

Изо всех сил стараюсь не обращать внимания на вчерашнюю катастрофу в кофейне, я устраиваюсь в окне соседнего книжного магазина. Даже покупаю несколько нехудожественных книг и беру с собой блокнот, чтобы было похоже, будто я занимаюсь. Мне нужна более веская причина сидеть здесь несколько часов, а не листая в телефоне. Нужно слиться с толпой. Стать такой обычной и скучной, чтобы никто меня не запомнил.

Находясь в безопасности за стеклом, я могу наблюдать за дверями как ресторана, так и квартирного дома. Мой пульс учащается каждый раз, когда открывается дверь, и каждый раз, когда это не он, возникает тоскливое чувство. Я не знаю, облегчение это или разочарование.

Когда он наконец появляется, я чувствую, как каждый нерв в моем теле напрягается. Он говорит по телефону, но я его не слышу. Собираю свои вещи, надеваю бейсболку, снимаю толстовку, в которой была, и запикиваю ее в сумку.

Через несколько минут после него из здания выходит белокожая брюнетка в леггинсах и спортивном бюстгальтере, и у меня появляется тревожное чувство в животе, когда он обнимает ее и целует в щеку. Она машет на прощание рукой с задорной бодростью, он машет ей в ответ, не прерывая своего разговора. В моем нутре все бурлит, когда она смотрит ему в глаза, и я задаюсь вопросом, смотрела бы она на него так и дальше, если бы знала? Смогла бы она по-прежнему терпеть его руки на себе, если бы знала, что они испачканы кровью?

Медленно и неторопливо я выхожу из книжного магазина, делая вид, что пишу смс, не поднимая головы, но мои глаза прикованы к нему под козырьком моей кепки. Он шагает по тротуару, разговаривая. Я слышу глубокий, властный тембр его голоса, но не разбираю слов. И не могу рискнуть подойти ближе, не после вчерашнего. Он видел мое лицо. Хотя, на мне были солнцезащитные очки.

Узнал ли он меня? Помнит ли он, как тряслось и билось мое тело, прежде чем я упала на землю? Запомнил ли мое лицо, когда я боролась за сознание, прижавшись щекой к асфальту? Обратил ли он на меня внимание, когда расправлялся с Бет?

Интересно, как долго я смогу простоять здесь, притворяясь, что пишу, прежде чем это вызовет подозрения? Он не смотрит прямо на меня, но постоянно едва заметно сканирует

окружающее пространство. Надеюсь, что фонарный столб, к которому я прислонилась, скрывает любые узнаваемые черты.

Он достает сигарету из-за уха, и я прикусываю губу, чтобы не завизжать от удовольствия. Я пришла подготовленной именно к этому моменту.

Все больше волнуюсь, пока сигарета тлеет. Он заканчивает разговор одновременно с тем, как бросает окурочок на землю. Затем направляется прямо ко мне.

Я обхожу фонарный столб так, чтобы оказаться к нему спиной, сердце бешено колотится и умоляет меня прыгнуть за одну из машин, припаркованных вдоль улицы. Но я должна держать себя в руках, а играть в прятки на проезжей части — это не совсем нормально. Включаю переднюю камеру на телефоне, чтобы наблюдать через плечо. С облегчением прижимаюсь к столбу, когда вижу, как он садится в черный седан BMW.

Он шел не ко мне, а к своей машине.

Чувствуя себя так, словно только что выиграла в лотерею, я подпрыгиваю на пятках, пока он не уезжает. Как только его машина скрылась из виду, я перебегаю улицу и опускаюсь на колени, словно для того, чтобы завязать шнурки. Но вместо этого накидываю на руку маленький мешочек и подбираю окурочок.

Попался, ублюдох.

ГЛАВА 4

История происхождения злодея

Кэш

30 часов назад

На лестничной клетке стоит затхлый запах мокрого цемента, который появляется в старых промышленных зданиях во время дождя. У меня возникает искушение пробежать остаток пути, надеясь, что ублюдок еще не умер. Но мне нужно сдерживаться, если я хочу действовать методично. Нельзя торопить совершенство.

А я приемлю *только* совершенство, особенно когда речь идет о причинении боли.

Мы доходим до двери на крышу, и я оттаскиваю Роана за шкуру.

— Если снова собираешься блевать, стой подальше. Нельзя, чтобы хоть кто-то видел твои слабости.

— Не буду, — выдавливает он из себя сквозь сжатые челюсти. — Он же не останется жив, и никому не расскажет, — он насмехается, и я бью его в живот.

— Дело не в этом, — я проталкиваюсь мимо него и распахиваю дверь. Холодный ветер хлещет по лицу, а в руках возникает то сладкое покалывание, которое всегда бывает перед казнью. Мои пальцы буквально зудят от желания начать поскорее.

Это кульминация десятилетней охоты.

Я шагаю по крыше к ржавой водонапорной башне, моя кровь гудит, когда я слышу шаги братьев позади. Это не только их месть, но и моя. Наклоняю голову в обе стороны, разминая шею, прежде чем взобраться по перекладинам к люку башни. Лестница такая же ржавая, как и все остальное, металл скрежещет под моими ладонями.

Предвкушение лижет кожу, как спиртовое пламя, когда я отпираю навесной замок, надежно закрывающий люк. Я буду чертовски разочарован, если этот ублюдок сдох до того, как начнется веселье. Я вообще ни о чем не жалею, но, если он умрет, то пожалею, что проткнул отверткой обе коленные чашечки и запер его в водонапорной башне двадцать четыре часа назад. Признаться, это было немного чересчур.

Со вздохом и молитвой я поднимаю крышку, и, как дар Божий, на меня смотрит живое и здоровое лицо Марка Шнайдера, ладно, не здоровое, но живое. Его волосы мокрые и ниспадают на лоб, он отчаянно задыхается при моем появлении.

— Слава Богу, ты вернулся, — его голос дрогнет от слез, и я фыркаю от его жалкого расстройства. — Пожалуйста, не оставляй меня, я не справлюсь. Пожалуйста, я сделаю все, что угодно, если ты меня выпустишь, — он барахтается в воде, и я разочарован, что освещение плохое, не дает разглядеть, стала ли вода красной или коричневой от его крови.

Его руки слабо барахтаются, пока он плывет через резервуар к открытому люку с двумя разбитыми коленями. Этот человек — идиот, если думает, что мы вытащим его из резервуара и просто отпустим.

Но, конечно, он это знает. Он провел последние десять лет, слушая о том, как все его сообщники умирают от самых ужасных травм. Надо отдать ему должное, он чертовски

хорошо прятался. Но не идеально, и мы, наконец, поймали его.

Меня тошнит, когда я тянусь в бак, и мне приходится дотрагиваться до него, чтобы вытащить. Я рычу от отвращения, когда вытаскиваю его и тащу за голову по лестнице. Он падает на крышу, воя от боли. Во мне нет ни капли сочувствия. Я знаю, что мой отец был точно так же, когда медленно сходил с ума в одиночной камере.

Официально он находился там для собственной безопасности. В первую неделю пребывания в тюрьме на него совершили покушение. Но я ни на секунду не сомневался, что это Шнайдер и его дружки заперли его, чтобы он не мог никому рассказать правду.

А правда заключалась в том, что они — подчиненные губернатора Олбрайта — убили губернатора и подставили моего отца. Они хотели сотрудничать с итальянцами, но Олбрайт был предан моей семье. Одним диким махом они устранили и Олбрайта, и моего отца.

Любая боль, которую они испытали от моих рук, объясняется их собственной недалекостью. Никто не ожидал, что вспыльчивый сын Эйдена Фокса многого добьется. Все полагали, что мы с братьями потухнем, оставшись без матери и отца. Утонем в наркотиках или погибнем в уличных драках.

Конечно, этого не случилось. И вот теперь я стою над сгорбленным, стонущим последним раздавленным тараканом. Я опускаюсь на корточки, чтобы заглянуть в его залитое слезами лицо.

— Мне не хочется опускаться до твоего уровня, но нужно сделать это глаза в глаза.

— По-пожалуйста, — лепечет он, я достаю пистолет с пояса и засовываю ствол ему в рот, чтобы он замолчал.

— Разве ты не знаешь, что перебивать невежливо? — его глаза становятся огромными блюдцами, когда он шатко кивает головой вокруг пистолета. — Но ты здесь не для долбаного урока этикета, — я слышу, как один из моих братьев фыркает позади — вероятно, Финн, извращенный ублюдок.

— Ты слышал про смерть от тысячи порезов? Все думают, что это буквально, представляют тысячу крошечных царапин или еще какую-нибудь хрень. А ты знаешь, что они на самом деле делали? — он бормочет что-то бессвязное с пистолетом, все еще зажатым во рту. — Хм, я не понял. Но расскажу тебе, ага? Палач сдирал небольшие куски кожи, затем ампутировал конечности, а финалом было обезглавливание, — праведный гнев бурлит в нем, когда я смотрю, как он плачет, как его разбитое тело сотрясается от рыданий. — Но не волнуйся, Марк, я не сделаю этого с тобой. Видишь ли, к сожалению, приговоренный обычно умирает или теряет сознание задолго до ампутации. А это не очень весело.

Я щелкаю запястьем, показывая братьям, чтобы те усадили его на скамью для порки, которую они принесли на крышу. Я не буду использовать ее по прямому назначению, но она отлично подойдет для того, что я запланировал. Убираю пистолет, когда мои братья поднимают мужчину. Он кричит между рыданиями и мольбами, когда они кладут его на скамью и скрепляют запястья и лодыжки снизу. Его колени издают ужасный хрустящий звук, когда они сгибают их, чтобы уложить на скамью.

Шнайдер дрожит, и я не знаю, от чего это — от холода из-за мокрой одежды или от боли. Может быть, от страха перед тем, что должно произойти. В любом случае, это прекрасное зрелище. Здесь, на окраине города Джун-Харбор, звезды видны в ясном ночном небе, придавая сцене атмосферу астральной магии.

— Я недавно прочитал об удивительном норвежском ритуале под названием «кровавый орел», ты слышал о нем? — мне отвечают только столами. Я сжимаю в кулак его волосы и

дергаю голову вверх. — Смотри на меня, когда я говорю с тобой, Марк. Блять возьми, на чем я остановился?

— Ты собирался рассказать ему о «кровавом орле», — говорит Роан с моей стороны.

— А, точно. В норвежских преданиях он упоминается всего несколько раз, но каждый раз это происходило в отместку за убийство отца. И я подумал: «Ах, как подходит».

— Я не убивал твоего отца. Я не убивал его, — мешок с дерьмом причитает, как будто это его спасет, как будто я ни хрена не знаю, как именно умер мой отец.

— Ты прав, Марк. Ты не убивал его. Он сам себя убил. Знаешь как?

— Он... стена... — он бормочет что-то неразличимое.

— Я тебя не услышал, — я поднимаю его голову выше, надавливая на шею.

Он говорит медленно и с полным унынием. Наконец-то, блять, он понял, что умрет. Нет другого выхода. — Он поранился.

— Как? — сплевываю я, простота его ответа раздражает сильнее.

Он вздыхает. Я надеюсь, что он собирает дыхание, чтобы сказать правду без лишних слов.

— Он бился головой о стену своей камеры, пока не потерял сознание.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-нибудь бился головой о что-нибудь? Стол, дверца шкафа, что-нибудь в этом роде? — его брови сходятся вместе, он смущен, но бормочет «да». — И это громко, не так ли? Так что можно подумать, что, когда мой отец раз за разом врезается головой в чертову бетонную стену, будет шумно. Нет?

Он снова бормочет, и я, блять, больше не могу терпеть.

— Отвечай, ублюдох! Он бы наделал много шума, не так ли? — кричу я ему в лицо, и он морщится от моей ярости.

Ярость. Я был полон ею уже десять лет.

— Да, да. Он бы поднял шум, — Марк закатывает глаза, и я расстраиваюсь, что он от меня отшатывается. Черт, еще рано.

— Я бы спросил тогда, почему прошло двенадцать часов, прежде чем кто-то проверил его, но мне надоело слышать твой голос. Так что позволь перейти к делу. Чтобы выполнить «кровавого орла», нужно отделить ребра человека от позвоночника. Затем разрезать кости и кожу, чтобы вытащить легкие из тела. Понял, кровавый орел? Легкие выглядят как кровавые крылья — очень умно на самом деле.

Я протягиваю ладонь, и Финн вкладывает в нее скальпель. Все мое тело дрожит от предстоящей мести. Воздух гудит, как живое существо. Я пробираюсь к Шнайдеру, разрезаю его рубашку, открывая спину. Братья стоят рядом, словно мы Аид и три теневые головы Цербера.

Он хнычет.

— О, Боже. Пожалуйста, Господи, помоги мне.

— Надеюсь, ты молишься тому же Богу, который оставил моего отца истекать кровью в одиночестве на долгие двенадцать часов, потому что этот сукин сын никогда не отвечает на зов.

Локлан все еще протирает глаза от сна, проходя мимо меня. Счастливый ублюдох смог выкроить несколько часов для сна. Я был слишком возбужден, слишком высоко ценил справедливость, чтобы даже думать о сне.

— Пошли на улицу покурить.

— Ты вылил отбеливатель в канализацию? — спрашиваю я, не отрываясь от телефона.

— Да, я же не идиот.

— Хорошо. Выйду через минуту, — вряд ли в моей квартире когда-нибудь будут проводить обыск в связи с исчезновением Марка Шнайдера. В конце концов, невероятно трудно построить дело без тела, а моя бригада уборщиков — лучшая в своем деле. Тем не менее, ненужный риск — это именно та причина, по которой Шнайдер оказался в этом баке с водой после десяти успешных лет прятков.

Мы разделись на крыше и отдали уборщикам грязную одежду, переодевшись в свежую после душа с хирургическим йодом. Одного этого должно быть более чем достаточно, чтобы уничтожить любые улики, но отбеливатель, спущенный в слив душа, увеличит их количество с 99,9 до 100 процентов. И этот 0,1 процент может стать разницей между свободой или медленной деградацией в оболочку человека, которым вы когда-то были, в цементной коробке размером шесть на девять.

Я сожгу этот мир дотла, чем позволю себе или кому-либо из братьев повторить судьбу отца. Я ему это обещал.

Дописываю сообщение Роману, начальнику моей службы безопасности, и спускаюсь вниз к Локлану. Сигарета не заменит ночь сна, но это хорошее начало.

Я успеваю сделать всего одну затяжку, прежде чем шум на другой стороне улицы нарушает мой покой.

— Вот дерьмо! — я поворачиваюсь от Локлана и вижу белую женщину на другой стороне улицы, которая вскакивает со стула. Коричневая жидкость пачкает ее бледно-розовый топ. Мой взгляд путешествует вниз по пятну. Ее джинсы слишком узкие, из-за чего самая сексуальная часть ее животика выпирает наружу. Я пытаюсь избавиться от мысли о том, как кусаю ее за мягкую плоть, и поднимаю взгляд на ее лицо.

На меня смотрят самые большие, самые яркие, красные солнцезащитные очки в форме сердца, которые я когда-либо видел. Мне не нужно видеть ее глаза, чтобы понимать: они прикованы к моим. Я чувствую это. По позвоночнику пробегает электрический разряд, и я смотрю на нее, как олень на свет фар. Затягиваюсь сигаретой и, когда резкий дым заполняет мои легкие, не могу не задаться вопросом, каково это, если бы вместо никотина мои легкие заполнял ее аромат.

Светло-коричневые волосы собраны на макушке, пряди торчат повсюду. Так неаккуратно. Но когда на них попадает солнце, они светятся красивым красным цветом. Беспокойство накатывает на нее волнами. Я чувствую это так же точно, как ветер уносит мой дым.

Мне хочется быть ближе, чтобы увидеть, как она покраснела.

Официантка выходит, чтобы помочь убрать беспорядок, и та убегает, как маленькая мышка, явно смущенная своими неуклюжими действиями.

Хотя она не должна смущаться. Наблюдать за ней было самым веселым занятием за последние дни.

— Ты рано встал, — Локлан зеваает и проводит рукой по своим взъерошенным волосам, направляясь на кухню. У меня уже сварен кофе. Я пью вторую чашку, а солнце только-только окрашивает небо. — И переставил мебель?

Я подтащил винтажное кресло к окну, из которого открывается вид на кафе «Июньский жук». Вряд ли это перестановка.

— Она еще здесь? — спрашиваю я, он кивает, присаживаясь на диван из дубленой кожи. — Если собираешься использовать мою квартиру как свой личный бордель, оставайся с девчонкой, пока та не уйдет. Я ей не нянька.

— У меня сегодня утром встреча, — как будто это оправдание.

— Я прекрасно знаю об этом. Я, блять, ее назначил.

Он вздыхает в кружку с кофе, понимая, что облажался. Он самый младший из нас, братьев, и последние десять лет я был единственным родителем в его жизни. Это дало ему большую свободу действий, он ведет себя развязно и небрежно, но ему уже девятнадцать, и он должен начать вести себя соответственно.

Он поднимается и встает позади меня, глядя вниз на внутренний дворик кофейни, усеянный ранними посетителями.

— Только не говори мне... — не оборачиваясь, я слышу, как на его лице расплзается забавная ухмылка.

— Осторожнее, — предупреждаю я.

— Ты реально такой сумасшедший, как о тебе говорят, — он смеется, уходя, и, если бы я не хотел отвести взгляд от улицы внизу, я бы встал и ударил его.

— Проверь, что хранилище заперто, не хочу, чтобы спящая красавица из любопытства забрела туда, куда ей не следует, — я доверяю Франческе настолько, что позволил ей трахнуть с моим братом. Она племянница моего лейтенанта и знает мир, в котором мы живем. Но она — жаждет подняться выше. А жаждущие люди — самые отчаянные. — Не опаздывай на встречу.

— Конечно, босс.

Блять, долбанная шея затекла.

Я стону и поворачиваю головой, понимая, что на это старинное кресло, на которое я потратил десять тысяч, лучше смотреть, чем сидеть в нем часами.

Заканчиваю растяжку, а затем вскакиваю с этого чертова кресла, потому что...

Вот и она.

Мои затекшие ноги болят от прилива крови, а в животе одолевает новое ощущение.

На ней бордовая толстовка, и я сопротивляюсь желанию прочесть печать университета на лицевой стороне. Я могу узнать все о ком угодно. Мои связи могут сделать то, о чем АНБ⁵ может только мечтать.

Но по какой-то причине я не хочу читать о ней в досье. Хочу услышать это из ее уст. И чтобы не стать наркоманом, мне нужно медленно и осторожно вливать в себя эту зарождающуюся одержимость.

Дело не в этом. Мне все равно, что я стану наркоманом, если она — мой наркотик.

Я хочу затянуть это, потянуть за ниточку, слабо связывающую нас вместе, пока она не станет такой тугой, что оборвется.

Мне приходится поправлять член в штанах, когда она останавливается возле книжного магазина, берет в руки свои длинные темно-клубничные волосы и убирает их с шеи. Мне всегда нравились шеи. Как они изящно изгибаются, какая кожа мягкая и тонкая. Как слабо трепещет пульс, пока не начнешь сжимать. И чувство, как он бьется под кончиками пальцев.

Она проделывает какой-то фокус, на который способны только девушки, накручивая волосы, пока они не оказываются закрепленными на макушке. Когда она заходит в книжный магазин, я вижу ее круглую попку в черных леггинсах, и сжимаю кулаки, пока ногти не впиваются в ладони.

Внимательно смотрю, как она исчезает из виду. Я хочу знать, какую книгу она ищет. Любит ли она острые ощущения от настоящих преступлений? Может ли она переварить ужасные подробности, или ее начинает тошнить при упоминании крови? Хочет ли она рыцаря в сияющих доспехах, который увезет ее, как принцессу из сказки?

Я не стану ее рыцарем.

Но могу быть ее *королем*.

ГЛАВА 5

Хищник и добыча

Харлоу

Следующие несколько дней проходят довольно спокойно. В большинство мест он ходит пешком, что облегчает слежку. А у меня все лучше получается оставаться незаметной. В течение дня я меняю очки, шляпу или свитер. То укладываю волосы, то убираю их. Иногда надеваю громоздкие наушники, и даже начала менять чехол для телефона

Хотя я уверена, что он меня не видел, менее уверена, что запомнил. Я слеую за ним от его квартиры до сапожной мастерской и магазина сэндвичей. Он останавливается, чтобы поболтать с владельцем буфета, и, кажется, дружит с каждым бариста и барменом в городе. Но даже когда я провожу двенадцать часов, наблюдая за каждым его движением, я не узнаю о нем ничего, кроме того, что он пьет только эспрессо, как напыщенный мудака.

Не то чтобы он гулял весь день. Большую часть времени он находится внутри здания, и только однажды мне хватило смелости последовать за ним внутрь. В книжный магазин, и то, лишь из уверенности, что там хватит полок, за которыми можно остаться незамеченной.

Я жую соломинку от смузи, который взяла в качестве обеда на ходу. Не знаю, чего я ожидала. Что он совершит убийство среди бела дня? Смешно.

Даже окурок сигареты, которому я так радовалась, бесполезен. Мало того, что его достали незаконно, Лео отказывается говорить, была ли вообще обнаружена ДНК убийцы на Бет или на месте преступления. И даже если он был настолько безрассуден, что оставил хоть что-то — а это большое «если» — что мне делать? Стать биохимиком в одночасье? Я ни хрена не могу сделать с окурком, кроме как выбросить его в мусорку.

Сейчас Кэш ждет возле кафе-мороженого уже пять минут. Он не курит и не разговаривает, так что я не знаю, зачем. Его темные солнцезащитные очки скрывают глаза, заставляя гадать, куда он смотрит. Рукава его облегающей белой рубашки закатаны до локтей, а татуировка на руке смотрит на меня, дразня. Его декольте распахнуто, несколько верхних пуговиц расстегнуты, там еще татуировки на груди. Если мне повезет, он отравит себя всеми этими чернилами.

Не думаю, что это возможно, но мысль приятная. Особенно когда абсолютно жестоко и несправедливо, что, пока он не закалывает людей до смерти, он объективно и неоспоримо очень привлекателен. Мне хочется ударить его в челюсть за то, что он смеет выглядеть таким красивым и невозмутимым, когда мой мир перевернулся с ног на голову, жестоко разорвался на части, а затем сгорел. И это сделал он.

Подъезжает старинный «Маслкар», и из него выходят трое белых мужчин. Не знаю, чего я ожидала. Перестрелки на дороге? Доставка наркотиков? Но точно не этого.

Я узнаю одного из них с первого дня возле квартиры. Судя по фамильярному виду, двое других — его братья. И вот они вчетвером, болтая и смеясь, заходят в магазин...

День семейного веселья в магазине с мороженым?

Когда я поднимаю челюсть с пола, мне требуется всего две секунды, чтобы решить идти туда. Это глупо, рискованно и, скорее всего, мой смертный приговор, но шанс подслушать

всех четырех братьев Фокс? Я не могу его упустить.

Надеваю одну из трех бейсболок, которые принесла с собой сегодня, и мурашки бегут по моим рукам, когда я захожу в магазин, дверь звенит, как жуткая музыка в фильмах ужасов перед тем, как глупая девчонка спускается в подвал.

Мне приходится сознательно напоминать себе о необходимости дышать, пока я притворяюсь, что рассматриваю холодильник с мороженым. Это противоречит всем инстинктам выживания, кричащим внутри меня, — повернуться спиной к стае волков — *Лисов*.

Все мои чувства настолько адаптированы на них, что я не помню свой заказ, и понимаю, что это ванильное, только когда пробую. *Черт, я хотела клубничный*.

Я не поднимаю головы, пока ем мороженое, но постоянно наблюдаю за их столиком. Пытаюсь разобрать их слова сквозь басовитую попсу, играющую в магазине. Напрягаю слух, чтобы услышать, как они говорят о футболе, машинах и сериале «Офис». Не может быть такого. А если, они говорят на кодовом языке, а Майкл Скотт — это уличное название нового наркотика?

Сомнительно.

Каждые несколько минут по моей коже пробегает дрожь, и я уверена, если подниму голову, увижу глаза Кэша, буравящие меня. Но вместо этого меня встречает его профиль и чертовы солнцезащитные очки. Я не вижу его глаз, но чувствую их на себе. *Наверное.*

Нужно вернуться к своей чертежной доске. Их посиделки за мороженым стали для меня полным провалом. После еды я последовала за Кэшем и одним из его братьев обратно в «Лисье логово», а двое других уехали вместе. Я не получила абсолютно ничего ценного. Ни единого проблеска.

Уже собираюсь совершить двухмильную прогулку от «Лисьего логова» до своей квартиры, чтобы проветрить голову и начать мыслить здраво, когда замечаю, что кто-то приклеивает бумажку к окну изнутри. Я избегала подходить слишком близко к пабу. В каком-то смысле он больше похож на волчье логово, и я просто напрашиваюсь на неприятности, если забуду об этом и стану слишком смелой. Ближе всего я подошла к тротуару, чтобы подобрать окурок.

Но любопытство и отчаяние берут верх.

Требуется помощь

Ищем официантов, опыт работы не требуется.

Я могу сколько угодно играть в частного детектива, но ничего не добьюсь, если не буду делать то, что и не могут копы: подобраться поближе.

Важные разговоры, важные доказательства находятся за закрытыми дверями. Копам приходится беспокоиться о таких вещах, как «*основания и ордер*». А мне нет.

И это прекрасная возможность.

Кэш Фокс преподносит мне свою собственную гибель на серебряном блюде.

Кэш

3 часа назад

Удивительно, насколько она привержена этой дерьмовой маскировке. На самом деле, восхитительно, что она думает, как бейсболка или пара наушников скроют все, что в ней есть.

Узнав, что она не водит машину, я стал везде ходить пешком. Мне нравится знать, что она идет на цыпочках позади меня. Уверен, ее сердце бешено колотится. Я хочу почувствовать это. Хочу положить руку ей на грудь и узнать, так ли сильно оно бьется, как я себе представляю.

Иногда я резко останавливаюсь, чтобы посмотреть, как она замирает на месте, ныряет за столб или достает свой телефон совершенно без причины. Мой член болит от желания узнать, как она пахнет, какова на вкус. Кричит ли она раскованно и дико, когда трахается, или подавляет сладкие, маленькие стоны, пока не сорвется? Вот о чем я думаю, когда засыпаю и просыпаюсь, и каждую вторую гребаную минуту дня. Она. *Везде* она.

Я не из тех, кто делает что-то наполовину. Я выполняю все свои дела на полную, всем оружием, которое есть в моем арсенале. Именно поэтому смог занять место отца в двадцать четыре года и за последнее десятилетие увеличить его и без того впечатляющую империю в четыре раза. Когда я на что-то решаюсь, это проникает в мою кровь, становится частью меня.

И сейчас она — всепоглощающий вирус, опустошающий меня изнутри.

И мне нужно чертово облегчение.

— Стелла, — я поворачиваюсь на стуле, чтобы поговорить с девушкой, сидящей на диване в моем кабинете.

Она поднимает глаза от телефона, но остается сидеть, закинув одну руку за голову и положив ноги на подлокотник. Она — единственный человек, кто может с обувью залезть на мой диван.

— Да, босс.

— Почему-то, когда ты так говоришь, кажется, что ты насмехаешься надо мной. Знаешь, большинство людей смотрят на меня с уважением.

— Это потому, что я над тобой насмехаюсь. Так в чем дело?

Я смеюсь, потому что, любому на ее месте, я бы отрезал язык. А она знает, что говорить подобное дерьмо можно только в уединении моего офиса. Стелла была моим первым сотрудником, когда я пришел на работу, и, хотя я не верю в дружбу, в ином случае, она была бы моей лучшей подругой. Мне лишь несколько раз удавалось вытащить ее на стрельбище, и она отказывается носить оружие на работе, но теоретически я доверяю ей свою жизнь.

— Я хочу, чтобы ты наняла новую официантку. Вывеси объявление и принеси мне все заявки до собеседования.

— У нас и так слишком много персонала, — она спускает ноги вниз и опирается локтями на колени. — Люди будут злиться, если их часы еще больше сократят.

— Повысь им почасовую оплату на двадцать процентов, — она делает лицо, которое говорит мне: *«Так-то лучше»*. — Хорошо. Распечатай листовку сейчас, но не вывешивай, пока я тебе не позвоню.

Она откидывается назад и сужает свои темно-карие глаза. Я знаю, что буду ненавидеть все, что она скажет дальше.

— Кто она?

Нет смысла отрицать. Стелла понимает меня лучше, чем кто-либо другой. Кроме Финна, у него какие-то странные экстрасенсорные способности, клянусь. И последнее, чего

я хочу, это чтобы она начала дразнить о моей влюбленности.

— Без понятия. Думаю, узнаем, когда она подаст заявление.

— Хочешь сказать, ты ее еще не преследовал? — это заставляет меня сухо усмехнуться, меня самого забавляет ирония.

Странное трепещущее чувство внизу живота — которое, как я начинаю понимать, на самом деле является метафорическими бабочками — возникает снова. Я знаю это, потому что погуглил, дабы убедиться, что не заболел.

— Вообще-то, это она меня преследует.

— Оставьте себе сдачу, — я кладу купюру на прилавок и наблюдаю, как глаза паренька, работающего в кафе-мороженом, расширяются и нервно мечутся между мной и купюрой, когда он понимает, что это Бенджамин⁶. — И скажи красотке, которая сейчас зайдет и сделает заказ, что у тебя закончились стаканчики. Проследи, чтобы она заказала рожок.

— Будет сделано, сэр, — он убирает деньги с прилавка в то же время, когда колокольчики над дверью звенят, и она входит. Обычно дверные колокольчики раздражают меня до чертиков, но сегодня это такой прекрасный звук, заставляющий плакать гребаные небеса.

В джинсовой кепке, низко надвинутой на лицо, она рассматривает вкусы, стоя ко мне спиной. Интересно, она вообще читает эти маленькие этикетки? Ее сердце колотится так же, как мое, она тоже слишком отвлечена моей близостью, чтобы нормально читать?

Интересно, чувствует ли она, как мой взгляд пробегает по ее коже так, как я жажду сделать это зубами? Ее бедра выставлены напоказ в джинсовых обрезанных шортах. От целлюлитных ямочек на коже чуть ниже ее задницы, мой член набухает.

— Эй, че творишь, — Роан шлепает меня по руке. Мое клубничное мороженое растеклось по руке и стекает в розовую лужицу на столе.

— Подай гребаную салфетку, — я подталкиваю его в ответ. Он резко вздыхает, но отталкивается от своего места. Я смотрю, как она идет обратно тем же путем, что и пришла, и садится на место у окна. Умно занять столик, ближайший к двери. Глупо, что она сидит спиной к окну. Хотя еще глупее было бы сесть спиной к нам.

Я понял, что она не заинтересована в сексе со мной... пока что. В любом случае, не по этой причине она ходит за мной хвостом. Нет, она хочет держать дистанцию. Ее больше интересует, что я делаю, а не кто я. Мое главное предположение — она думает, что я убил кого-то из ее близких. Отца, брата, парня... праведный гнев обжигает мою кожу при мысли о том, что к ней прикасался другой мужчина. Я радостно надеюсь, что это мертв. Потому что она еще не знает этого, но она стала моей в тот момент, когда пролила кофе.

И я дал ей возможность, перед которой она не смогла устоять. Все четыре брата Фокс. Если она преследует меня ради мести, уверен, что она подумывает о том, как бы напасть на одного из нас. Если люди что-то и знают о Лисах, так это то, что мы чертовски дикие, когда дело касается семьи.

И если честно, я чертовски хотел увидеть, как ее пухлые, розовые губы обхватывают рожок мороженого. Хотел понаблюдать, как двигается ее язык, вылизывая холодное лакомство. Сегодня утром в душе я кончил сильнее, чем за последние месяцы, от одной только фантазии.

И, черт возьми, реальность не разочаровала. У меня чешутся пальцы, чтобы сорвать

солнцезащитные очки, дабы получить совершенно беспрепятственный вид.

Когда мы встаем, чтобы уйти, мне приходится почти откусить себе язык, чтобы не встать со стояком.

Часть меня хочет, чтобы она увидела, что делает со мной. Чтобы она представила, как член, стягивающий мои джинсы, натягивает ее киску, растягивает ее, заполняет, трахает так сильно и глубоко, что она никогда не сможет забыть ощущения.

Когда я нахожусь в полуквартале от «Логова», звоню Стелле и говорю, чтобы она вывесила листовку.

ГЛАВА 6

Аманда Джонс

Харлоу

Я сажусь в кресло стилиста и когда она надевает на меня черную накидку, спрашивает:

— Что желаете?

— Темный, темно-коричневый. Сделайте меня другим человеком.

Несколько часов спустя я смотрю на свое новое отражение.

В каком-то пошлом, клишированном смысле это кажется правильным. Люди кардинально меняют прическу в переломные моменты своей жизни, верно? И если то, что я запланировала, не считается переломным моментом, то не знаю, что, черт возьми, ломает.

— Что думаете? — парикмахер встряхивает кудри, которые она сделала из моих волос. Натуральный русый цвет исчез, и вместо него под интенсивным студийным освещением засиял глубокий коричневый, как эспрессо.

Похоже, существует взаимосвязь между темными брюнетками и Кэшем Фоксом. Если я хочу приблизиться к нему, нужно сыграть эту роль. Мои губы кривятся в непроизвольной усмешке, когда я думаю о том, что когда-нибудь посмотрю на него так, как та женщина возле его квартиры.

Стилист с нетерпением смотрит на меня через зеркало, и я выпрямляю лицо.

— Идеально.

Итак, первый шаг завершен.

Теперь официальное преображение. Пора нанести визит Кевину.

Наши с Кевином мамы вместе проходили ординатуру и открыли свою собственную клинику. Мы росли вместе, и он всего на несколько лет младше меня. Поскольку я была единственным ребенком, он мне как младший брат. Я редко с ним вижу — сейчас у нас гораздо меньше общего, чем тогда, когда мы играли с игрушечными динозаврами и монстрами.

В последний раз я была у него дома, проверяя, что он не напивается перед рождественской вечеринкой в офисе наших матерей. Я знаю, что он дома, так как слышу звук видеоигр, но все равно приходится три раза нажимать на звонок, пока он не открывает дверь.

— Привет, Кев, — говорю я, проталкиваясь мимо белого мужчины без рубашки и входя в его пропахшую травой однокомнатную квартиру.

— Харлоу? Что ты здесь делаешь? — он натягивает свои фланелевые пижамные штаны на худые бедра и берет с дивана футболку, натягивая ее через голову.

— Мне нужна услуга.

— Хорошо, сколько хочешь? Мешок за десять центов? — он убавляет громкость на телевизоре, и я оглядываю помещение. Это именно то, что можно ожидать от двадцатилетнего укурка, который бросил колледж, чтобы осуществить свою мечту — стать «клубным промоутером». Хотя не могу судить, учитывая, что всего несколько дней назад в

моей квартире было в два раза больше старых коробок из-под еды на вынос. И я отменила всех своих клиентов во фрилансе, чтобы работать официанткой.

— Дело не в этом. Мне нужно поддельное удостоверение личности, ты знаешь, как его получить? — он откидывает голову назад, и его глаза с лопнувшими капиллярами открываются так широко, как только могут.

— На хрена тебе это нужно, Лоу? Ты же у нас вся такая правильная.

— Не важно. Ты можешь мне помочь? — мои ладони начинают потеть. Это была ужасная идея. Не просто приходить и просить подделку, а все это. Кто я такая, чтобы работать под прикрытием официанткой в ресторане босса мафии и серийного убийцы?

— Ладно, ладно, не говори. Бог знает сколько раз ты прикрывала мою задницу.

Он достает свой телефон и быстро отправляет сообщение. Через несколько секунд ему звонят.

Кевин включает громкую связь.

— Скинь фото на флешку. Положи ее в конверт вместе с тремя сотнями наличными и запиской с любой биографией, которую хочешь написать. Опустит в почтовый ящик. Я заберу сегодня вечером.

Абонент сразу же вешает трубку, а Кевин смотрит на меня и пожимает плечами.

— Готова к фотосъемке?

— «Готова» это еще мало сказано, — говорю я, глубоко вздохнув. Я официально сошла с ума.

Говорят, горе заставляет людей совершать безумные поступки.

Привет, я Аманда. Здравствуйте, я Аманда. Привет, меня зовут Аманда.

Когда захожу в «Лисье логово», я повторяю в голове свое вымышленное имя, как долбаный попугай. Волоски на затылке мгновенно встают дыбом, ожидая, что Кэш будет прятаться за каждым столиком.

— Добрый день, добро пожаловать в «Логово». Сколько человек в вашей компании? — приветствует меня та же администраторша.

— Эм, вообще-то я здесь по поводу заявления на открытую вакансию, — я ковыряюсь в кутикулах и тут же пытаюсь остановиться, боясь, что буду выглядеть нервной и подозрительной.

— Хорошо, без проблем, сейчас вернусь, — она поворачивается, чтобы уйти, но почти сталкивается с молодой чернокожей женщиной с локонами, окрашенными в блонд на кончиках. — О, Стелла, я как раз шла за тобой. Эта девушка откликнулась на вакансию.

Стелла улыбается мне, ее темно-янтарные глаза дружелюбны и теплы.

— Приятно познакомиться, я Стелла. Менеджер, — она протягивает мне руку, и я пожимаю ее, надеясь, что она не заметит моих потных ладоней.

— Аманда. Мне тоже приятно познакомиться.

Она ведет нас к бару, и я сажусь, пока она идет за заявлением. Она возвращается и протягивает мне бумагу. Я уже собираюсь спрыгнуть с табурета, когда она говорит:

— Пока ты заполняешь анкету, я задам тебе несколько основных вопросов.

Черт. Я не была морально готова к собеседованию. Я просто думала схватить заявление и убежать.

— Да, конечно. Хорошо, — *черт, черт.*

— Итак, у тебя есть опыт работы в этой сфере?

— Э-э-э... — мои глаза зацепились за поле для номера социального страхования, и я запаниковала. Что я написать? Я не могу использовать свой настоящий, а поддельного у меня нет. — Простите, какой был вопрос?

Пока она говорит, я записываю непонятный девятизначный номер и надеюсь на лучшее.

— У тебя есть опыт работы в ресторанном бизнесе?

— Да, я работала обслуживающим персоналом в самых разных заведениях, в кафе, спорт-барах, ресторанах высокой кухни, даже в ресторане «Филли Чизстейк», — все это правда, поэтому это первое предложение, во время которого я смогла нормально дышать.

— Отлично, а где это, может, я знаю?

— Наверное, нет, они все на Западном побережье, — *неправда.*

— Хорошо, можно твое удостоверение личности, я прогоню через нашу систему, — она встает. Я передаю заявление, но роняю удостоверение и лопочу, как идиотина. Мы обе ныряем вниз, чтобы поднять его, и чуть не сталкиваемся головами.

— Боже мой, прошу прощения.

Она смеется.

— Я сейчас вернусь.

Ну, теперь я точно не получу эту работу.

Два дня спустя я пришла на свою первую смену в «Лисье логово». Во время собеседования мое сердце колотилось так быстро, что я удивилась, как не упала в обморок. Еще больше я удивилась, когда Стелла решила взять меня на работу.

Моя рука замирает на двери. Если я войду, пути назад уже не будет. Я чувствую тяжелые удары сердца, во рту пересохло.

Мне стыдно, что мысль, которая заставляет толкнуть дверь, — это не месть и не справедливость по отношению к Бет. Она эгоистичная. С тех пор как я начала идти по этому пути, кошмары прекратились. Как бы безумно это ни звучало, я начинаю думать, что они были моим наказанием за то, что я ничего не делала, чтобы найти ее убийцу. И я боюсь, что, если сейчас сдамся, они вернуться.

Я отмахиваюсь от этой мысли и вхожу внутрь, напомнив себе, что я не Харлоу Харгрейв, лучшая подруга Бет Кинг. Я — Аманда Джонс, и рада своей новой работе.

Сейчас время между обедом и ужином, так что место довольно пустое. Тихо играет олдскульное кантри, мужчина средних лет, одиноко сидящий за барной стойкой, покачивает головой в такт. Здесь пахнет жареной едой, а также цитрусовым запахом полировки для дерева. Я прохожу мимо столика с посетителями и смеюсь про себя, когда замечаю салат, покрытый голубым сыром. *Знаменитость.*

— Аманда, привет! Рада тебя видеть, — Стелла машет в мою сторону с другого конца зала. Я оглядываюсь, чтобы посмотреть, кому это она, но потом вспоминаю, что я — Аманда. Она просто думает, что я такая же, как любая другая официантка в первый день работы. Если один человек купился на мою фальшивую личность, то наверняка и другие тоже.

— Привет, Стелла...? — это прозвучало как вопрос, потому что на полпути я

запаниковала, что мой голос звучит слишком высоко и фальшиво, а потом забеспокоилась, что моя улыбка слишком вымученная.

— Да, верно. Пойдем, я покажу тебе все вокруг, а потом будешь все делать, как я.

Она знакомит меня с Марти — барменом, Илаем — шеф-поваром, и несколькими другими работниками и грузчиками. Все дружелюбны, и напряжение в моих плечах от ожидания, что в любую секунду меня распознают, постепенно ослабевает. Она проводит для меня экскурсию, пока ничего не кажется необычным.

Я понимаю, что ничего нового не придумали. До того, как я стала работать на полную ставку фрилансером, я обслуживала столики между выступлениями. Так что, по крайней мере, я не напрягаюсь из-за сложных обязанностей. Просто нужно уничтожить серийного убийцу. Легче легкого.

Она показывает мне на шкафчики для персонала, и у меня защемило в затылке. Я понимаю, почему, когда она указывает на закрытую дверь с надписью «Офис».

— Это твой кабинет? — спрашиваю я, стараясь не обращать внимания на бурлящую тревогу внутри.

— Это кабинет братьев. Если жалюзи опущены, — она показывает на жалюзи, закрывающие квадратное окошко на двери, — Даже не пытайся стучать, — она бросает пристальный взгляд, и у меня холодок пробегает по телу.

Она знает. Она знает все.

Мои мысли начинают отскакивать руг от друга, и я уже готова уплыть под воду, когда она закатывает глаза и добавляет:

— Иногда они ведут себя как маленькие сучки, ненавидят, когда их прерывают.

— Ха! — выдавливаю я слишком громко, и она бросает на меня любопытный взгляд.

— Волнуешься в первый день? Не бойся, ты справишься. Они любят вести себя как снобы, и, конечно, поначалу могут немного пугать, по факту они просто королевы драмы.

— Держу пари, ты здесь настоящий босс, — я смеюсь, стараясь соответствовать ее спокойной энергии. Она определенно не выглядит испуганной Кэшем, который, судя по моим наблюдениям, кажется братом, проводящим здесь больше всего времени. Хотя мне не смешно, что мафиози называют королевами драмы.

— Ты быстро учишься, да? — она лукаво улыбается мне. — Это твой шкафчик. Убери свои вещи, а потом приходи ко мне.

Она уходит, и я остаюсь одна.

Жалюзи закрыты. Он сейчас там? Планирует следующее убийство?

Я запикиваю куртку и сумку в шкафчик и снова чувствую холодную щекотку на шее. Как будто за мной наблюдают.

Я становлюсь параноиком.

Наполняю легкие глубоким вдохом и поворачиваюсь, чтобы уйти. Однако мои ноги словно сами собой останавливаются перед проемом между раздевалкой и кухней.

Я бросаю последний долгий взгляд на закрытую дверь, наполовину ожидая, что он выскочит оттуда.

Ничего не происходит.

Следующие три дня будут долгими и трудными. За последние несколько недель я так

много времени провела в постели, что мое тело болит от того, что я целый день на ногах. Но что касается работы официанткой, то все отлично. Клиенты дают хорошие чаевые, персонал готовит вкусные блюда, а с другими сотрудниками очень весело.

Весело.

Я морщусь от этого слова. Не должно быть весело. Я здесь по делу, и пока что ни хрена не получила. Я надрываюсь как не знаю кто, а Кэш даже не появлялся.

Вот почему, когда Стелла просит меня остаться после закрытия, чтобы встретиться с дистрибьютором, не успевшим на заказ, я без колебаний соглашаюсь. Одна в ресторане в нерабочее время? Это возможность, которую я так долго ждала.

— Прости, что оставляю это на тебя, но у нас семейный еженедельный ужин у бабушки...

— Даже не волнуйся, — я пытаюсь успокоить ее, но при этом выгляжу слишком нетерпеливой. — Мои сегодняшние планы были связаны с пинтой пива «Бен и Джерри».

— Ну, в таком случае... — она с ухмылкой пятится назад, и я следую за ней. Закрываю главную дверь и в последний раз осматриваю помещение, убеждаюсь, что я здесь одна.

Возвращаюсь в раздевалку и смотрю на дверь офиса с задернутыми жалюзи, как в ковбойских разборках в старых фильмах о Диком Западе. Адреналин бурлит, как в тот раз, когда я прыгала с парашютом — момент, когда твои ноги свисают над краем самолета перед прыжком. В каком-то смысле то, что я собираюсь сделать, еще опаснее.

Прежде чем я успеваю передумать, опускаюсь на колени перед дверью и вытаскиваю шпильку из волос. Я посмотрела в интернете несколько уроков о том, как взломать замок с помощью такой заколки, и с тех пор ношу их каждый день. Просто на всякий случай.

Руки дрожат, заколка кряхтит по металлической ручке. Слабые скрежеты звучат сейсмически в тихой комнате. Лоб покрывается капельками пота, и чем дольше я вожусь, тем сильнее дрожат мои руки.

Наконец, я слышу щелчок отпираемого замка.

Кэш

На 5 дней раньше

Аманда Джонс.

Я снова и снова перечитываю имя с фальшивого удостоверения. Даже если бы подделка не была полным дерьмом — ей следовало обратиться ко мне, если она хотела получить удостоверение, стоящее своих денег, — я бы никогда не поверил в такое обычное имя для такой необычной девушки.

А ее номер социального страхования принадлежал Лоуренсу Веллингтону. И хотя Аманда подходит больше, чем Лоуренс, ей точно не семьдесят пять.

Как бы ее ни звали, она проглотила мою наживку.

Хорошая девочка.

На фотографии ее волосы темнее, и я прищуриваюсь, заметив изменения. Прядь, как всегда, немного не на месте, и я не могу удержаться, провожу пальцем по блестящему пластику, как будто действительно заправляю ее за ухо.

— Так ты хочешь, чтобы я наняла ее? — спрашивает Стелла. Я почти забыл, что она в комнате. Киваю, не отрывая взгляда от предмета моей одержимости, наконец-то

оказавшегося у меня на ладони.

— Мне нужно будет вернуть ей это, — она говорит, как мама своему ребенку вернуть игрушку, которую он украл. Я смеюсь, потому что это забавно. До чего она — *Аманда* — меня довела. Я как мальчик на детской площадке, настолько увлеченный, что крадет чужие вещи.

Только это не совсем так, да?

Я не могу украсть то, что уже принадлежит мне.

Это пытка. Изысканная, вызывающая привыкание пытка. Наблюдать за ней из своего кабинета по каналам видеонаблюдения целых три дня. Знать, что она так близко, что какой-то старик может смотреть на ее задницу, когда она уходит, приняв его заказ. Знать, что кто-то там изучает, как она пахнет, как звучит ее смех и какие именно оттенки синего цвета отражают ее изматывающие душу глаза.

Но я понял, что отсроченное удовлетворение всегда, всегда лучше быстрого. Я хочу наблюдать за ней, изучать ее. Узнать разницу между фальшивой и искренней улыбкой, узнать, что она говорит, когда испытывает стресс, увидеть, как она ведет себя, когда думает, что никто не смотрит.

Я хочу узнать, что заставляет ее биться в конвульсиях, как заставить ее кричать. *Желательно, мое имя.*

— Господи, ты вообще меня слушаешь? — Роан хнычет с дивана в моем кабинете.

— Нет. Так почему бы тебе не сделать нам обоим одолжение и не уйти, — я смотрю на него впервые за последние десять минут, и он хмурится в ответ, как обиженный сопляк. — О, и передай эти цветы Стелле для ее мамы и бабушки, когда будешь уходить, — я указываю на букеты, стоящие на картотеке, но уже возвращаю взгляд к экранам.

— *Мудила*, — бормочет Роан, захлопывая дверь моего кабинета.

Я беру пиво из мини-холодильника и устраиваюсь поудобнее, чтобы провести еще несколько часов на телевидении в прайм-тайм с Амандой Джонс в главной роли.

Ресторан опустел, а я еще не решил, как хочу провести это время вдвоем. Половина меня хочет подкрасться к ней сзади, закрыть ее крики рукой, прижать ее к себе и взять то, что принадлежит мне, не заботясь о том, что она будет сопротивляться. Мои яйца физически болят от потребности заполнить ее. Вторгнуться в ее пространство. Пометить как свою. Заставить ходить с моей спермой, стекающей по ногам, чтобы все знали.

Но другая половина, та половина, о существовании которой я не знал... напугана. Я уверен, что это неправильно, я не боюсь, но не могу придумать лучшего слова. Мне страшно, что если я подойду слишком близко, если протяну руку, чтобы наконец прикоснуться к ней, небесный мираж исчезнет. Я не могу позволить этому случиться.

Я погрузился в мечты обо всех поверхностях в этом месте, на которых смогу трахать ее, когда услышал скрежет в дверь. Похоже, кто-то пытается взломать мой замок. Чтобы убедиться в этом, я включаю прямую трансляцию из раздевалки.

Ха, я впечатлен. У моей маленькой девочки есть яйца.

Пока я позволяю ей проклинать и бороться с замком, в мою грудную клетку сердце бьется грохотом. Что она надеется найти? Конечно, не меня. Не могу дождаться, чтобы увидеть выражение милого удивления на ее лице, когда она поймет, что я был здесь все это время. Она закричит? Застынет? Убежит? *Погоню ли я за ней?* Мой член твердеет при этой

мысли.

Штифты в замке как будто защелкиваются, и она все меньше сопротивляется. Проклятье. Я должен поддерживать какую-то репутацию, не могу позволить всяким девчонкам врываться в мой офис. Даже если я до жути хочу наказать эту девчонку. Когда замок со щелчком отпирается, я с покорным вздохом набираю номер стационарного телефона ресторана.

ГЛАВА 7

Аудиенция у короля

Харлоу

Я встаю, в груди нарастает чувство выполненного долга. Моя рука в доли секунды оказывается на дверной ручке, когда я чуть не выпрыгиваю из собственной кожи из-за пронзительного звонка телефона

Черт, это, наверное, курьер у задней двери интересуется, где я, черт возьми.

Я бегу к стационарному телефону за баром.

— Алло, — говорю я, переводя дыхание.

Ничего.

Только пустое гудение.

— Алло? — я пытаюсь снова. Кто-то дышит? Звук слишком слабый, я не могу определить. По рукам бегут мурашки.

— Кто-нибудь есть? Вы меня слышите?

Звонок обрывается.

Я стою неподвижно, единственное движение — это скачок моего пульса.

Звонки постоянно обрываются, верно? А сколько раз я отвечала на звонки по такому телефону? Задержка звука, плохая связь или что-то еще.

Спам-звонки сейчас везде, — пытаюсь я себя успокоить.

Будь то курьер или спам, я все равно решаю, что подождать на кухне — хорошая идея. Он должен быть здесь с минуты на минуту.

Я иду к стене и пытаюсь убедить себя, что странная прохлада в воздухе мне только кажется. В большой пустой кухне слишком тихо, поэтому я включаю музыку на телефоне, выбирая наугад. Просто хочу избавиться от ощущения, что что-то не так.

Я наклоняюсь вперед к стойке для приготовления пищи, чтобы прочитать рецепты, приклеенные к стене. Обожаю, когда готовят в огромных количествах. Мой взгляд зацепился за «девять фунтов сахара». Это больше, чем весит большинство новорожденных.

— Мисс Аманда Джонс, — раздается глубокий, шелковистый голос.

Мое сердце оседает в желудке. Каждый мускул тела готовится к бою, когда я оборачиваюсь.

Он прислонился к плите, скрестив лодыжки, и проводит большим пальцем по нижней губе. Я стою лицом к лицу с убийцей Бет, и первая мысль, которая вырывается у меня изо рта... ничего. Абсолютно ничего. Как будто мой язык забыл, как составлять слова, рот приоткрыт, и из него не выходит ничего, кроме воздуха.

— Вы знаете, кто я, Аманда? — вопрос одновременно грубый и непринужденный. Если он хочет подловить меня, заставить сомневаться в том, что он знает или не знает, то это работает.

— Кэш Фокс. Владелец этого места, — уголок его рта дергается, когда я произношу его имя, темно-зеленые глаза не выдают ничего, кроме власти.

Этот человек силен. Я знала это на бумаге, но есть разница между тем, чтобы знать и чувствовать. Одно его присутствие, кажется, высасывает весь воздух из комнаты, склоняясь перед более могущественным существом.

Я хватаюсь за стойку позади себя, вспоминая, что на стене есть магнитная полоса с ножами. Между нами стоит большой остров из нержавеющей стали для приготовления пищи, и я пытаюсь мысленно подсчитать, смогу ли опередить его и добраться до задней двери в нескольких метрах от нас.

Я прикована к нему взглядом, пока он оценивает меня с серьезным лицом и слегка наклонив голову. Затем, как по щелчку, он показывает ослепительную улыбку, от которой волосы на моей шее встают дыбом.

— Итак, вам нравится здесь работать?

— Я... да, все хорошо, — я шокирую себя тем, что могу говорить, даже если это неуклюжий ответ.

Его улыбка смягчается, а в глазах появляется теплота, когда он спрашивает:

— Я заставляю вас нервничать, мисс Аманда? — он медленно прогуливается вдоль островка, и я чувствую запах его богатого, мужского одеколона теперь, когда он находится всего в нескольких футах от меня.

— Нет, — да.

— Ох? — он поднимает бровь.

Я успокаиваю себя глубоким вдохом. Держу пари, этот больной ублюдок получает удовольствие от запугивания. Я не дам ему такого удовольствия.

— Вы застали меня врасплох, вот и все. Я думала, что одна здесь.

Черт, черт, черт. Меня осенило. *Он был в своем кабинете, когда я взламывала замок? Я прикусываю щеку, пока не чувствую привкус крови. Он меня сейчас убьет.*

— Я только приехал. Услышал музыку и пришел, — надеюсь, что огромный вздох, который я издаю, не слишком заметен. — Я знал, что сегодня вечер семейного ужина, и решил зайти, чтобы впустить курьера, — я странно тронута тем, что он знает о еженедельных семейных сборищах своих сотрудников.

— В вас есть что-то такое знакомое, — он сокращает расстояние, и у меня в горле словно застревает камень. Его близость физически давит на меня.

Его взгляд мечется между моими глазами и горлом, и я сглатываю свой страх. С тревогой наблюдаю за его движением. Он протягивает руку, и жидкая паника пробегает по моим венам. Я не знаю, какотреагирую, если руки, убившие Бет, коснутся меня.

Очевидно, я не сделаю абсолютно ничего. Он наклоняет мой подбородок, чтобы заглянуть мне в лицо, словно это неразрешимая загадка, и несмотря на то, что каждая клеточка моего тела кричит бежать, я стою на месте.

Блики желтого цвета. Размытый красный. Черный. Розовый. Красный.

Именно эти образы дают мне ложную браваду, чтобы продолжать свой фарс и ответить, пожимая плечами.

— Люди часто так говорят. Наверное, у меня просто очень заурядная внешность.

Он опускает мой подбородок и выглядит почти оскорбленным. Кожу покалывает от потери контакта. Не спрашивайте меня, почему.

— В тебе нет ничего заурядного, — его голос настолько властный, что я киваю. — Ты не должна так принижать себя.

Завороженная его сильным и одновременно мягким тоном, я не могу отвести взгляд от его глаз.

— Ладно.

Я прикусываю губу, и его глаза переходят на мои губы, когда он бормочет:

— Хорошая девочка.

У меня нет времени анализировать странное тепло, распространяющееся в груди от его слов, потому что в заднюю дверь стучат. Кэш реагирует раньше меня, открывает дверь и приветствует парня с пивом.

Парень вкатывает тележку с бочонком, а Кэш придерживает дверь. Наконец-то вспомнив, как пользоваться ногами, я подбегаю к кладовке и открываю дверь, чтобы он вкатил бочонок.

— Спасибо, Хан, — Кэш подмигивает, и я гримасничаю. Кстати, о заурядности. Этот белый мужчина именно такой. Редущая линия волос, за которую он отчаянно пытается ухватиться, старые и изношенные кроссовки «New Balance» на ногах.

Возможно, мне показалось, но я совершенно уверена, что Кэш застывает, заметив, как я оцениваю этого мужчину.

Мы продолжаем весь процесс еще с двумя бочонками, и во время последнего захода он говорит Кэшу:

— Она новенькая, да? Я бы запомнил такую цыпочку. Может, мне стоит устроиться сюда на работу? — у меня в животе бурчит, когда он говорит, как будто меня здесь нет, я слышу каждое слово. Знакомый каждой девушке гнев закипает в моей груди, когда он оглядывает меня.

Все происходит так быстро, что я даже не уверена, как это случилось, но резко Кэш прижимает лицо мужчины к стойке и отводит его руку назад под неестественным углом. Тот корчится от боли, и я не могу побороть небольшую волну удовлетворения.

— Извинись перед леди, — его голос холодный, отстраненный и чертовски пугающий. Его мышцы пульсируют под обтягивающей черной футболкой, и он легко одергивает мужчину весом не менее пятидесяти килограммов.

— Воу, эй, это же был просто комплимент! — хнычет он, и я закатываю глаза. Кэш отводит руку еще дальше назад, и мужчина завывает. — Ладно, ладно! Прости, чувак!

Кэш поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, и я вижу, как в его глазах зарождается паника.

— Я сказал, извинись перед леди, а не передо мной.

— Прости. Извини. Мне очень жаль.

Я неловко киваю. Небольшое чувство удовлетворения, которое я испытываю, когда Кэш толкает его вниз, сменилось большим чувством. Это настоящий Кэш Фокс. Дикий. Жестокий. Непредсказуемый.

— Я тебе не «чувак», — прошипел Кэш.

— Конечно. Извините, босс, — голос мужчины дрогнул.

Я искренне боюсь, что Кэш убьет этого человека, когда наклоняется к нему, чтобы заглянуть прямо в лицо и убедиться, что он не пропустит ни слова.

— И я тебе не босс. Я твой чертов король, проявляй уважение, когда посещаешь мое королевство.

Все мое тело выдыхает, когда он отпускает мужчину и разрешает ему выскочить за дверь. Я слышу, как на задней аллее заводится грузовик, и тихо молюсь, чтобы он выбрался живым.

Кэш поворачивается ко мне, выглядя как лев, который только что закончил свое убийство, я представляю, как кровь капает из его рта.

— Не нужно было этого делать. Он не первый мужчина, который позволяет себе

подобное. Спросите любую девушку.

— Но вы ведь не любая девушка, да? — он подходит ко мне, и я не уверена, что он имеет в виду. Протягивает руку, чтобы заправить прядь волос мне за ухо, и мое дыхание замирает. — И я всегда защищаю то, что принадлежит *мне*.

Мой разум разрывается от его слов.

— Вам? Как ваша работница?

Мое тело не знает, как реагировать, когда он проводит той же рукой за моим ухом вдоль челюсти легким, почти нерешительным прикосновением.

— Конечно, *куишле*⁷, — усмехается он. — Можно и так сказать.

Он проходит мимо меня и направляется в сторону своего кабинета, крикнув через плечо:

— Я полагаю, вы знаете выход.

Что, блять, сейчас произошло?

ГЛАВА 8

Плач дяди

Нам с Бет семь или восемь лет. Ее шелковистые светлые волосы, которым я всегда так завидовала, собраны в косички с бантиками красного, белого и синего цвета. Звезды сверкают серебром. От свежескошенной травы в парке пахнет бензином. Посреди пруда причал. На нем команда мужчин устанавливает фейерверки для сегодняшнего шоу.

Я иду забрать наш мяч, но задерживаюсь, чтобы посмотреть на фейерверк. Вернувшись, вижу, как Бет разговаривает с соседскими мальчишками. Они выглядят сердитыми. А она грустной. Бет — самая маленькая в нашем классе. Поэтому она лучшая в гимнастике, но она падает, когда один из мальчиков толкает ее.

Это подстегивает меня к действию, инстинкт защитить лучшую подругу разгорается докрасна.

— Оставь ее в покое, Джек! — я подбегаю и толкаю его в ответ.

Мы с Джеком огрызаемся друг на друга. Я высокая для своего возраста, и ему приходится смотреть на меня снизу вверх. Мне нравится чувствовать себя сильной. Я хорошо играю в футбол. И знаю, если ударю его по яйцам, то ему будет больно.

— Ты чужачка, — слышу я шипение позади себя, Бет кричит, пока другой мальчик рвет на ней патриотические банты. Семья Бет из России. У ее родителей сильный акцент, который выделяет их, а у нее нет. Она приехала в Америку, когда была совсем маленькой. Они даже поменяли фамилию.

— Она такая же американка, как и мы с тобой, — я хватаю его за плечо и на этот раз без колебаний бью по яйцам.

Воспоминание врезается в меня с ностальгией и грустью. И чем-то еще, чему я не могу дать название, потому что понимаю, что никто не защищал меня.

До Кэша Фокса.

У меня в груди все колотится, пока я нахожусь в холле, зная, что по ту сторону двери, я думала, Кэш убьет человека. Ради меня.

Нет. Не ради меня, напоминаю я себе. Ради себя. Потому что он чертов психопат.

Как будто мои мысли призывают его, толстая дверь открывается и с щелчком закрывается, когда он входит.

— Привет, Кэш, — я говорю первой, чувствуя необходимость взять под контроль наше взаимодействие. По сути, он ничем не отличается от тех хулиганов, с которыми мы выросли. Они думают, что имею на тебя управу, но оттолкни немного, и хватка ослабнет.

— Привет, Аманда, — уголок его рта кривится. — Хотел убедиться, что с тобой все в порядке после небольшой потасовки прошлой ночью, — слова звучат как угроза, он оценивает, расскажу я кому-то или нет. Странно то, что он не говорит это как угрозу. Он говорит это так, будто искренне хочет убедиться, что со мной все в порядке.

Этот хитрый лис убедителен.

— Да, никаких проблем — я продолжаю раскладывать продукты, надеюсь, что, если я проигнорирую его, он уйдет. Вместо этого он придвигает ящик из угла к середине холодильника и садится.

— Что ты делаешь? — это определено не то, как я представляла себе это утро.

— Мне нравится узнавать своих сотрудников, — его взгляд скользит по моим обнаженным ногам, и я жалею, что надела сегодня юбку. Мало того, что в коридоре холодно, так теперь я еще и беспокоюсь, что он может заглянуть прямо под нее.

Я хмыкаю и поворачиваюсь к нему.

— Я не собираюсь никому говорить. Не волнуйся.

Он наклоняется вперед и опирается локтями на колени. Даже для меня это мощная позиция. А когда он вытирает нижнюю губу, глядя на меня сверху, мурашки бегут под теплом его взгляда.

— Если я причиняю тебе неудобства, могу уйти, — это не вопрос, а утверждение. Тест, насколько сильно он меня беспокоит.

— Мне все равно. Если хочешь провести утро, замерзая здесь, то помогай, — я бросаю ему пакет с зеленью. Он ловит его с забавной ухмылкой.

Думаю, я прошла этот тест.

Мы приступаем к работе по разгрузке продуктов. Проскальзывают моменты, когда мне комфортно в этой тишине. Но за этими моментами всегда следует осознание того, что я нахожусь в очень изолированном металлическом помещении с единственным выходом и серийным убийцей. Никто не услышит моего крика.

Именно поэтому, когда он слегка кладет ладонь на мою спину и наклоняется, кладя что-то на полку передо мной, мне приходится бороться с желанием прижаться к нему.

Его мужской запах сандалового дерева окутывает меня, а тепло от его ладони распространяется по моим ногам. Дрожь пробегает по всему телу, когда он шепчет мне на ухо, почти касаясь губами моей кожи.

— Извини.

Черт. Это не та реакция, которая должна быть у меня сейчас.

Я отшатываюсь назад, но он хватает меня за бедро и прижимает к стеллажу.

— Не бойся меня, — в его словах есть сладкая нотка, и, если бы я не была так чертовски шокирована, это было бы почти восхитительно.

Он наклоняется вперед, пока кончик его носа не касается моего, его дыхание трепещет на моей щеке.

— Хотя мне нравится, как пылают твои щеки, когда ты напугана, — медленным, осторожным движением он подает свои бедра вперед, пока я не чувствую его эрекцию через брюки, трение ткани о мои голые ноги посылает искры вверх. Кровь стучит у меня в ушах, а тело дрожит от желания тоже податься вперед.

Его руки скользят по моим бедрам и изгибу задницы. Одна рука задирает материал юбки, а другая движется вниз.

Если его рука опустится чуть ниже, он сможет...

Вместо этого я отталкиваю его и ухожу.

— Ну тогда не пихай меня к стенам в закрытых помещениях.

— Это была полка, а не стена! — кричит он мне вслед с дьявольским смехом.

Я сожалею, что не врезала ему по лицу, когда была возможность.

Я ненавижу свое тело.

Ненавижу за то, как оно предает меня.

В ночь, когда умерла Бет, оно отказалось слушать мои мольбы. Оно не кричало, не поднималось. Я не двигалась.

И сейчас я ненавижу свое тело, потому что мне придется провести остаток смены в промокших трусиках из-за предательской реакции на серийного убийцу.

Издевательские взгляды, которые Кэш бросает на меня весь день, заставляют думать, что он тоже это знает. Ходит вокруг, выглядя самодовольным и раздражающе хорошим в синем костюме. Я его ненавижу.

Входит высокий белый мужчина с причесанной головой, одетый в красный спортивный костюм Adidas, который сразу привлекает мое внимание. А когда я вижу его лицо, то останавливаюсь на месте.

Это дядя Бет, Иван. Я никогда с ним не встречалась, но узнала его по семейным фотографиям и по его сходству с ее отцом. Я не хочу с ним общаться, не могу пойти на этот риск. Если он узнает меня по какой-то причине — я ведь была в жизни Бет последние двадцать три года — и назовет меня Харлоу, все будет кончено.

Но наша администраторша заболела, поэтому обслуживающий персонал подменяет ее, и сейчас только я свободна. Я смирилась, нацепила на лицо дружелюбную улыбку и подошла к нему.

— Здравствуйте, сэр. Добро пожаловать, — говорю я, возившись с бейджиком, надеясь, что это привлечет его внимание. Если он узнает меня, возможно, подумает, что ошибся, увидев имя. — Столик на одного?

Он кивает и морщит нос, оглядываясь вокруг с усмешкой, как будто ему противно это место.

— Что ж, хорошо, идите за мной, — мой тон тошнотворно сладок, пытаюсь скрыть нервозность.

Угловая кабинка свободна. Большой круглый стол с единственными в этом месте скамейками, обитыми той же красной кожей, что и в зоне ожидания. Я хочу пошутить насчет его спортивного костюма, подходящего к подушкам, но передумываю, когда он садится с таким видом, будто хочет пробить дыру в стене.

Когда я спрашиваю его, что он хочет выпить, он отвечает только ворчанием, его глаза прикованы к задней части ресторана.

— Хорошо, тогда я сейчас принесу воду.

Когда возвращаюсь, останавливаюсь на полпути, потому что Кэш ведет напряженный разговор с Иваном. Они говорят тихо, но, судя по их искаженным от ярости лицам, они хотят кричать.

Я робко подхожу, отчаянно желая услышать их разговор. Дядя Бет с ее убийцей. Знает ли он об этом? Поэтому он здесь?

Чем ближе я подхожу, тем слышнее становятся их голоса, голос Кэша прорезает воздух. Он наклоняется через стол, чтобы обвиняюще ткнуть пальцем в Ивана.

— ... приходите сюда, в мой гребаный бизнес, и бросаться обвинениями.....

Рука Ивана вырывается и хватает Кэша за запястье, тряся его татуированную руку.

— Думаешь, только у тебя есть источники информации в полиции, а? — его русский акцент резкий, смысл слов падает, как свинцовый груз в моем нутре.

Кэш вырывает руку и указывает ею на дверь.

— Убирайся отсюда, пока не начал войну, которую не сможешь выиграть, — он слегка поворачивается, и я замечаю, как его вторая рука скользит к карману пальто. Глаза Ивана

тоже обращают внимание на это движение, и он встает со смертельным взглядом.

Только когда он уходит, я вижу, что за поясом кусок металла.

Я пытаюсь осмыслить хоть часть произошедшего.

Источники в полиции.

Обвинения.

Татуировка Кэша.

Скрытое оружие.

Кэш крутится вокруг и кричит:

— Ресторан закрыт. Убирайтесь. Если не заплатили, то все за счет заведения. А теперь уходите.

Смущенные посетители вскакивают со своих мест, накидывают на плечи сумочки и пиджаки и спешат уйти. Как только последний клиент уходит, он бросается прочь, проталкиваясь мимо, как будто меня там и не было.

— Эй, подожди, — я тяну его за руку. — Кто это был? — его потемневший взгляд скачет между моим лицом и рукой, как будто он недоумевает, почему я прикасаюсь к нему. Честно говоря, я тоже. Поэтому опускаю его руку.

— Русский мусор, — бормочет он и шагает прочь. Делает всего несколько шагов, но оглядывается и смотрит мне в лицо.

— Этот столик зарезервирован для нас, — он хлопает себя по груди. — Для меня и моих братьев. Больше. Никого. Да кем ты себя возомнила, черт побери? Приходишь сюда с упругой задницей и красивым лицом, думая, что правила на тебя не распространяются, — он издевается надо мной, в его словах нет настоящей злости, но все равно у меня горят щеки от того, что на меня кричат на глазах у всего персонала.

Я не могу удержаться, чтобы не осмотреть их лица, все они имеют различные выражения страха или секундного смущения.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, — он откидывает мой подбородок вперед. — Ты просто гребаная хулиганка.

Мой рот открывается в шоке. Не знаю, испугана ли, возмущена или, черт возьми, возбуждена. Я тяжело сглатываю, а его глаза опускаются к горлу, и всякое влечение испаряется, когда я думаю, не представляет ли он, как перерезает мне горло. Я ведь знаю, как сильно он любит резать красивые вещи.

Его пальцы впиваются в мою челюсть, когда я говорю, мой голос становится каменно-холодным.

— Я понятия не имею, о каких правилах ты говоришь.

— Правило заключается в том, что за этот стол не садится никто без фамилии Фокс. И уж тем более не какой-нибудь ублюдок, любящий Путина.

О, так это что-то вроде соревнования, у кого больше член.

— Ну, а меня не предупредили об этом, придурок. И убери от меня свои гребаные руки, — все переполняющие чувства гнева, страха и ненависти закипают, и я плюю ему в лицо.

Я готовлюсь к пощечине, черт, даже к гребаному ножу. Но вместо этого он вытирает плевком рукой, говоря глубоким монотонным голосом:

— Все. На выход.

Остальные сотрудники выбегают, не решаясь забрать свои вещи из шкафчиков.

— Что мне с тобой делать? — его голос холоден, он обхватывает рукой мое горло и

толкает назад, пока я не ударяюсь о стол. *Его стол.*

Он сжимает руку — не настолько, чтобы ограничить поток воздуха, но давая понять, на что он способен: под его покрытой татуировками кожей проступают напряженные мышцы предплечья. Мой пульс бьется от его хватки, каждый нерв в теле в состоянии повышенной готовности. Только когда я замечаю его растущее возбуждение, понимаю, что он не собирается меня убивать. Ему слишком нравится играть со мной.

— Я должен перегнуть тебя через этот стол и преподать урок уважения, — его взгляд граничит с маниакальным, челюсть сжата так сильно, что я удивляюсь, как не слышу треск его зубов.

— Почему не делаешь этого? — и снова я не знаю, то ли невероятно храбрая, то ли невероятно глупая.

Он смеется. Это холодный, угрожающий звук, насыщенный и резкий, как виски.

— Потому что, *куишле*, когда я в первый раз отшлепаю твою сладкую задницу, ты должна будешь умолять об этом, — он отпускает мое горло и проводит тыльной стороной ладони по моей шее, по груди и вокруг выпуклости.

Я ненавижу жар, который накапливается в моей сердцевине, и мне приходится сжать бедра вместе, чтобы звучать более грубой.

— Этого никогда, *блять*, не случится.

Он снова смеется, и его глаза, замороженные путешествием своей руки, переходят на мои.

— Поужинай со мной, — моя голова откидывается назад от удивления.

Я не могу удержаться от смеха.

— Ты безумен, знаешь это?

— Меня называли гораздо хуже, *детка*, — я задыхаюсь, когда он хватает меня за бедра и поднимает на столешницу.

— Ты сумасшедший, — я задыхаюсь, когда его рука скользит по моему бедру к подолу юбки.

Я не могу оторвать взгляд от его глаз, плененная сырым голодом, который вижу в них. Его ладонь проскальзывает ниже, и от ощущения его кожи у меня перехватывает дыхание.

— Неуравновешенный, — говорю я, задыхаясь, и его рука ползет выше. Я не знаю, что делать со своими руками, кроме как вжимать ладонь в стол до побеления пальцев.

Он кладет другую руку на мое колено и слегка подталкивает его.

— Скажи мне остановиться, *куишле*.

Я не говорю. Не могу. Внутри меня жгучий зуд, который только усиливается, когда он проводит языком по зубам, раздвигая колени.

— Поехавший, — бормочу я, и даже не знаю, как вообще что-то говорю в этот момент. Все мои мысли поглощены ощущением его руки, проникающей все ближе и ближе к тонкому барьеру кружева между ним и моей киской.

— Псих.

Его пальцы проскальзывают под резинку, и я резко втягиваю воздух, когда он касается внешней стороны бедра. Он стонет, и я прикусываю губу, чтобы не сделать то же самое, когда он раздвигает складочки.

Он впервые прерывает взгляд, чтобы посмотреть на мой рот. Большой палец его другой руки медленно и мучительно проводит по моей нижней губе, пока она не выскальзывает из-под моих зубов.

Кончики его пальцев скользят в мою киску. Его глаза закрываются, из груди вырывается глубокий гул.

Я отворачиваюсь, понимая, что он чувствует. Мою мокрую, нуждающуюся, предательскую вагину. Мне никогда в жизни не было так стыдно. Слезы наворачиваются на глаза.

— О, детка, может, я и сумасшедший, но ты тоже. Твоя киска плачет по мне, — болезненное ликование победы в его голосе заставляет меня гореть. Он наклоняет голову, чтобы поцеловать меня.

Прямо перед тем, как его губы касаются моих, я отталкиваю его изо всех сил и прыгиваю со стола. Ноги дрожат, но я отказываюсь колебаться и бегу к двери. Я не в состоянии выдержать еще одну секунду, разделяя воздух с этим... этим... монстром.

— Четверг в восемь тебя устроит? — я слышу веселье в его голосе.

— Пошел ты, Кэш, — я не смотрю через плечо, когда кричу в ответ.

Не хочу, чтобы он видел мои слезы.

Кэш

Козлов.

И за моим столом. Я в ярости подхожу к нему. Единственная причина, по которой я не пристрелил его на месте, заключается в том, что я не знаю, нет ли поблизости его дружков, и не хочу, чтобы *она* попала под прицел.

— Надеюсь, у тебя чертовски веская причина быть здесь, товарищ, — он выглядит так, будто хочет оторвать мне голову и помочиться на труп. Рычит низко и глубоко. — Лучше начинай говорить.

Мне искренне интересно, что он собирается сказать. Братва — чертова заноза в нашем боку, но большую часть времени они держатся подальше от нас, а мы, в свою очередь, позволяем им действовать на нашей территории. В любом случае, мы не занимаемся торговлей наркотиками, так что ссориться особо не из-за чего.

Пока кто-то не решает переступить черту.

Например, является в мой штаб без просьбы о встрече.

— Мы хотели вежливо предупредить вас, будьте настороже, потому что мы приближаемся, — он наклоняется вперед и рычит, в его голосе слышны нотки родного языка. — Вы убили нашу принцессу, а мы сожжем все ваше гребаное королевство.

— Ты сошел с ума, Козлов. Вы даже не стоите моего времени. Если только нет повода, — я ударяю ладонью по столу и тыкаю указательным пальцем ему в лицо. — Тебе лучше подумать дважды, прежде чем приходить сюда, в мой гребаный бизнес, и бросаться обвинениями...

Его рука вырывается и хватается меня за запястье, размахивая татуированной кожей у меня перед носом.

— Думаешь, только у тебя есть источники в полиции, а? — *это из-за той стриптизерши?* Его источники сказали, что у меня есть железное алиби?

Хватит с меня этого дерьма. Я показываю на дверь.

— Убирайся на хрен отсюда, пока не начал войну, которую не сможешь выиграть.

Пока я смотрю, как его гигантская, громоздкая фигура уходит, мой мозг переполняется мыслями. И вместо того, чтобы слушать мысли, летающие в голове, я слышу только

несносную болтовню, скрежет столовых приборов о тарелки и негромкий звук музыки из динамиков.

— Ресторан закрыт. Убирайтесь. Если не заплатили, ужин за счет заведения. А теперь уходите, — я тру ладонями глаза, пытаюсь разобраться в своем беспорядке.

Кто-то подставляет меня.

Кто-то убивает моих людей и пытается перекинуть вину на меня.

Стриптизерша из моего джентльменского кабака. Бармен из моего ночного клуба. Я не могу вспомнить двух других жертв, но уверен, что если немного покопаюсь, то найду связь. Ради себя.

Мне просто нужно время, чтобы подумать.

— Эй, подожди, — мягкая рука обхватывает мое запястье. — Кто это был? — *она прикасается ко мне.* Эти чертовы бабочки трепещут в моем животе, и кожа нагревается там, где она ее держит. О чем я вообще думал? Мой разум стирается при малейшем прикосновении. Ах да, о том, что меня подставили в серийных убийствах, а Братва хочет насадить мою голову на пику.

— Русский мусор, — она сбрасывает мою руку, и маленький покой, который давало ее прикосновение, исчезает.

Это ее гребаная вина. Это все из-за нее.

Не должно быть все вот так, но она заразила мой кровоток и все мои мысли, всю мою энергию. Она сводит меня с ума. Нельзя. Я не могу позволить ей сделать это. Я кручусь на месте.

— Этот столик зарезервирован для нас. Для меня и моих братьев. Больше. Никого. Да кем ты себя возомнила, черт побери? Приходишь сюда с упругой задницей и красивым лицом, думая, что правила на тебя не распространяются, — я знаю, что она тут не при чем. Это я виноват, что отвлекся. Но мне приятно выпустить ярость наружу, направить ее на кого-то, кроме себя. Знаю, это неправильно, но я никогда не утверждал, что поступаю правильно.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, — я заставляю ее смотреть на меня. Жгучее желание сломать ее, заставить встать передо мной на колени, зажигает мои внутренности. — Ты просто гребаная хулиганка.

Ее челюсть отвисает, затем закрывается. В глазах разгорается огонь неизвестного мне топлива. Я хочу знать, что это такое. Какая великолепная искра только что загорелась? Я наблюдаю, как она сглатывает — вероятно, обдумывая ответ, который она собиралась сказать, — как красиво двигаются мышцы ее шеи. Интересно, если бы я обхватил ее рукой, она бы сопротивлялась?

— Я понятия не имею, о каких правилах ты говоришь, — стальная убежденность в ее тоне и боевой дух во взгляде заставляют мой член дернуться. Да. Разозлились, детка. *Подтолкни меня. Посмотрим, что из этого выйдет.*

— Правило заключается в том, что за этот стол не садится никто без фамилии Фокс. И уж тем более не какой-нибудь ублюдок, любящий Путина.

Она закатывает глаза. Интересно, закатила бы она глаза, давясь моим членом?

— Ну, а меня не предупреждали, придурок. И убери от меня свои гребаные руки.

Она плюет мне в лицо, и пока я вытираю плевком, мой мозг очищается от всех мыслей, кроме одной:

Кажется, я влюбляюсь в эту девушку.

ГЛАВА 9

Горячая, как карамель

Харлоу

Я подумываю не идти на работу на следующий день. По болезни. Семейные дела. Какая-нибудь другая дебильная отговорка. Потом вспоминаю, что говорила себе вчера: встать, дать отпор, не показывать слабость.

Вот только он видел, как я слабею. Хуже того, он видел, как я извиваюсь.

От одной мысли о прошлой ночи у меня горят щеки и сжимается горло. Я влипла по уши. Такое ощущение, что я сама вырыла себе могилу, а меня уже начинает засыпать землей.

Когда я вернулась домой вчера вечером, не знала, что делать. Не знала, с кем поговорить. Что вообще говорить? *Привет, я Харлоу, и я позволила убийце-психопату подрочить мне пальцем. И мне понравилось. О, а моя лучшая подруга? Да, она одна из его жертв.*

Я много чего чувствовала после смерти Бет, но это первый раз, когда я действительно ощущала себя наполовину убитой. Я была зла, грустна, потеряна, подавлена, напугана и испытывала все остальные эмоции. Но только вчера вечером, когда вошла в квартиру, я почувствовала отсутствие своей второй половины так же точно, как воздух в легких или кровь в венах. Она была частью меня, а теперь ее нет.

Она была единственным человеком, с которым я могла поговорить, которому могла полностью довериться и знала, что она всегда будет рядом. Пока ее не стало.

Желая почувствовать близость с ней, я взломала дверь в ее комнату и проскользнула внутрь. Мне казалось, что я должна ходить на цыпочках и не шуметь, как будто я вторглась в священное пространство.

Все разбросано и перетасовано с тех пор, как полиция проводила обыск, ища хоть что-то, что могло бы указать на убийцу. Семейный портрет, который она хранила на тумбочке, лежал на полу лицом вниз. Ящики опустошены, обысканы, а ранее аккуратно сложенная одежда кое-как запихнута обратно.

Мое сердце чуть не разорвалось, когда я увидела, что ее любимый с детства плюшевый зайчик разорван сзади, а наполнитель высыпался через шов. Я подавила всхлип, и взяла швейный набор, чтобы зашить его.

Хотела привести в порядок остальную часть ее комнаты, чтобы все было так, как до прихода полиции, но к тому времени, как я закончила с зайчиком, слишком устала.

Чертовски устала.

Я прихожу на смену с крашеными волосами, зачесанными назад в тугий пучок. Не могу смотреть на свой новый цвет. От него чувствую себя грязной и дешевой. Убеждаюсь, что каждая прядь волос надежно закреплена. Я не дам этому ублюдку возможности играть со мной, мягко запроваляю упавшую прядь за ухо.

Прежде чем вернуться в логово льва, я хочу сделать одну вещь. Моя убежденность растет с каждым звонком телефона.

— Саксон.

— Привет, это Харлоу, — как только мое имя прозвучало, я хочу выстрелить себе в ногу. Оглядываюсь вокруг. Стою через дорогу от кафе, и повезло, что я не вижу никого, кто

знает меня как Аманду.

— Мисс Харгрейв, — его тон смягчается, я слышу улыбку в его голосе.

— Поможет ли признание? Чтобы опровергнуть ложное алиби.

— Мисс Харгрейв... Харлоу, — когда он переходит на имя, я уже знаю, что мне не понравится то, что он собирается сказать. Жалею, что вообще позвонила ему. — Если ты что-то знаешь, приходи и расскажи полиции. А если ничего не знаешь, не делай глупостей, чтобы узнать. Пожалуйста, — это искренняя мольба, но он говорит медленно и спокойно, как будто думает, что я сошла с ума. И я не уверена, что он ошибается.

— Просто скажи, Лео. Признания будет достаточно?

— Позволь нам делать свою работу. Что бы ты ни придумала, ничем хорошим это не закончится. Это опасные люди, Харлоу, — я скрежещу зубами, сдерживая свой ответ. Я преподнесла им Кэша на блюдечке с голубой каемочкой, а они *ни хрена* не сделали. Я единственный человек, который видел убийцу и осталась в живых, и могу опознать Кэша как этого убийцу.

— Признание. Этого будет достаточно?

— Теоретически да, но... — это все, что мне нужно услышать. Я прерываю звонок и засовываю телефон в карман, переходя улицу с новым огнем в груди и целью.

Когда вхожу, все четыре брата Фокс сидят в угловой кабинке — *их кабинке*. Холодность, витающая вокруг них, когда те по одиночке, исчезает, когда они собираются вместе. Это странная вещь. Они смеются, прикалываются и оживленно разговаривают. Все эти выводы приходят в голову из-за сцены передо мной, когда один передает другому остатки бургера в обмен на оставшуюся картошку фри.

И это чертовски бесит.

Когда Кэш замечает меня, он замирает, но лишь на мгновение. Затем откидывается назад в кабинке, раскинув руки по спинке и оглядывая злобным взглядом мое тело. Не лучше, чем тот курьер с пивом. Его братья замолкают, дабы посмотреть, что вдруг привлекло внимание Кэша. Все их взгляды устремлены на меня — я физически ощущаю их тяжесть, и мне кажется, что я вот-вот расколуюсь на две части.

Мне требуются все силы, чтобы отвести плечи назад и выпрямиться под их пристальным взглядом. Я знаю, чего он хочет. Чтобы я покраснела и струсилась. Он хочет видеть, как я крепко сжимаюсь под его каблуком. Уже знаю, как твердеет его член при мысли, что он победил меня, сломал.

Чувствуя искру негодования, я пробираюсь к столу, покачивая бедрам чуть больше, чем обычно.

— Мальчики, — я стараюсь смотреть каждому из них в глаза. Всем, кроме Кэша. — Могу я предложить вам что-нибудь еще?

— Аманда... — я притворяюсь, что не слышу его. Он даже не знает моего настоящего имени, хоть что-то я оставила для себя.

— Десерт, пиво? — они все качают головами, ухмыляясь. Я не знаю, что Кэш рассказал им обо мне, и даже не знаю, что они знают о нем. Но судя по самодовольному выражению их лиц, когда Кэш снова произносит мое имя, а я игнорирую его, им нравится смотреть на то, как Кэш бесится, так же, как и мне.

— Знаешь, а я не против. Что посоветуешь? — спрашивает молодой блондин, бросая на Кэша взгляд «*и что сделаешь с этим*».

— Хм, я люблю все со взбитыми сливками и клубникой — я прикидываюсь и хлопаю

ресницами. Один из братьев подавляет смех. Я чувствую напряжение, исходящее от Кэша, как пар. Оно сгущает воздух, образуя бисеринки пота на моей спине. — Так что я бы рекомендовала фруктовый пирог.

— Я больше по соленому, — говорит другой брат с игривым блеском в глазах. — А ты какой тип девушек?

— Я бы сказал, что она чертовски кислая, — ворчит Кэш.

— О, я обожаю мороженое с карамелью, которая *капает*. Невозможно удержаться, чтобы не *слизать*.

— *Хватит*, — рычит Кэш, выскакивая из кабинки и оттаскивая меня за руку.

Мое сердце колотится, но я изо всех сил стараюсь рассмеяться и отвечаю ребятам:

— Тогда фруктовый пирог, — хватка Кэша обхватывает мой бицепс до синяков, и я испытываю такой кайф от того, что наконец-то проникаю под его кожу.

Только когда он затаскивает меня в свой кабинет и захлопывает за нами дверь, я понимаю, что, возможно, здорово облажалась.

Он прижимает меня к стене. Его рука тянется к моему горлу, но останавливается, пальцы сгибаются, а затем крепко сжимаются в кулак.

— *Блять*, — рычит он и ударяет кулаком в стену рядом с моей головой. — Почему ты провоцируешь меня?

Я слишком ошеломлена, чтобы говорить, вжимаюсь в стену, не зная, был ли этот удар предназначен для меня. Он отталкивается от стены. Мое дыхание учащается, пока я смотрю, как он ходит по кабинету, запустив пальцы в волосы и дергая их за корни.

— Я лучше пойду, — шепчу я медленно, крадучись назад к двери, как будто разговариваю с диким зверем. *Ведь он такой и есть, не так ли?*

Он смотрит на меня, его насыщенные зеленые глаза похожи на широкие лужицы с мхом, брови сведены вместе.

— Хорошая идея. — произносит он сквозь стиснутые зубы.

Кэш

Я не добрый человек.

Я не нежный человек.

Никогда им не был и не хочу быть.

Поэтому меня чертовски смущает, когда я лежу без сна в постели с одной и той же мыслью, повторяющейся в голове: *я переборщил?*

Она не говорила мне остановиться. Но сказала, что я сумасшедший, ненормальный, и как там еще... ах да, поехавший. Она позволила продолжать, потому что хотела этого, как и ее мокрая киска? Или думала, что я причиню ей боль, если она не сделает этого? От непонятного ощущения внутри, я тру грудь.

Я делал ужасные вещи в своей жизни. И не боюсь, что она узнает об этом и сочтет меня чудовищем. Потому что я такой и есть, и она окажется права. Я с ужасом и восхищением понимаю, что боюсь этого.

Наконец, я засыпаю с обещанием, что завтра покажу ей, что со мной она всегда будет в безопасности.

Просыпаюсь с хорошим самочувствием, даже отдохнувшим. Во мне бурлит энергия

«саге diem⁸», и я готов сбить эту девушку с ног.

Но потом она приходит, когда я обедаю с братьями, и вытворяет такое дерьмо. И я теряю голову. *Я просто, блять, теряю голову.* Она устраивает это гребаное шоу дешевой шлюхи, пока запах ее киски все еще ощущается на моих пальцах?

Я не могу это контролировать. Мой кулак врзается в стену, и выражение страха на ее лице хуже, чем выстрел. Намного хуже.

Но она делает это со мной. Она делает меня чертовски сумасшедшим. Это ее вина.

— Я лучше пойду, — ее голос такой мягкий и робкий, что это разбивает мое гребаное сердце. Я погасил ее вспылчивый огонь, горевший несколько минут назад, превратив в испуганного ангелочка.

— Хорошая идея, — звук закрывающейся за ней двери — как удар в живот.

Чтобы не провести следующие несколько часов в задумчивости, я отвлекаю себя, занимаясь делами, которыми пренебрегал из-за своей новой одержимости. Это продуктивно и напоминает, что я не какой-то там хандрящий, грустный мешок с дерьмом. Я — Лис, вершина гребаной пищевой цепочки. *Король.*

ГЛАВА 10

В яблочко

Харлоу

После вспышки злости Кэша в его кабинете остаток дня проходит в темпе улитки. Вторники никогда не бывают оживленными, а сегодня, кажется, особенно тихо. Сейчас заняты только два столика, поэтому я сижу за барной стойкой со Стеллой, крутя соломинку в своем стакане.

— Я слышала, вчера произошло какое-то дерьмо... ты в порядке?

Она смотрит на меня своими карими глазами, и я знаю, что она слишком умна, нет смысла притворяться. Если она почувствует, что я скрываю, то начнет копать дальше, а этого я точно не хочу. Поэтому говорю ей правду. Ну, во всяком случае, частичку.

— У нас с Кэшем есть... история, — она вздергивает брови и делает драматический глоток джина с тоником, показывая взглядом: «*Расскажи мне больше*».

— Ну, не совсем со мной. Он знал мою лучшую подругу, и их отношения были... мягко говоря, токсичными, — такое ощущение, что я плюю на могилу Бет, описывая эти выдуманные отношения с Кэшем как просто *токсичные*. Как насчет смертельных, летальных, жестоких?

— Вы с Кэшем все еще пытаетесь понять, как вести себя друг с другом после всего, что случилось с твоей подругой, да? — она бросает на меня понимающий взгляд и говорит. — Как я и сказала: королева драмы.

Я не успеваю ответить, когда входит белый мужчина средних лет. Администратор приветствует его, но он бормочет что-то, чего мы не слышим, и указывает на столик справа от себя.

— Надо принести еще стул, если он к ним присоединится, — Стелла спрыгивает с барного стула.

Мужчина что-то говорит посетителям, и они встают, но не раньше, чем наклоняются и говорят что-то столику рядом с ними. Я с любопытством наблюдаю, как две группы людей выходят из ресторана.

Следующее, что я слышу, — крик администратора, когда мужчина достает пистолет и стреляет в угловую кабинку. Один из братьев падает под красными брызгами, а остальные начинают кричать и стрелять в ответ. Через несколько секунд в помещение вваливается от семи до десяти мужчин, они врываются через входную дверь с оружием наперевес.

Не успев пригнуться, я вижу дядю Бет.

Пули попадают в зеркало за барной стойкой, и стекло летит вниз. Здесь так громко. Я сворачиваюсь в клубок, закрывая уши и голову, и думаю, какого хрена я не залезла на барную стойку. Теперь слишком напугана, чтобы встать. Я слышу, как прямо надо мной свистят пули.

Раздаются гневные крики на русском языке, а затем в меня врезается тело, выбивая весь воздух, поскольку оно накрывает меня, как щит.

Я сразу же узнаю богатый аромат сандалового дерева.

Снова непонятные крики, выстрелы, шум, подозрительно похожий на то, как тащат

тело, и затем отчетливый звук закрытия тяжелой деревянной входной двери. Стрельба прекращается.

Вокруг меня раздаются еще звуки, но все превращается в отдаленный гул, когда Кэш отстраняется и берет мое лицо в свои руки. Его ладони шершавые и дрожащие, но кажется, что только благодаря им я не разваливаюсь на части.

— Ты в порядке? — его голос хриплый и напряженный, и я в замешательстве смотрю в ответ на искреннее выражение озабоченности в его глазах. — *Блять*, пожалуйста, скажи что-нибудь. Скажи, что с тобой все в порядке.

— Мне не больно, — я не знаю, как произношу эти слова, и, честно говоря, не знаю, правдивы ли они, потому что я не чувствую своих конечностей, кроме покалывания от осознания того, что они существуют. Что я существую. Я выжила.

— Теперь ты пойдешь со мной домой, — Кэш встает и тянет меня за собой, прижимая к своей груди. То, что я стою на ногах, помогает вернуться к реальности.

— Зачем? — должно быть, я неправильно расслышала его. Человек, который несколько часов назад бил кулаком в дюймах от моей головы, хочет отвезти меня домой.

Он гладит по щеке и поднимает мою голову, чтобы я увидела извиняющееся выражение его лица, что еще больше сбивает с толку. Его большой палец гладит мою щеку, пока он колеблется в своем ответе.

— Я только что повесил самую большую мишень в этом городе прямо на твою спину.

Когда сознание начинает возвращаться, тошнотворное чувство паники, трепещущее в груди, не соответствует нежному прикосновению к моему лбу, мягкому поглаживанию.

Затем мой мозг улавливает мускусный запах амбры и табака...

О, черт возьми, нет!

Я резко вскакиваю и, не удержавшись, ударяюсь головой обо что-то твердое. Боль пронзает кожу головы и шею.

— О, Господи Иисусе, — шиплю я, пока в висках пульсирует.

— Вот моя девочка, всегда борется, — Кэш одаривает меня однобокой ухмылкой, потирая лоб. — Я ожидал пощечину, но удар головой? Точно нет.

— Я не специально, ты, идиот, — я стону и смотрю на окружающую меня комнату. Ничего не знакомо. И это многое говорит о нынешнем состоянии моей жизни, что я не удивлена. — Ты, блять, *похитил* меня? — *фраза, которую я никогда не думала, что произнесу.*

— Считай это защитной опекой, — его губы подергиваются от удовольствия.

В спальне, где я нахожусь, кирпичные стены, но высокие белые потолки с золотыми венцами. У одной стены — камин, у другой — балкон, как у Джульетты, закрытый белыми занавесками. Единственная мебель — антикварный комод и тумбочка, а также кровать, на которой я сейчас сижу. С Кэшем, сидящим сбоку. Я плотнее прижимаю к груди пушистый белый плед, глядя на него и пытаюсь вспомнить, что произошло в последний раз.

Перестрелка.

Там был дядя Бет. Брат Кэша был ранен. Возможно, и другие. Крики на русском. Кэш прыгает, чтобы защитить меня. Говорит, что я поеду с ним домой.

Так вот где я нахожусь, в его доме?

— Что я здесь делаю, Кэш... как я сюда попала?

Он фыркает и протягивает руку, чтобы положить ее на мою ногу под одеялом. Я быстро подтягиваю колени к груди, и он смотрит на то место, где были мои ноги, сжав губы в плотную линию. Мое дыхание замирает в ожидании его реакции. Он непредсказуем в лучшем случае и взрывоопасен в худшем.

Когда он ничего не говорит, я пытаюсь задать другой вопрос.

— Почему эти люди пришли в Логово?

— Чертовы русские, — он выплевывает это слово, как будто оно грязное. — Думают, что я убил кого-то дорогого для них, — мои легкие болезненно сжимаются. *Бет.*

Я тщательно выбираю следующие слова, не желая разрушить всю свою тяжелую работу, выдав, что я знаю что-то, чего Аманда Джонс не должна знать.

— Думают?

— Ты слышала об Убийце из Джун-Харбор? — я киваю и пытаюсь сглотнуть, но в горле слишком сухо. — Его последней жертвой была внучка Пахана.

Мои мысли начинают плыть:

— Я не знаю, что это значит.

— Босс. Дон. Главарь, — я пытаюсь вспомнить, что помню о дедушке Бет. Он всегда казался милым стариком. Держал банку конфет в каждой комнате и никогда не забывал о дне рождения.

— Босс чего? — я думала, он владел прачечной или что-то такое...

— Братвы. Русской мафии... эй, эй, дыши. Просто дыши, — я даже не осознаю, что задыхаюсь, пока он не трогает меня, и понимаю, что не могу разглядеть его лицо, потому что зрение затуманено слезами.

Мои легкие не расширяются. Я не могу набрать воздуха. Не могу дышать.

— Давай, вдыхай и выдыхай. Повторяй за мной, — его голос звучит издалека, но я все еще чувствую руки на себе, так что он рядом. Слышу, как он глубоко вдыхает и медленно выдыхает. Пытаюсь ему подражать. — Вот так, детка. Продолжай. Ты в безопасности.

Мое сердце все еще дергается в быстрых ударах, но дыхательные пути свободны. Я не задыхаюсь.

— И... и какое отношение это имеет ко мне? Почему я здесь? — жду, когда он назовет меня по настоящему имени. Скажет, что он здесь, чтобы закончить работу, которую начал. Русская мафия вышла на него, и я единственная, кто может опознать его как убийцу.

— Потому что я выбрал тебя, — я моргаю от слез и пытаюсь прочитать его выражение лица. Он смотрит на меня своими глубокими зелеными глазами, как человек, впервые увидевший океан. *Благоговейно.* Это бессмысленно. — Моя семья подверглась нападению. Брата ранили. И я решил защитить *тебя*.

— Кэш, пожалуйста. Я не понимаю, что происходит, — он говорит чертовыми загадками, и от этого становится только хуже. Качаю головой в замешательстве.

— Братва думает, что я убил их принцессу. И пока я не смогу убедить их, что это не так, ты будешь в опасности. Они не остановятся, пока не убьют того, кого я люблю.

Любит... Я отодвигаюсь подальше и настороженно смотрю на него.

— Как я здесь оказалась, Кэш...

— Ты была в шоке после стрельбы, тебя невозможно было переубедить. Но мне нужно было доставить тебя в безопасное место, поэтому я помог тебе немного вздремнуть.

— Ты вырубил меня?! Невозможно переубедить? Не желать, чтобы меня куда-то везли с

психопатом, — *который может быть Убийцей из Джун Харбор*. — Вполне разумно.

— Вот о чем я говорю. Ты не видишь общей картины, — он вздыхает, как будто я веду себя как дура.

— Что именно, Кэш? Что это за общая картина, которую я слишком глупа, чтобы увидеть, а? — я кричу, моя кровь теперь бурлит от гнева, а не от страха.

— Из-за того, что я решил защитить тебя, а не семью, другую самую важную для меня вещь, Братва теперь будет охотиться за тобой. Они думают, что я отнял у них дорогого человека, и теперь они попытаются отнять у меня дорогого человека.

— И что теперь? Я буду заперта здесь с тобой, как принцесса в башне?

— Нет, детка. Ты — королева.

Я убедила Кэша дать мне немного пространства, чтобы «поразмыслить», то есть понять, как выбраться отсюда. Думаю, если бы он хотел моей смерти, я бы уже была мертва. Но то, что я все еще жива, не значит, что он не опасен. Он думает, что любит меня, а люди делают безумные вещи ради любви. Нормальные люди. А он далеко не нормальный. Сумасшествие — это его базовый уровень. И если вырубить меня и похитить — это его версия защиты любимой, то меня ждет чертовски тяжелая поездка, если я не выберусь.

Очевидно, у меня нет телефона. Кэш может быть сумасшедшим, но он не дурак. Дверь в спальню не заперта, на окнах нет решеток, но мы на шестом этаже, и без пожарной лестницы. Это смертный приговор. Но отсутствие безопасности заставляет меня думать, что он искренне верит, будто я останусь здесь по своей воле, что я каким-то образом куплюсь на его извращенное представление о защите и просто расслаблюсь.

Поэтому я жду, пока луна не поднимется высоко в небо и в квартире не станет тихо. Затаив дыхание, я медленно и мучительно поворачиваю ручку двери. Открыв дверь, я замираю и прислушиваюсь. Никаких людей с оружием, выпрыгивающих из тени. Никакой сигнализации. Ни звука.

Все еще сомневаясь, я на цыпочках выхожу из комнаты, осторожно закрывая за собой дверь. Осторожно крадусь по коридору, пока не вижу впереди кухню и гостиную. Я замечаю дверь с глазком, и волнение пробегает по моему позвоночнику. Думала, что квартира Кэша будет огромной и извилистой и что я попаду в лабиринт, пытаюсь найти входную дверь.

Мои ноги босые, туфли в руках, и я, стараясь ступать как можно тише, скольжу по паркетному полу. Во всем доме не горит ни один светильник. Несмотря на прохладную температуру, мой лоб покрывается капельками пота. Глаза устремлены на дверь впереди, я осматриваю стену рядом с ней на предмет наличия сигнализации. Удивительно, но ее нет. Думаю, не так много людей посмеют вламываться к такому человеку, как Кэш.

Прикусываю губу, так как мое дыхание учащается, чем ближе я подхожу. Когда я приближаюсь к двери, в груди расцветает головокружение.

— Куда-то собралась? — даже если бы я не была в его квартире, я бы узнала этот холодный голос в любом месте. Моя рука замирает над ручкой, и я подумываю о том, чтобы взяться за нее и броситься бежать. — Ты далеко не уйдешь, мои люди остановят тебя еще до того, как ты дойдешь до лифта.

Разъяренная, я поворачиваюсь. В этот момент загорается лампа, освещая сидящего в углу Кэша. Лампа как нимб над ним. Забавно, я не знала, что у дьяволов есть нимбы.

— Ты не можешь держать меня здесь, — мой голос дрожит, и я надеюсь, он поймет, что это от гнева, а не от страха.

— Выйдешь наружу — и ты умрешь. Может быть, не сразу. Может быть, протянешь час, день. Черт, может, неделю. Но они найдут тебя и убьют. И если ты надеешься на быструю смерть, пулю в голову, не выйдет, — он замолкает, чтобы сделать глоток виски. — Они, скорее всего, сначала разорвут тебя пополам, вскроют все дыры. А потом, когда ты будешь вся в крови и сперме, начнут пытку... — волна тошноты, нарастающая в моем желудке, достигает предела, и я бросаюсь к кухонной раковине позади.

Моя кожа становится холодной и липкой, когда я опускаюсь в стальную раковину. Нежные руки собирают мои волосы и мягкими круговыми движениями растирают спину.

— Но не волнуйся, детка. Я не позволю этому случиться. Пока я с тобой, они не смогут причинить тебе вреда.

Вытираю рот тыльной стороной ладони, мой пищевод все еще горит, когда я встаю прямо. Собрав все оставшееся у меня достоинство, я поворачиваюсь к Кэшу. В темноте его лицо выглядит до жути красивым. Он похож на существо, которому место в тени.

— Если я собираюсь остаться здесь, мне нужен ключ от спальни. И его дубликаты. Если хочешь, чтобы я чувствовала себя в безопасности, мне нужно иметь *собственное* безопасное пространство.

Он смотрит на меня, в равной степени подозрительно и восхищенно.

— Договорились.

— Правда? — я не могу скрыть шок в своем голосе от того, что он так легко согласился на мои требования.

— Конечно. Все, что захочешь, — он делает шаг ко мне, кладет руки на бедра, и я вздрагиваю от этого прикосновения.

— Я хочу уйти.

— Что угодно, только не это, — говорит он с мрачной усмешкой, притягивая меня к своей груди. Он прижимается поцелуем к моему лбу, и это так странно по-домашнему и интимно, что моя естественная реакция — раствориться в нем. Его футболка мягко прижимается к моей щеке, а грудь теплая и твердая. Его руки крепко обхватывают меня, и он вздыхает в мои волосы.

Это не должно успокаивать. Но это так.

Я позволяю себе побаловаться еще несколько секунд, пока не чувствую его растущий член напротив моего живота. Удивительно, но он отстраняется первым.

— Тебе, наверное, лучше пойти спать, пока я не оттрахал тебя на каждом дюйме этой столешницы.

— Мгм, — бормочу я, отворачиваясь, благодарная темноте, чтобы он не увидел румянец, пылающий на моих щеках.

— Я подсуну ключи под дверь, — говорит он мне в спину, пока я иду обратно по коридору. — И детка?

Я останавливаюсь, не оборачиваясь.

— Да?

— Спи спокойно.

Я не позволю себе чувствовать вину за то, что нашла утешение в его прикосновениях. Думаю, я прошла через многое, чтобы позволить себе это. Только на одну ночь.

А завтра получу от него признание.

Ключи на месте, когда я просыпаюсь. Три одинаковых, на маленьком серебряном кольце лежат на полу в нескольких дюймах от двери. Думаю, мне придется поверить, что это единственные копии.

Хотя я в этом сомневаюсь.

Если бы мой желудок не урчал, я бы не отказалась остаться в комнате на весь день, чтобы проверить, действительно ли Кэш способен уважать мои границы. Жаль, что, когда я выхожу в коридор, мой желудок тут же урчит от аппетитного запаха бекона. Из кухни \ доносится музыка, R&B.

Зрелище, которое меня встречает, настолько неожиданное, что я даже щипаю себя, ожидая проснуться еще раз.

Большой кухонный стол заставлен тарелками и мисками. Там лежат нарезанные фрукты, ягоды, омлет и яичница, булочки с корицей, бекон, френч-пресс с кофе и то, что похоже на овсянку с сыром. Сама кухня элегантна и красива, здесь открытый кирпич, как и в большей части квартиры, а шкафы выкрашены в серый цвет с современной отделкой и дорого выглядящей техникой. Столешница в углу острова выложена белым камнем, а другие столешницы у стены с плитой и духовкой — из той же нержавеющей стали, что и в ресторане.

Затем, в резком контрасте, появляется Кэш. Он напевает под музыку и что-то режет, стоя ко мне спиной. Огромный череп смотрит на меня впалыми глазами. Татуировка покрывает всю его спину, единственное, что прерывает картину, — это шрам, похожий на полосу, между лопатками.

Я окидываю взглядом все его тело, и мне становится жарко, когда я вижу его точеное телосложение. Сглатываю, вспомнив его вчерашние слова.

Тебе, наверное, лучше лечь спать, пока я не оттрахал тебя на каждом дюйме этой столешницы.

А столешница, конечно, большая. Невольно я представляю его твердое, татуированное тело надо мной, прижимающее меня, пока он берет то, что хочет. Пульсация татуированных мышц. Темный огонь в глазах. Грубые, голодные поцелуи...

— Если собираешься трахать меня глазами все утро, то сначала хотя бы угости ужином.

Красный. Жгуче-красный. Щеки пылают, потому что меня поймали на подглядывании. Я нервно тереблю нижнюю губу зубами, смотрю на свои ноги.

— Я не...

— Можешь отрицать, если тебе от этого станет легче, — он поворачивается с ухмылкой и добавляет к пиршеству на столе разделочную доску с нарезанным апельсином.

— Я чувствую себя слишком одетой, — я в той же атласной бордовой юбке, которую вчера надела на работу, и черном топе без рукавов. Кэш одет только в серые треники.

— Ты идеальная, — он наклоняет голову к табурету, предлагая мне сесть. — И голодная, надеюсь.

— Ты все это сделал? — я выдвигаю табурет со спинкой, и он наливает чашку кофе.

— Молоко или сахар? — он игнорирует мой вопрос.

— Что? А, просто молоко.

— Я не знал, что ты любишь, — он протягивает мне кружку, плеснув в нее немного

молока. И что самое странное, его лицо почти застенчиво. Не обычная нахальная ухмылка. Как будто он действительно сделал все это только для того, чтобы я могла позавтракать так, как мне нравится, а не в качестве одной из его властных игр разума.

— Обычно я просто ем хлопья «Чериос».

— Ох, — его лицо мрачнеет, и впервые я замечаю легкую россыпь веснушек на его носу. Мне приходит в голову мысль, что это может быть очередной манипуляцией. Манипуляция или нет, но я чертовски голодна.

— Эй, это точно лучше, чем «Чериос».

Большую часть дня я провожу в своей комнате, не зная, как ужиться с серийным убийцей, как будто все это чертовски нормально. Кэш принес мне несколько комплектов пижам с бирками, так что, по крайней мере, мне удобно. Я пыталась читать найденные книги, но не могла сосредоточиться на словах. Большую часть времени я провела на кровати, уставившись в потолок. Думала. Планировала.

Если Кэш намерен держать меня здесь, в плену, с разочарованной мыслью, что я ему небезразлична, то я должна хотя бы уметь использовать это в своих интересах.

Во время завтрака я заметила две камеры, установленные в гостиной и на кухне. Уверена, что их больше. Встревоженная, я понимаю, что в этой комнате тоже наверняка есть по крайней мере одна, хотя не вижу ничего. Интересно, они записывают звук? Если да, то это значительно облегчит мою работу.

Я подумываю о том, чтобы надеть один из более откровенных пижамных комплектов, которые купил Кэш, но не хочу переусердствовать. Вместо этого я выбираю пудрово-розовый комплект из шелковых шорт и кофты на пуговицах с коротким рукавом. Прежде чем выйти из комнаты, расстегиваю верхнюю пуговицу.

Кэш сидит за ноутбуком в старинном кресле у окна. На нем черные брюки и белая рубашка, золотая пряжка ремня сразу же привлекает мой взгляд к его промежности. Что он, конечно же, замечает.

— Нравится?

— Боже, ты такой озабоченный, да? — пытаюсь выглядеть немного жеманной и слегка раздраженной, когда прохожу на кухню.

— Детка, «озабоченный» недостаточно сильное слово, — его глаза скользят по моему телу, он облизывает нижнюю губу, и, черт возьми, бабочки порхают у меня в животе.

— Можно мне сделать чай? — спрашиваю я, стараясь не обращать внимания на голодный взгляд его глаз.

— Над раковиной справа.

Когда открываю шкаф, на первой полке стоят кружки, а на второй — коробки с чаем: Эрл Грей, Английский завтрак, ройбуш и ромашка. Все, как обычно. Решаю, чего хочу, когда тело Кэша оказывается в нескольких сантиметрах от моей спины, его дыхание обжигает мою шею. Он тянется над моей головой, прижимаясь торсом к моей спине, и мое сердце учащенно бьется.

— Этот — мой любимый. Я поставлю воду, — его резкое отсутствие заставляет меня схватиться за стойку для поддержки. *Соберись, Харлоу. Это он должен волноваться, а не ты.*

— Я могла сама дотянуться, — насмехаюсь и наливаю две кружки. Когда поворачиваюсь обратно, мое горло сжимается. В задней части брюк у него черный пистолет. Он пытается запугать меня? Ведь я не так быстро забыла ту прекрасную картину, которую он нарисовал, что произойдет, если я уйду. Или нам действительно угрожает такая опасность, что, несмотря на людей, которые, по его словам, стоят лагерем снаружи, ему все равно нужно иметь при себе оружие?

— Итак, чем ты занимаешься весь день? — я прислоняюсь спиной к острову и скрещиваю руки, но потом думаю, что лучше выставить свои лучшие достоинства вперед. На мне нет бюстгальтера, и когда я опираюсь ладонями на стойку, моя грудь виднеется через тонкий шелк. Тонко, но эффективно, судя по тому, как он поправляет брюки.

— Ты хорошо выглядишь.

Я не упускаю тот факт, что он проигнорировал мой вопрос, но все равно подыгрываю ему:

— Конечно, ты же подбирал наряд, — мне не нужно форсировать дразнящий, кокетливый тон.

— Вообще-то, Стелла.

Ох.

Он делает несколько шагов, чтобы сократить расстояние между нами, и я думаю, что он прижмет меня к столу. Однако вместо этого он зеркально отражает мою позицию на прилавке напротив.

— Конечно, на полу это будет смотреться лучше, — *вот моя возможность*.

— Да, насчет того, что ты сказал прошлой ночью... — я прикусываю губу и мямлю, как будто нервничаю.

— Какую часть? — он поднимает бровь.

— Та часть, где речь идет о столешницах, — я смотрю вниз на свои ноги, но, не желая переигрывать с робостью, поднимаю глаза и смотрю прямо в его затуманенный похотью взгляд.

— Не помню, — он отталкивается от стойки. — Расскажи подробнее, — его голос хриплый, и мне не нужно притворяться, что на моих щеках появился румянец.

— Причина, по которой ты сказал мне идти спать, — его присутствие приближается ко мне, хотя он не сделал ни шагу.

— Ты можешь лучше, — его рука находит мое бедро, и он медленно скользит большим пальцем по атласному материалу, пока его большой палец не касается моей кожи.

Я вздыхаю, отчасти для драматизма, а отчасти потому, что дышать становится все труднее.

— Ты сказал, что хочешь трахнуть меня на каждом дюйме столешницы.

— Черт, это звучит намного грязнее, когда слетает с твоих сладких губ, — его рука на моем бедре сжимается, и мне стыдно признаться, что я покачиваюсь в такт его прикосновениям.

— Ну, я заметила камеры. Если что случится, кто-нибудь еще увидит?

— Если бы они увидели, я бы их убил, — он говорит это так беззаботно, но я знаю, что это не фигура речи. — Это произведение кинематографического искусства будет только для моих глаз.

— Хм, — я смотрю в сторону и пытаюсь изобразить на лице легкое разочарование.

— В чем дело?

— Просто кажется, что без звука будет не так хорошо. Как упущенная возможность, — я пожимаю плечами, и дьявольская улыбка, которую он дарит мне в ответ, посылает жар по коже.

Он смеется.

— Почему ты думаешь, что там не будет звука?

— Во всех криминальных сериалах, которые я смотрю, никогда нет аудио на записях с камер наблюдения.

— Это не сериал. У меня первоклассная система безопасности, что означает потоковое цветное HD-видео и полный звук, — прежде чем я успеваю ответить, чайник начинает свистеть, и Кэш поворачивается, чтобы налить воду.

— Мне страшно, Кэш, — это не то, что я хотела сказать, но, тем не менее, вырвалось.

— Я знаю, но ты не должна меня бояться. И пока ты моя, не должна бояться никого другого, — я хочу возразить и сказать, что я не его. Я не гребаный объект, на который он может претендовать. Но говорю своему феминизму помолчать, потому что сейчас не время.

Не знаю, действительно ли я в безопасности — особенно рядом с ним — или нет, но я знаю, что он в это верит. Я вижу это по тому, как он нахмурил брови, пытаясь передать, насколько сильно он это понимает. Его глаза смягчаются в мольбе, чтобы я тоже поверила.

Может быть, это будет не так сложно, как я думала... Особенно когда он *так* смотрит на меня.

Я отталкиваюсь от края стола, прижимаясь к его груди. Чувствую, как сбивается его дыхание. Смотрю на него сквозь ресницы и нерешительно провожу пальцем по темной щетине на его челюсти. Его веки смыкаются.

— Посмотри на меня, — шепчу я, задыхаясь. — Обещай оберегать меня, Кэш.

— Всегда, — он заправляет прядь волос мне за ухо, и я поворачиваюсь щекой к его ладони, его дыхание снова становится прерывистым.

— Поцелуй меня, — все его тело напрягается от моих слов, но затем так же быстро расслабляется. Он наклоняется, чтобы встретиться с моими губами, а затем берет мое лицо в свои ладони.

Его поцелуй обжигающий, но нежный, он просто пробегает по моим губам, словно ожидая, что я отстранюсь. Когда я не отстраняюсь, нерешительность исчезает в мгновение ока, и он рычит, впиваясь пальцами в мою шею и челюсть. Я поддаюсь его напору, отвечаю с энтузиазмом, но пассивно, позволяя ему думать, что он контролирует ситуацию.

Он вжимается в меня тазом, и я издаю тихий скулеж. Он отвечает так, как я и ожидала, погружаясь в меня с еще большим голодом, посасывая и целуя мою шею. Я резко вдыхаю, и это не только притворство. На самом деле, его очень мало.

Он хватает меня за горло. Не угрожающе, а доминирующе, отчаянно, как будто жаждет контроля, но только если я позволю.

— Продолжай издавать эти сладкие звуки, и я правда буду трахать тебя на каждом дюйме этой стойки.

— Продолжай целовать меня так, и я, возможно, позволю тебе, — его челюсть напрягается, и я понимаю, что время пришло. Он как пушинка в моих руках. Он снова целует меня, глубокими, томными движениями губ, и я обхватываю его руками, прижимаясь к нему.

Мое сердце бешено колотится, и я молюсь, чтобы он не заметил разницы между тем, что он заставляет меня чувствовать, и предвкушением того, что я собираюсь сделать.

Одна рука скользит к нему спереди, чтобы отвлечь, будто я вожусь с застежкой. Другая

рука пробирается дальше назад, чтобы обхватить рукоятку пистолета, спрятанного у него на поясе.

Моя рука не дрожит, это кульминация недель стараний и еще большей душевной боли. Я выхватываю пистолет и прижимаю к его грудной клетке.

Он поднимает руки с ухмылкой.

— Черт, детка, тебе нравятся ролевые игры, да?

— Выкуси, — рычу я и поворачиваюсь так, чтобы больше не упираться в поверхность стола. Я делаю несколько шагов назад, держа пистолет крепко и уверенно обеими руками и целясь прямо в его гребаное сердце. Почему-то под дулом пистолета он выглядит более расслабленным, чем когда я просила его поцеловать меня.

Что за гребанный псих.

Я тяжело сглатываю и делаю глубокий вдох.

— Знаешь, что мне кажется невероятным? Ты даже не помнишь меня. Ты был в *такой* кровавой ярости, что я стала несущественной деталью на заднем плане. Момент, который преследует меня мучительными кошмарами и постоянным чувством вины, а ты даже не запомнил.

— Тебе придется быть более конкретной. Я сделал много вещей, которые подходят под это описание, — его глаза холодные и жесткие, совсем не похожие на ту мягкость, которая была секунд минут назад.

— Ты можешь запутать или подкупить полицию, или еще что-нибудь, но меня ты не обманешь, Кэш. Я знаю, что видела, и я видела, как ты убил мою лучшую подругу.

На его лице мелькает замешательство, а затем понимание.

— Русскую.

— Бет! Ее звали Бет, а ты зарезал ее, как гребаное животное! — кричу я, и мой голос напряжен из-за постоянной боли, которую причинила та ночь.

Он говорит так спокойно, что это настораживает.

— А как тебя зовут, *кушле*?

— *Что?*

— Как тебя зовут? Точно не Аманда Джонс, — мой рот открывается, и по позвоночнику пробегают мурашки. Внезапно пистолет кажется слишком тяжелым, и я пытаюсь удержать руки поднятыми.

— Харлоу.

— *Харлоу*, — гладко и чувственно, как будто он катает это слово на языке, пробуя его на вкус. — Харлоу, почему ты устроилась на работу в мой ресторан, влезла в мою жизнь? Почему не обратилась в полицию?

Недели разочарования бурлят во мне, как вулкан.

— Потому что они ничего не делали! Я видела тебя той ночью, а потом увидела в «Логове». Я, блять, видела тебя, а они *ничего не сделали*. Так что я должна была *попытаться* сама.

Он понимающе кивает.

— Ты хочешь что-то сделать? — я так удивлена тем, что он положил свою руку на пистолет, даже не отстранился. Медленно он поднимает ствол к своему виску, моя рука все еще крепко держится за рукоятку под его рукой, палец лежит на спусковом крючке. Его глаза цепко держатся за мои, и он сильнее прижимает пистолет к своей голове. — *Ну давай.*

ГЛАВА 11

Алиби

Кэш

Это не первый раз, когда к моей голове приставлен пистолет, и я могу сказать, что она — Харлоу — боится больше, чем я. Это, само собой разумеется, поскольку я совсем не напуган. Ее рука дрожит, и все, что я хочу сделать в этот момент — *и делать так до конца своей гребаной жизни* — унять эту дрожь. Прогнать ее фобии, уничтожить внутренних монстров, унять все ее страхи.

Только вот сейчас — я самый главный монстр для нее.

Если пуля в моей голове облегчит ее боль, я сделаю это сам. Без колебаний. Но этого не произойдет, потому что я не тот, кого она ищет. Убийца ли я? Да, конечно. Но не тот, за кем она охотится.

— Ты согласишься мне, если я скажу, что меня подставили? — ее голубые глаза мерцают, она так старается показать силу и убежденность, но это лишь мираж. Держу пари, что она впервые держит в руках оружие, не говоря уже об угрозах расправы.

— Зачем кому-то подставлять тебя? Я уверена, что на тебе много грехов.

— Месть, возмездие, деньги, развязать войну... но сейчас это не имеет значения. Важно, чтобы ты поверила. Полагаю, это ты дала полиции описание моей татуировки, верно? — она кивает, и меня радует замедление ее беспокойного дыхания. — Хорошо, тогда ты должна знать, что мое алиби на время убийства подтвердилось...

И тут же она снова злится, от разочарования ее щеки становятся розовыми.

— Ты какой-то босс мафии...

— Эй, я ирландец, а не гребаный итальянец...

— Еще раз перебьешь меня, и, клянусь Богом, я всажу тебе пулю в башку, — я сдерживаю ухмылку и задаюсь вопросом, будет ли считаться «перебиванием» поцелуй. — Независимо от этого, я уверена, что придумать фальшивое алиби не составит труда для такого человека, как ты. Держу пари, что половина полиции уже у тебя на крючке, — она возмущенно хмыкает, и не думаю, что сейчас самое подходящее время говорить ей, что не половина, а скорее, три четвертых — и это, не считая всех остальных ветвей власти.

— Ты права, — она дважды моргает, словно не может поверить в признание. — Я успешно придумал и использовал ложных алиби, не сосчитать сколько раз. Но клянусь, *это* невозможно подделать. Могу показать тебе, если хочешь?

Ее ноздри раздуваются, словно она пытается понять, не является ли это уловкой.

— Можешь оставить пистолет у себя, пока не убедишься.

— Хорошо, — она прикусывает губу, пытаясь выглядеть жесткой, но добивается успеха только в том, что мой член становится еще тверже.

Я опускаю пистолет на середину грудины, ее рука все еще под моей. Смотрю ей в глаза — впитывая их потрясающую глубину — пока извлекаю из пистолета магазин и кладу его на стойку. Хочу, чтобы она чувствовала себя в безопасности, но нельзя, чтобы она поранилась, а меньше патронов — меньше шансов, что это произойдет.

— В патроннике еще есть одна пуля, так что, если решишь меня убить, не промахнись, — я щелкаю маленьким переключателем сбоку. — И предохранитель лучше

снять.

Я подмигиваю, и она ворчит.

Прохожу мимо нее с поднятыми руками и позволяю ей следовать за мной к креслу с ноутбуком. Она держит пистолет направленным на меня, пока я сажусь. Стоит позади меня, видит, что я набираю на экране компьютера.

Открываю YouTube и набираю *Джун-Харбор Камера поцелуев «Пираты»*.

Прокручиваю страницу, пока не нахожу нужное мне видео.

— Проверь время и статистику игры, — говорю я, прежде чем нажать кнопку «воспроизведение». Я не смотрю на экран, смотрю на нее. Знаю, что она увидит, и хочу запечатлеть выражение ее лица, когда она будет наблюдать за тем, как камера увеличивает меня.

Я знаю момент, когда на видео будет видно, как я целую высокую брюнетку в майке болельщиков «Пиратов», потому что челюсть Харлоу сжимается, и от этого у меня в животе появляется тепло. *Ей не нравится видеть, как я целую другую*. Злобное удовлетворение вспыхивает в моей груди.

Ну и хорошо. Я не хочу целоваться с кем-то другим.

— Вот видишь, можешь называть меня лжецом сколько угодно, но есть около сорока тысяч человек, которые могут сказать тебе другое, — она сжимает губы в плотную линию, а ее брови сходятся вместе. Она чертовски очаровательна, когда расстроена.

— Я думал, ты обрадуешься, узнав, что не трахаешься с убийцей своей подруги, — я встаю, чтобы смотреть ей в глаза.

— Мы не *трахаемся*, — она краснеет и пытается казаться оскорбленной, но я улавливаю легкую дрожь в ее голосе, намек на похоть, которую она так отчаянно пытается скрыть.

— Ох, но будем, *кушле*, — это не угроза. Это обещание. Я провожу тыльной стороной ладони по горячей коже ее щеки. — Мы в конце концов будем вместе, детка, и если ты этого не хочешь, то лучше прямо сейчас всади пулю мне в голову, потому что я уничтожу всех других мужчин ради тебя, а сам буду поклоняться каждому дюйму твоего тела.

Ее рот открывается и закрывается несколько раз, прежде чем она наконец говорит:

— Кто она?

— Ревнуешь? — укол жара в моем животе разросся до полноценного инферно, и каждая клеточка тела зудит от желания прикоснуться к ней, трахнуть ее, заставить ее понять, что у нее больше нет причин для ревности.

— Нет, — выплевывает она, и я смеюсь.

— Да ладно, лучше не лги мне, — я скольжу рукой по ее челюсти к склону шеи.

— Я не лгу, — у меня кровь приливает к члену от ее сопротивления в принятии чувств. Чем больше она сопротивляется, тем сильнее будет взрыв, когда она наконец сдастся. Пусть лжет себе, говорит, что наш поцелуй был просто ошибкой, но я знаю лучше. Она казалась чертовски жадной, а я только рад предложить ей пиршество.

— Раскрасневшиеся щеки, учащенный пульс... — я глажу ее венку на шее. — Учащенное, поверхностное дыхание... — провожу рукой по ее вздымающейся груди, затем спускаюсь к поясу шортиков. — И готов поспорить, что если я проскользну сюда, то твоя киска будет мокрой.

Она прикусывает губу и морщит носик, и я понимаю, что совершенно прав.

— Не игнорируй мой вопрос.

— Я отвечаю на твой вопрос, если ты ответишь на один из моих.

— Хорошо, — с готовностью соглашается она, и мой рот растягивается в ухмылке.

— Она дочь моего коллеги. Я никогда не встречал ее до той ночи, и то, что ты видела, было первым и последним нашим поцелуем. Не думал ни о какой другой женщине с той секунды, как впервые увидел тебя.

— Ох, — она сдерживает улыбку. Держу пари, она изо всех сил старается притворяться, но меня не обманет.

— Моя очередь. Ты правда думала, что огромные красные очки в форме сердца — лучший образ для прикрытия? — сначала она выглядит смущенной, но потом я вижу, как меняется ее лицо, как расширяются глаза, когда она понимает, что означает мой вопрос.

— А магазин мороженого? — она примостилась в углу дивана, ее рука лежит на спинке, а голова подперта ладонью. Мы перебирали все детали последних двух недель, пока она разбирала, к чему я приложил руку, а что оставалось неизвестным фактором.

— Я умирал от желания увидеть, как ты выглядишь, облизывая рожок мороженого, — она больше не выглядит смущенной, просто смотрит на меня пытливо, как будто я теперь загадка, которую она пытается разгадать.

— А если бы я заказала в стаканчике?

— Я заплатил парню за стойкой сто баксов, чтобы он соврал, будто они закончились, — она смеется, и, возможно, впервые, без намека на страх, стыд или притворство. Это чертовски красиво. Звук, ради которого я готов сделать все, лишь бы услышать снова.

Она зевает и трет глаза.

— Я, наверное, пойду спать, но у меня еще много вопросов, — от нетерпения в ее глазах у меня скручивает живот.

— Завтра будет достаточно времени, чтобы получить ответ на каждый из них, — я поднимаюсь и протягиваю ей руку. Штопор в моем желудке закручивается еще сильнее, когда она с готовностью берет ее. Я тяну ее с дивана и не могу удержаться, прижимаю к себе.

Мои руки обхватывают ее мягкий живот, пальцы широко раздвигаются, чтобы погладить верхнюю часть ее попки. Я хочу быть джентльменом, который вежливо чмокнет ее в щеку, а затем отпустит. Хочу, чтобы она знала, что во мне есть нечто большее, чем просто ожоги, боль и жесткие грани. Даже я не уверен, что это правда.

Но в тот момент, когда она вздыхает и смотрит на меня, ее идеальные губы слегка приоткрываются, а дыхание учащается, я не смог бы даже прочитать слово «джентльмен», даже с пистолетом у головы.

Мои нежные прикосновения к ее заднице сменяются грубым рывком к себе, чтобы она могла почувствовать, какое воздействие оказывает на меня. Мой член, твердый и отчаянный, торчит между нами. Я прижимаюсь к ее рту, требуя, чтобы она подчинилась мне, проникая языком за ее губы, чтобы почувствовать вкус.

Ее пальцы тоже не отличаются нежностью: они обхватывают мой затылок и притягивают к себе. Ее легкий стон проносится между нами, когда я зарываюсь в ее шею, и не могу больше терпеть, хочу быть внутри нее. Мое тело трепещет от желания почувствовать, как ее тепло сжимается вокруг члена.

Голодный и решительный, я скольжу руками по задней поверхности бедер и поднимаю ее. Она инстинктивно обхватывает мою талию ногами. Я иду по коридору, пока не прижимаю ее спиной к двери гостевой комнаты. Отпускаю ее, вклинивая свое бедро между ее ног. Поддерживаю одной рукой, а другой сжимаю челюсть.

Толкаюсь вверх и чувствую жар ее промежности даже сквозь слои одежды. Она без колебаний повторяет мои движения, и глубокий стон вырывается из моего горла от ощущения того, что она безоговорочно использует меня для своего удовольствия.

— Правильно, детка. Хорошая девочка, скачет на моей ноге. Я так хочу почувствовать, как твоя киска сжимает мой член, когда ты будешь скакать на нем.

Как будто мои слова разрушают какое-то заклинание, она замирает. Ее руки скользят к моим плечам и, хотя они не совсем отталкивают меня, также не притягивают ближе.

— Я... прости...

— Стоп, — даже в темном коридоре я вижу, как по ее груди расплзается красный цвет, когда она отводит взгляд. Наклоняю ее подбородок обратно к себе, чтобы она увидела искренность в моих словах. — Не делай этого. Не извиняйся за то, что хочешь меня, потому что я точно не буду извиняться за то, что хочу тебя.

— Я просто не готова...

— Все хорошо, детка, — она тяжело сглатывает, у меня перехватывает дыхание, когда прижимаюсь губами к ее горячей щеке. — Спокойной ночи, Харлоу.

— Спокойной ночи, Кэш, — шепчет она и приподнимается на носочках, чтобы поцеловать меня в щеку. Я отступаю назад, чтобы у нее было место отпереть дверь и проскользнуть внутрь, даря мне последнюю кроткую, но все еще великолепную улыбку.

Прижимаюсь спиной к противоположной стене, моя кожа гудит от нерастроченной энергии, член дергается в штанах. Спрашивать самого себя, что делать дальше, даже не стоит.

Всего через две двери находится хранилище. Снаружи дверь выглядит так же, как и любая другая дверь в квартире, но на самом деле это полфута армированной стали — стены такие же, окружающие комнату внутри. Ручку никак не повернешь, вместо нее открывается панель.

Я не включаю лампу, просто кручу мышкой, и свечение монитора наполняет комнату прохладным серым светом. Компьютеры в этой комнате имеют доступ ко всем камерам на объектах недвижимости, которыми мы владеем, пользуемся или хотя бы отдаленно интересуемся. Я открываю изображение с камеры, спрятанной в комнате для гостей.

Оранжевый свет от уличных фонарей проникает в комнату, давая мне достаточную видимость, чтобы увидеть, как Харлоу снимает шорты. Я кусаю кулак при виде ее голой задницы. Мне до смерти хочется увидеть, останутся ли на ее булочках синяки от отпечатков моих пальцев завтра. Сопrotивляясь желанию увеличить и проверить сейчас, я расстегиваю брюки и выпускаю свой ноющий член на свободу.

Сплювываю в ладонь и смачиваю член, пока она забирается в кровать. Я планирую подрочить, пока она засыпает, наблюдая, как ее темные волосы рассыпаются по подушке, как она ворочается и переворачивается, и маленькая складка между ее бровями расслабляется, когда она уходит в сон. Но вместо этого она опускает руку под простыни, и невозможно ошибиться в тонких движениях, которые следуют за этим.

Вы только посмотрите на это, моя девочка — маленькая грязная шлюшка.

Ее рука дергается под простынями, ее бедра двигаются, пока она возбуждается,

несомненно, от воспоминаний о том, что только произошло между нами. Я рычу, когда провожу большим пальцем по головке, размазывая сперму, мои зубы скрежещут, представляя, что вместо нее это делает она.

Пламя жжёт кожу, пока дрочу, наблюдая, как ее сладкий, блядский рот раскрывается в стоне. Другой рукой я пытаюсь включить звук, ее тихие стоны теперь эхом отдаются в ушах и смешиваются с моими собственными. Звук настолько чертовски эротичен, что даже в разделенных комнатах я откидываю голову назад и закрываю глаза, не желая, чтобы это закончилось так быстро.

Она извивается под одеялом, и я представляю, как она вот так же извивается подо мной, пока я прижимаю ее к себе за горло и трахаю, вдавливая в матрас. Расширятся ли ее глаза от шока, когда я буду сжимать ее хрупкую шею, или они закатятся от удовольствия из-за того, что она уступила контроль своим изменным потребностям? Я сжимаю, кожа моего члена горит в предвкушении разрядки, яйца напряжены.

Мои глаза прикованы к экрану, когда другая ее рука задирает топ, обнажая идеальные сиськи. Она играет со своим соском, проводя пальцем по бугристой коже. Я осознаю, что прикусил губу, только когда чувствую металлический привкус крови на языке. *Богиня, гребаная богиня.*

Мне приходит в голову мысль, что, возможно, она устраивает для меня шоу. Я уверен, что камера хорошо замаскирована, но она была права, предположив, что у меня есть камеры, охватывающие каждый дюйм этого места, видимые или нет. Она щиплет себя за сосок и сильно тянет его, застонав.

Черт, черт, черт.

Мой оргазм стремительно приближается, основание члена гудит, умоляя об облегчении. Но я хочу перелететь через край вместе с ней. *«Еще рано»*, — рычу я про себя.

Я увеличиваю изображение ее лица, желая — *и нуждаясь* — изучить каждую судорогу и едва уловимую перемену в ее выражении. На лице пляшет желанное удовольствие, и я сжимаю основание своего члена, когда она снова погружает голову в подушку. Она близка, так чертовски близка.

Я слышу это по учащенному дыханию, по скованному движению ее руки на киске, по тому, как отчаянно она упирается в нее. Мои бедра болезненно сжимаются, сдерживая кульминацию.

Но затем, после одного слова, прозвучавшего на ее губах, я кончаю сильно и бурно, сперма заливает мою кофту и кулак. Я пытаюсь перевести дыхание, пока она повторяет это слово снова, при этом сама кончая.

— *Кэш.*

ГЛАВА 12

Хорошие девочки

Харлоу

Я уже несколько часов перебираю в голове возможные варианты. Прошлой ночью заснула быстро после того, как наконец-то ослабила напряжение, которое плотно обвилось вокруг меня с тех пор, как я встретила Кэша. Но сегодня утром проснулась раньше солнца и не смогла снова заснуть. Мой разум отказывается молчать.

Может ли оказаться так, что кадры с видео, которые я видела прошлой ночью, были поддельными?

В наши дни возможно многое.

К счастью для меня, бейсбольные матчи всегда хорошо документируются. Их показывают по телевидению, фрагменты записывает команда СМИ, фанаты выкладывают в социальные сети. Если я смогу подтвердить кадры, на которых Кэш присутствует на игре во время убийства Бет из разных источников, тогда... тогда что?

Тогда я смогу трахаться с ним без чувства вины? Он все еще плохой человек, очень, очень плохой.

Может, он и не «Убийца из Джун Харбор», но это не значит, что он святой. Далеко не значит. И я была бы крайне глупа, если бы забыла об этом.

Но то, как он целовал меня... то, как он владел моими губами, словно они принадлежали ему, то, как он требовал большего, словно изголодавшийся, и электричество, которое пробегало по моим венам при каждом движении его рук по моей коже.

Господи, ничто из этого не оправдывает всех тех ужасных вещей, которые, я уверена, он делал и будет делать.

Не говоря уже о том, что я снова остаюсь в неведении относительно убийцы Бет. Настоящая причина, по которой он вообще оказался в моей жизни.

Боже, я в полной заднице.

Просто нужно пойти и потребовать, чтобы он показал мне каждую записанную секунду и каждую сделанную фотографию с той игры. Если он действительно был там, то я должна знать это без тени сомнения.

Вскакиваю с кровати, надеваю треники и распахиваю дверь. Я полностью готова высказать свою точку зрения еще до того, как он успеет заговорить. Не собираюсь колебаться, ходить вокруг да около.

Но как только выхожу в коридор... *Святая Матерь Божья.*

У меня пересыхает во рту, когда я прослеживаю взглядом каждый дюйм и впадинку на его прессе и спускаюсь к восхитительным косым мышцам над полотенцем. Капелька воды скользит по его животу, каскадом стекая по татуировкам, и мне хочется слизать ее. Его торс представляет собой замысловатую сцену, напоминает картину, которую можно увидеть в Миланском соборе. Здесь есть ангелы, Мадонна, облака, орлиные крылья и лучи света — все это смешалось в черно-белом гобелене.

— Харлоу, — его голос низкий, хриплый и с оттенком предупреждения. Я отвожу взгляд от полотенца, которое медленно натягивается, и поднимаюсь, чтобы встретиться с его глазами. То, как хрипло и отчаянно он произносит мое имя, вызывает у меня дрожь. —

Если ты будешь так пялиться на меня каждый раз, когда я без рубашки — а это часто случается в моем собственном доме — то будь готова к тому, что тебя трахнут.

— Чт-что? — дыши, не забывай дышать.

— Мужчина не может долго держаться, Харлоу, — он снова произносит мое имя таким тоном, что волосы на затылке шевелятся. — А я не самый терпеливый из мужчин.

Он подходит ближе ко мне, от его свежего, чистого запаха у меня скручивает желудок, а киска сжимается. *Господи Иисусе, Харлоу, соберись.*

— Знаешь ли ты, как сильно я хочу сейчас скрутить тебя и трахнуть у стены? Знаешь ли ты, как прекрасна будешь выглядеть, с намотанными на мой кулак волосами, пока я буду заставлять тебя сосать глубже, дюйм за дюймом?

Он протягивает руку, и я тупо, не думая, беру ее, увлеченная попыткой прочитать тату слов на его ребрах — возможно, что-то на ирландском. Быстрыми и уверенными движениями он берет меня за руку и прижимает к стене, зажав запястье над головой. Моя грудь вздымается, я упираюсь ей в твердую поверхность, пульс бьется невероятно быстро.

— Теперь раздвинь ноги, *кушле*, — я делаю, как велят, он сжимает мое бедро другой рукой, вытягивая мою задницу и выгибая спину. Мягко упирается своим членом в мою попку, и все мое тело покалывает, ожидая, готовое к тому, что он вот-вот сорвет с меня штаны.

— Хорошая девочка, — мурлычет он, и мое сердце крутится в груди как юла. — А ты знаешь, что случается с хорошими девочками, которые следуют указаниям? — его дыхание щекочет мне за ухом, и я вздрагиваю.

— Их трахают? — это едва ли больше, чем дрожащий выдох. На самом деле, я даже не уверена, что правда сказала это, пока не слышу его темный, гулкий смех.

— Верно, детка. Но вместо члена я буду трахать тебя пальцами, как хорошая маленькая шлюшка, — он поднимает мою вторую руку над головой: — Не двигайся, черт побери.

Затем одна его рука скользит к моей груди без лифчика, дразня сосок через майку, а другая проскальзывает внутрь треников. Он трогает мою голую и мокрую киску и стонет. — Черт, и трусиков тоже нет...

— Кэш, — хнычу я, предвкушение становится слишком сильным. Мне нужно, чтобы он либо трахнул меня, либо отпустил, потому что я вот-вот сойду с ума.

— Да, детка?

— Мне это нужно. Быстрее.

— Черт побери, — шипит он на это требование и сильно сосет мою шею, одновременно вводя два пальца в мою умоляющую киску.

— Ах, — задыхаюсь я, бессвязно бормоча, пока он трахает меня своими пальцами. Напряжение скручивается с каждым его движением, а основание его ладони трется о мой клитор.

— Говори, *кушле*. Скажи, как сильно тебе это нравится. Скажи мне, как сильно ты этого хотела, — он терзает мою шею, и мне кажется абсолютно бессмысленным отказывать ему, но я еще не готова признать, что жаждала его прикосновений задолго до того, как узнала его алиби.

— Ты поймал меня в момент слабости, вот и все, — слова кислотные и горькие, как желчь, вырываются наружу.

Он дергает свою руку из штанов и обхватывает мое горло, его хватка дрожит и размазывает мое собственное возбуждение на шее.

— Не лги мне, Харлоу. Ты думаешь, я не наблюдал за тобой прошлой ночью? Думаешь, я не знаю, что когда ты трогаешь себя, то кончаешь от моего гребаного имени? — унижение, подобного которому я никогда не ощущала, затопило меня. *Как я могла быть такой дурой?*

Он прижимает меня к стене, мои руки болезненно опираются о нее, а его голая грудь обжигает мне спину. Его рука на моем горле скользит вверх к челюсти, а другая теряется в волосах. С силой он поворачивает мою голову в сторону. — Лги себе, лги всему миру, да хоть сраному Богу, но никогда не лги мне.

— Прости, — заикаюсь я, от того, как он тянет меня за волосы, на глаза наворачиваются слезы.

— Мне не нужны твои извинения. Мне нужна твоя душа, — хрипит он, а потом уходит.

Я стою, затаив дыхание, одновременно испуганная и возбужденная. Он исчезает так быстро, что кажется, будто мне все привиделось. Но влажность на бедрах, — это все доказательства, которые нужны.

— Блять, — хриплю я и сжимаю бедра вместе, напряжение, которое несколько минут назад было восхитительным, теперь разочаровывающе ноет.

Когда речь заходит о нем, не остается никаких рациональных мыслей. Часть меня хочет догнать его и потребовать, чтобы он трахнул меня так, как обещал. Но другая часть хочет вырваться отсюда и попытаться выяснить что-то про русских.

Как я уже сказала, здесь нет рационального варианта.

Тридцать минут спустя Кэш заходит на кухню, где я доедаю миску хлопьев — да, три коробки «Чериос» появились на следующий день после того, как я о них упомянула. Он заправляет белую рубашку в серые брюки, когда входит. Поднимает глаза, почти изумленный, увидев меня.

— Послушай, Кэш...

— Харлоу, ты должна понять...

Мы говорим одновременно, заикаясь. Он смотрит в сторону, прикусив язык, и у него тот же почти беззаботный взгляд, что и в то утро, когда он приготовил мне завтрак.

— Дамы вперед, — он протягивает руку и наклоняет голову.

Я кусаю щеку с внутренней стороны, думая о том, как это сформулировать. Но в конце концов, просто прямо говорю:

— Почему я? Ты даже не знал моего настоящего имени до прошлой ночи.

— Почему ты уверена, что твоя рука принадлежит тебе? Что твои легкие принадлежат тебе и только?

Я сжимаю брови, наклоняя голову в вопросе.

— Кэш...

Он бьет себя в грудь ладонью.

— Ты принадлежишь мне так же, как сердце, бьющееся в этой груди.

Я хочу сказать ему, что это так же безумно, как и звучит. И хотя убеждена, что в Кэше Фоксе есть немного или *много* безумия, я также не могу отрицать тот факт, что в странном, извращенном смысле понимаю, что он говорит. Какая-то необъяснимая связь влечет нас друг к другу с самого начала.

Это пугает. *Он пугает.* Но еще страшнее то, что я киваю. Тупо смотрю в ответ, не в

силах выразить словами ни одно из бушующих в моей груди чувств. Меня спасает резкий стук во входную дверь. Она открывается, и входит один из братьев Фокс.

Он высокий, глаза скрыты капюшоном, и от него веет холодом. Его кожа светлее, чем у братьев, как будто он проводит свои дни, прячась от солнца.

— Ты еще не убил ее, да? — мое горло словно наждачная бумага, когда я сглатываю от его слов.

— Отвали, Финн. Чего тебе надо? — спрашивает Кэш, но Финн просто смотрит на меня. Его взгляд такой напряженный, что кажется, будто он читает каждый темный секрет моей души.

— У меня есть способ поставить Братву на место, — я засматриваюсь на его глаза, пытаюсь расшифровать цвет. Там клубящаяся тьма. Он напоминает гребаного вампира.

— О? Не хочешь поделиться? — Кэш прислонился к кухонному столику рядом с тем местом, где я сижу. У меня такое чувство, что он пытается вовлечь меня в разговор.

— Не при ней, — и тогда я понимаю, почему.

— Может, ты и мой брат, но я без проблем отрежу тебе язык, если не будешь проявлять гребанное уважение, — с ядом отвечает Кэш, и я двигаюсь, чувствуя себя неловко.

— Я подожду. Займись прощальным сексом, но не затягивай, — я уверена, что мое лицо теряет цвет, а потом становится ярко-красным. Брат захлопывает за собой дверь.

Кэш поворачивается ко мне и говорит:

— Может, прощальный поцелуй? — с улыбкой спрашивает он, от которой мои трусики намокли бы, будь они на мне. Ну правда, это несправедливо, насколько он хорош собой. Это полностью и абсолютно обезоруживает. И я борюсь всей душой, чтобы мои стены не рухнули.

— Думаю, что для сегодняшнего утра более чем достаточно прикосновений, — я скрещиваю руки, и он стонет, усмехаясь.

— Это не считается, если никто не кончает. Я с удовольствием попробую еще раз, — его глаза темнеют, и он притягивает мои бедра к краю табурета и становится между них. И снова я таю в нем. Его твердые бедра прижимаются к моим мягким.

— Как твой брат? — цежу я, когда он начинает наклоняться для поцелуя. Поцелуй, который, я уверена, будет слишком отвлекающим и поглощающим.

Он встает прямо и, понимая, что не получит свой поцелуй, поглаживает большим пальцем мою ключицу.

— Не беспокойся о Финне. Он немного странный, не унаследовал нашего семейного очарования. Не принимай на свой счет.

— Я имела в виду брата, которого подстрелили.

— О, Локлан? С ним все будет в порядке, просто ранение. Честно говоря, я удивлен, что он только сейчас получил первую пулю.

— Первую? — спрашиваю я. — Ты ожидаешь, что будут еще?

— Детка, если бы у меня не было лучших хирургов Восточного побережья на быстром наборе, я бы сейчас выглядел как сыр. Это его первая, но точно не последняя, — *это ненормально!* Я внутренне кричу. Помню огромный шрам, пересекающий его спину, и я уверена, что это не от падения с велосипеда в детстве.

— А теперь, пойду и посмотрю, чего хочет этот маленький засранец, — он ласково гладит меня по лицу одной рукой, но я вижу, что другая у него на боку, сжатая в кулак. Он опускается ниже, чтобы едва коснуться губами моей щеки. — Будь умницей.

Я пользуюсь возможностью исследовать остальную часть квартиры, раз уж осталась одна. Все двери, кроме одной, не заперты, и я решила, что это своего рода разрешение. Помимо комнаты, в которой я остановилась, есть еще одна для гостей с ванной, которая выглядит немного более обжитой. Там есть наполовину полная корзина для белья, набор средств для душа и книги, сложенные на тумбочке.

Затем иду в комнату владельца, и тут потрясающе уютно. Не тот холодный монохром, которого я ожидала от Кэша. Одна стена выкрашена в темный, лесной зеленый цвет, а на другой — большое арочное окно в стиле лофт. Перед ним стоит кровать с льняными простынями, и я могу представить, как на них переливается рассвет.

В его гардеробной, однако, есть все, что я ожидала. Ряды аккуратно выглаженных и развешанных рубашек и брюк серого, черного, синего и белого цветов. Здесь также есть стеклянная витрина с часами, которые, вероятно, стоят больше, чем годовая зарплата обычного человека.

Больше всего мне нравятся французские двери, которые открываются на крышу. Здесь есть крытый бар и патио, небольшой, но красивый бассейн, отделанный декоративной плиткой синего с белым цветом. К бассейну примыкает джакузи с мягкими подголовниками.

Ну, это уж точно лучше, чем моя квартира. Меня преследуют воспоминания о Бет и той жизни, которая была у нас до... Я хотела сказать до Кэша, но это не совсем точно, раз уж он не убийца.

И вот оно. Слово «если» задерживается в моем сознании, как жужжащая муха, которую я никак не могу прихлопнуть. Смогу ли я когда-нибудь полностью убедиться в этом?

Исследовав остальную часть квартиры, я решаю, что пришло время представиться людям, которые якобы держат меня здесь в безопасности — *в плену*? Когда я открываю входную дверь, меня сразу же встречает спина человека, и он быстро разворачивается. Это чернокожий мужчина средних лет, с кожаной наплечной кобурой, обернутой вокруг белой футболки и заполненной пистолетами.

Я вдыхаю воздух, потрясенная тем, что чуть не столкнулась с вооруженным человеком. Не знаю, почему я шокирована. Кэш сказал мне, что или кто здесь находится. От столкновения с реальностью, что мне правда нужна вооруженная защита, у меня слегка колит в животе.

— Мисс, все в порядке? — его голос хриплый и низкий. Правая рука тут же перемещается к пистолету, и я слышу шаркающие шаги из коридора. Он заглядывает за мной в квартиру ястребиными глазами, держа пистолет в руке. Я замечаю, что шаги принадлежат молодому белому мужчине, очевидно, спускающемуся со своего поста в конце коридора.

— Я... я Харлоу, — напряжение в их плечах, как будто они готовы к действию, дает понять, что я сделала что-то не так, как если бы я позвонила в 911 по поводу пропавшего носка. — Просто хотела представиться.

Жесткость пожилого мужчины сдувается со вздохом, он убирает пистолет в кобуру и одаривает меня небольшой улыбкой.

— Ну, Харлоу, я Роман, а это Альфи, — он указывает на молодого парня.

— Привет, как дела? — тот улыбается и кивает. У него такая же стрижка, как и у парней Фокс, но короче по бокам и копной светлых кудрей на макушке. Он высокий и

долговязый, одет в красное поло.

Они оба кажутся довольно милыми, и я задаюсь вопросом, правда ли они здесь для того, чтобы обеспечить мою безопасность, или для того, чтобы удержать меня.

— Гипотетически, если бы я попыталась уйти, что бы произошло?

Альфи поднимает бровь и смотрит на Романа.

Роман высокий и широкоплечий, особенно когда он напрягается и говорит:

— Я бы очень не советовал этого делать.

— А если бы я не последовала этому совету?

— Я буду оберегать вас любыми средствами. Если это означает насильно не дать вам уехать, то так и сделаю, — он поглаживает свою короткую бородку, поросшую сединой, и уголки его губ подрагивают. — *Гипотетически.*

— Хм, — я сужаю глаза, размышляя, стоит ли это того, чтобы просто попробовать и посмотреть, как далеко эти люди готовы зайти ради приказа Кэша. Решаю не делать этого, когда Роман бросает на меня подозрительный взгляд, как бы говоря, *давай, попробуй.* — Ну, ребята, вы хотите что-нибудь поесть или выпить?

— Конечно, это было бы здо... — говорит Альфи, но Роман прерывает его.

— Нет, спасибо, — он кивает, и я полагаю, что так со мной попрощались. Думаю, мне нет смысла стоять здесь, если не получится уйти.

— Ладно, если передумаете, я тут, — смеюсь над собственной шуткой и закрываю дверь.

Иду в свою комнату, раздеваюсь до футболки и забираюсь в кровать. Возвращаюсь в свой мозговой штурм. Интересно, что находится за запертой дверью. Честно говоря, я была удивлена, что мне доступна большая часть квартиры, но это, наверное, потому, что все важное находится под замком.

Что, если за этой дверью находятся ответы не только на алиби Кэша, но и на загадочную личность Дага?

Мой разум плывет, пытаюсь проанализировать все различные возможности и неизвестные факторы, и в какой-то момент недостаток сна заставляет меня задремать в задумчивости. Конечно, к тому времени, как я пробуждаюсь, уже забыла, о чем думала и решаю, что эти умственные натиски меня доконают.

Я натягиваю трусики и высовываю голову из двери спальни.

— Эй? — говорю я в тихий коридор. В квартире так же спокойно и пусто, как и было. *Идеально.*

ГЛАВА 13

Желай меня

Кэш

Разбитое стекло хрустит под подошвами моих ботинок. В «Логове» все еще царит разруха после перестрелки. Я был настолько сосредоточен на ее безопасности и планировании возмездия, что уборка этого места отошла на второй план. Что, блять, неприемлемо.

Видя разбитое стекло, я словно глотаю осколки, которые разрывают и прокладывают путь к моему сердцу. Этот паб был свадебным подарком моего отца к матери. Он сильно изменился с тех пор, как впервые купил его более тридцати лет назад, но его душа всегда оставалась неизменной. После ее смерти он стал живым мемориалом. И видеть его в таком состоянии — все равно что раскапывать ее могилу.

— Роан, не планируешь разобраться с этим дерьмом? — я пинаю по полу сломанную ножку стола.

— Два подрядчика уже готовы.

— Мне все равно, сколько это стоит, я хочу, чтобы все сделали. Просто выбери одного и приступай, — хруст стекла продолжается, пока мои братья выходят на улицу за мной. Они встают вокруг меня на тротуаре.

— Сегодня вечером меня не будет. Если вам что-то понадобится, обращайтесь к Роману, — я изучаю их лица, и все они кивают в знак понимания. — Хорошо.

— Занятой, да? Ладно, любовничек, — Локлан натягивает на лицо дерьмовую ухмылку, и я сопротивляюсь желанию отмудохать его пистолетом.

— Не волнуйся, Локи, однажды ты познаешь что-то другое, кроме своей руки.

— Эй! — протестует он, Роан начинает смеяться и имитировать дрочку. Я ухожу, пока они продолжают свое соревнование по наяриванию члена. У меня мурашки по коже после столь долгого отсутствия Харлоу. Наша встреча длилась меньше двух часов, но все это время я не мог проверить камеры в квартире, а мне так хочется исправить ситуацию.

Когда я возвращаюсь домой, Харлоу нет ни в одной из общих зон, поэтому я проскальзываю в хранилище, чтобы посмотреть, чем она занималась в мое отсутствие. Сначала проверяю камеру в гостевой спальне и обнаруживаю, что она дремлет. Ее ноги спрятаны под одеяло, а рука накрыла глаза, как будто она заснула случайно. Я понял, что она довольно крепко спит, и видя ее такой уязвимой, вспоминаю о том, как я прижал ее к стене сегодня утром.

Боже, она была такой мокрой и нуждающейся. Сладко мычала, ненавидя себя за то, что хочет большего. Я был готов дать ей больше, пока она не начала лгать. Хочу ворваться туда и сорвать с нее покрывало. Заставить ее обнажиться передо мной так, как я был обнажен перед ней, мокрый и возбужденный.

Я бы перевернул ее и напоил ее тугую киску своей спермой, а если бы она запротестовала, я бы засунул ее лицо в подушку, чтобы не слышать этого. Потому что она моя. И я не услышу иного. Даже от нее.

Моя рука сгибается над компьютерной мышкой, когда я переключаю изображение на экране, чтобы не поддаться искушению передумать и ворваться туда прямо сейчас. Я

прокручиваю время назад, чтобы просмотреть запись, когда меня не было. Не удивляюсь, узнав, что она рыскала по квартире. Я надеялся, что так и будет. Хочу, чтобы она интересовалась мной так же, как и я ей.

Через полчаса раздается резкий писк, предупреждающий меня о том, что кто-то включил сигнализацию на двери хранилища. Я отключаю ее и проверяю камеру в гостевой спальне. Кровать Харлоу пуста. Затем перевожу взгляд на камеру в коридоре и улыбаюсь экрану компьютера.

Это очень забавно — у нее наглая самоуверенность или острая нехватка самосохранения. Я наблюдаю, все больше забавляясь, как она разочаровывается в запертом замке. Она откидывает с лица выбившиеся пряди волос и смотрит на дверную ручку.

Конечно, ни одна шпилька для волос не сможет открыть эту дверь. И если только она случайно не нажмет на кнопку, замаскированную под винт, она даже не узнает причину своей неудачи. Она встает, убирает с лица волосы и кладет руки на бедра. Смотрит на дверную ручку так, словно это непослушный ребенок.

Теперь я понимаю, что под белой футболкой большого размера на ней нет ничего, кроме нижнего белья. Вижу нижнюю часть ее задницы, выглядывающую из-под подола футболки.

Я хочу взять ее пухлую нижнюю губу между зубами и прикусить, пока она не вскрикнет, но не отпускать, пока не почувствую вкус ее крови. Она может попытаться вырваться, но я отшлепаю ее по голой заднице так, что ей некуда будет деться, только ближе ко мне. Но больше всего хочу увидеть, как она вздрогнет, когда я открою дверь, на которую она так пристально смотрела.

Я так и делаю, и выражение ее лица не разочаровывает. Она варьирует от шока и страха до обиды, словно не может поверить, что я вторгся в ее попытку взлома.

Прислоняюсь к дверному косяку и оглядываю ее взерошенный вид, не упуская из виду, как ее пухлые бедра сжимаются вместе, когда она делает то же самое, что и я.

— У тебя вошло в привычку врываться в офисы опасных людей?

— Нет, — хмыкает она. — Только в твои. Я не знала, что ты дома, — она выпячивает подбородок, как будто это достаточное оправдание для взлома.

— Давай покажу тебе кое-что, Златовласка, — я нажимаю на специальный винт, и ее выражение лица становится взволнованным, когда она видит скрытую клавиатуру.

— Не могу соврать, это очень круто, — ее глаза смягчаются, когда она смотрит на меня, языком проводя по верхним зубам. Я наблюдаю за этим движением с нечто темным и горячим, закипающим в моем нутре, желая увидеть, как этот же язык вылизывает меня от яиц до головки, а затем обсасывает свои губы, проглотив каждую мою каплю.

Я выхожу из дверного проема и протягиваю руку, приглашая ее войти. Она будет первой женщиной, когда-либо ступившей на порог хранилища.

— На мне нет штанов...

— И что? — смеюсь я. — Не стесняйся меня, *кушле*, — она смотрит на меня подозрительно, но входит. Я не могу удержаться и шлепаю ее по заднице, когда она проходит мимо.

Она оборачивается, и я пожимаю плечами.

— Плата за вход.

— Это твое логово для слезки или что-то типа того? — она осматривает шесть мониторов и различные записи с камер наблюдения на каждом из них.

— Или что-то типа того, — бормочу я, становясь позади нее и любуюсь тем, как ее позвоночник выпрямляется от моего присутствия. Она неуволимо, словно это бессознательное движение, наклоняет голову в сторону, привлекая мое внимание к вытянутой шее. Как будто ее тело реагирует на меня без контроля, предлагая свое обнаженное горло.

Но затем она горбится, скрещивая руки. Я слежу за углом наклона ее головы и вижу, что она смотрит на прямую трансляцию из своей спальни.

— Это уже наглость, Кэш, — она отворачивается, словно не в силах больше смотреть на уничтожение своей личной жизни.

— Нет, детка. Я никогда не скрывал своей личности, — поднимаю пальцем ее подбородок, чтобы она не пропустила ни одного слова. — Наглость, что ты приходишь ко мне, а потом делаешь вид, что я тебе не нужен, даже когда я, блять, знаю, что ты грезишь обо мне, прикасаясь к себе, — горячий воздух наполняет мою грудь, тот самый зверь, который хотел ворваться в ее комнату и накачать ее спермой, снова всплывает на поверхность. Электричество пробегает по мне, когда я решаю, что эта маленькая игра подходит к концу. Настигаю ее, пока она не упирается спиной в стол.

— Я устал ждать, *кушле*. Ты скажешь мне прямо сейчас, что твои чувства ко мне пожирают тебя изнутри так же, как и мои чувства, или, да поможет мне Бог...

Она хватается мою руку и подносит ее к промежности между своих ног. Поднимает брови, как бы говоря: *видишь?* Я смеюсь.

— Я отлично знаю, как твое тело реагирует на меня, детка. И знаю, что твоя киска умоляет. Но я хочу, чтобы *ты* умоляла. Если бы мне нужна была лишь твоя мокрая пизда, я бы взял тебя той ночью на кухне в «Логове».

Она, дрожа втягивает воздух.

— Ты представляешь себе это сейчас, да? — оттягиваю ее трусики в сторону, и она вздрагивает, когда я провожу пальцем по ее телу, едва раздвигая губы. — Тебе бы это тоже понравилось — хотя ты бы никогда в этом не призналась. Сначала бы сопротивлялась. И это лишь меня раздражило бы — твои мольбы, твой испуг, разжигающий возбуждение, звук смешанного удовольствия и боли, который ты издала бы, когда я вошел в твою маленькую тугую киску.

— Это очень похоже на насилие, Кэш, — она пытается говорить грубо, но ее зрачки расширяются, а щеки краснеют.

— Нет, детка. Просто я беру то, что мне принадлежит, — провожу тыльной стороной ладони по ее челюсти — нежное прикосновение, противоречащее жестокости моих слов. Мне нравится видеть, как она борется с собой, нравится знать, что я испортил ее так же сильно, как она меня. И мне нравится...

Ее пощечина заставляет меня откинуть голову в сторону. Прежде чем ее рука успевает отпрянуть, моя дергается и обхватывает ее запястье. Она не хрупкая девушка, но, когда моя кровь начинает так бурлить, я боюсь, что могу сломать ее, как ветку. Когда дело доходит до физического воздействия и агрессии, я не думаю, а просто реагирую. Мое тело — это хорошо отточенное оружие, которое не требует размышлений.

Я не обращаю внимания на то, что она бормочет, хватаю ее за другое запястье. Кручу ее и пихаю на стол, вытягивая ее руки и сжимая их над головой одной из своих.

Первый удар оставляет блестящий красный след на ее заднице. От этого отпечатка у меня ослабляется узел из огненной веревки в груди. Но лишь немного. Поэтому я не

останавливаюсь.

Харлоу

Первый удар ошеломляет меня. Следующий приводит в бешенство. Последующий, наконец, побуждает к действию, и я сопротивляюсь его захвату. Он горько смеется. *Я делаю так, как он предсказывал.*

Сопротивляюсь, становясь все более горячей и влажной.

Я пытаюсь оттолкнуть его, но добиваюсь лишь того, что раздвигаю ноги еще шире. — Вот так, детка, раздвинь их для меня.

Он наслаждается этим. Большой ублюдок.

Я прикусываю язык после первого шока, отказываясь доставлять ему удовольствие своими криками. Но следующий шлепок приземляется на киску, выводя меня из состояния напряженной сосредоточенности, отчего я громко стону.

— Хорошая девочка, дай мне послушать тебя, — он тяжело дышит, напрягаясь от силы, с которой обрушивается на меня. Я пытаюсь сдержаться при следующем ударе, но это безнадежная попытка.

Резкий, обжигающий удар по клитору не похож ни на что, что я когда-либо чувствовала раньше, оставляя после себя покалывание в пальцах ног. Мое сердце трепещет от волнения между каждым шлепком. Не знаю, волнуюсь ли я потому, что боюсь очередного удара или отчаянно хочу его.

Поездка к моей кульминации не устойчива, разрядка не происходит быстро и стремительно, как и сами шлепки. Я балансирую на грани, наполовину плавая, наполовину удерживаемая его сильной хваткой на запястьях. Мои стоны становятся все более и более мучительными, поскольку каждый шлепок приближает меня к освобождению, но так и не наступает.

— Хочешь, чтобы я остановился? Или хочешь, чтобы я позволил тебе кончить? — хрипит он, и звук его голоса словно мазь для моей жалящей плоти.

— М-м-м, — это все, что я могу вымолвить, пот капает с шеи вниз по позвоночнику.

Я откидываю голову назад, и меня отрывают от стола. Он отпускает мои руки, но вцепляется в волосы, резко дергая. Моя спина выгибается, когда он приближает свое лицо к моему.

— Отвечай, когда я спрашиваю, — угроза в его глазах подобна черному льду, скользкому и опасному.

Есть только один правдивый ответ.

— Позволь мне кончить, — я вздыхаю, словно сдаюсь в знак поражения.

— Тогда начни умолять, как благодарная шлюха, — я ожидала чего-то подобного, но его слова все равно колют.

— Пожалуйста, я так близко, — хнычу я.

— Пожалуйста, *что?* — наши глаза друг на друге, напряжение между моими бедрами усиливается от осознания того, что этот мужчина меня сломает.

И я буду наслаждаться каждой секундой.

— Пожалуйста, позволь мне кончить, Кэш.

Он отпускает свою крепкую хватку моих волос и заменяет ее успокаивающими поглаживаниями.

— Сними трусики и ложись на стол, — шепчет он, касаясь раковины моего, отчего я

непроизвольно дрожу.

С одной стороны комнаты размером с гардеробную стоит длинный стол, прикрепленный к стене. Чуть ниже — компьютеры и техника, но там, где я нахожусь, нет ничего, кроме пространства, на котором можно было бы расположиться. Я снимаю промокшие трусики и запрыгиваю на стол, пока он достает два стула. Ставит их по обе стороны от моих болтающихся ног, затем делает несколько шагов назад.

— Ноги на стул, — инструктирует он, пока его взгляд впивается в меня, и я чувствую, как желудок скручивается.

Слегка растерявшись, я сдвигаю стулья вместе, чтобы поставить ногу на каждый из них.

— Шире, *кушле*. Дай мне посмотреть на твою горячую, блестящую киску. Держу пари, что даже в темноте я смогу увидеть, как она течет, — Мое сердце замирает, но я делаю то, что он говорит, открывая себя ему, двигая стулья. — Такая умничка. Помнишь, что происходит, когда ты слушаешься, как хорошая маленькая шлюшка?

Он делает шаг ближе, и у меня подсакивает давление.

— Хорошие девочки получают вознаграждение, — отвечаю я себе под нос.

— Правильно, детка, только послушные шлюшки получают вознаграждение, — он сокращает расстояние, у меня сбивается дыхание. Он ухмыляется, уловив мою реакцию.

Я зажмуриваю глаза, когда он проводит пальцами по моим набухшим губам, которые все еще болят от шлепков.

— Такая мокрая для меня, — стонет он, и я замечаю первую трещину в его холодном фасаде, когда он тяжело сглатывает сквозь сжатые челюсти.

Его руки широко расставлены и ласкают мои внутренние бедра. Мои мышцы одновременно тают и напрягаются от его прикосновений, хотя большего, но в то же время желая оттолкнуться. Я тянусь к его ремню, но он останавливает мои руки.

— Отклонись назад, детка. Разве я не сказал, что это твоя награда? — я тяжело сглатываю, но не могу не делать то, что он говорит, словно он загипнотизировал меня своим медленным, хриплым голосом и обещанием сокрушительного оргазма.

— Теперь ты понимаешь, почему я должен был сделать то, что сделал, верно? — он продолжает, не давая мне возможности ответить: — Думала, что ты мне не принадлежишь. Но каждый твой вздох, каждый удар сердца, каждая гребаная капля крови в твоих венах — мои. Не волнуйся, *кушле*. Ты помнишь, что еще я сказал той ночью?

Я заморожена мягкими кругами, которые его большие пальцы рисуют на моих бедрах, и тем, как он перешел от ярости к спокойному разговору и тихому бормотанию.

— Ты всегда защищаешь то, что принадлежит тебе, — слова вылетают у меня изо рта с пустым звоном в ушах, когда я понимаю, что он имел в виду. Я пробормотала что-то о том, что являюсь его работником, и он рассмеялся.

— Верно, — говорит он в пространство между нашими губами, слегка касаясь. Так легко, что я сомневаюсь, было ли это правдой. Но потом он опускается на колени, и у меня все сжимается внутри.

— Я могу нести ответственность за твою боль, — он проводит носом по внутренней стороне моего бедра, его слова — легкая щекотка дыхания. Он прикусывает мягкую плоть, и я стону. Это больно, но по моим ногам пробегают искры, — Но я также несу ответственность за твое удовольствие... — он прерывается, проводя языком по моей киске и заканчивая рывком по клитору. Его пальцы впиваются в мои ляшки, ноги дрожат от его прикосновений.

— Блять... я такая чувствительная, Кэш, — я задыхаюсь, когда он опускается обратно и засасывает клитор в рот.

— В этом и есть смысл, *кушле*, — его глаза сверкают, и я понимаю, что сейчас предрешила свою судьбу. Злой блеск в его глазах говорит, что если я хочу нежность — то получу полную противоположность. Он сильно щиплет за бедро, подтверждая мою точку зрения.

Продолжает смотреть в глаза, медленно погружая в меня два пальца.

— Если будет слишком сильно, скажи «красный». Я киваю, утешенная стоп-словом. — И я, *возможно*, подумаю о том, чтобы остановиться, — *забудьте*.

Потом он трахает меня своими пальцами, загибая их и медленно вытягивая, а затем снова вводя. В то же время, он поклоняется моей киске своим роскошным языком. Он слегка дразнит нежную плоть вокруг клитора, а затем набрасывается на него, сильно обсасывая. Каждый раз я инстинктивно сжимаю ноги, но он лишь раздвигает их еще дальше, и каждый раз стулья откатываются все дальше.

Я теряюсь в этом круговороте пыток и наслаждения, глухая к своим стонам, которые выдают, как сильно я наслаждаюсь этим. И по тому, как он меня ласкает, понимаю, что он думает, будто победил.

Возможно, так оно и есть. Потому что сейчас все, о чем я могу думать, — это спираль нарастающего восторга, от которой я потею и путаюсь пальцами в его волосах

— Блять, Кэш, — лепечу я и начинаю отчаянно гнаться за кайфом, прижимая его голову к своей киске.

Он стонет. Вкусный, удовлетворенный звук, как будто, качая бедрами, я даю ему все, чего он когда-либо хотел.

— Дай насладиться, детка. Моя хорошая девочка, — я сияю от его похвалы и продолжаю извиваться.

Мое горло сжимается, когда наступает пик оргазма, дыхание становится прерывистым, каждый мускул в теле сжимается от невыносимого напряжения.

— О боже, ох-ох-ох... — от криков саднит горло, Кэш ласкает мой клитор, и я врываюсь в мир чистой эйфории.

Он постепенно сбавляет темп по мере того, как я достигаю кульминации, пока я не перестану дрожать. Потом встает и обеими руками откидывает потные пряди волос с моего лица, нежно держа меня за лицо.

— Видишь, как хорошо я могу для тебя стараться? — без лишних слов он целует меня, а я киваю, испытывая блаженство. Он целует снова, вяло и неторопливо.

Я прижимаюсь к нему, упираясь руками в его плечи и чувствуя опьянение от вкуса своей смазки на его губах. Не знаю, сколько времени мы так сидим, секунды или минуты. Он отрывается от моего рта, целует вверх по нижней стороне моей челюсти до нежного участка кожи за ухом и говорит:

— Теперь встань на колени.

— Что-что? — я заикаюсь, все еще находясь в состоянии оцепенения.

— Встань на колени, пока я тебя не заставил, — я моргаю, смущенная внезапным изменением тона, но соскальзываю со стола. Мои ноги шатаются, когда я приземляюсь, что позволяет мне легко опуститься на колени.

Все тепло, которое я только что чувствовала, улетучивается из меня, когда я смотрю на угрожающую тьму в глазах Кэша.

— Посмотри, что ты со мной делаешь, — он заставляет меня поднять голову, больно сжимая за щеку, прижимая лицо к выпуклости на своих брюках. — Теперь будь хорошей девочкой и позаботься об этом, — его челюсть дергается, и я понимаю, что он ожидает протеста.

Он *хочет* протеста.

Поэтому я без колебаний расстегиваю молнию на его брюках. Провожу ладонями по его ногам, получая удовольствие от того, как напрягаются его бедра.

— Вынимай, шлюшка.

Я стягиваю брюки и трусы с его бедер и упругой задницы, ногтями почти случайно проводя по его напряженным ягодицам. Он такой напряженный. Я понимаю, что резкая перемена в поведении связана с тем, что он знает, как делать нежно, но не знает, как отдаваться также.

Он знает лишь, как брать силой и жестокостью.

Я не до конца понимаю, что означает это откровение, но, когда он крепче сжимает мои волосы, я вытаскиваю его член, это уже не кажется таким жестоким, как несколько минут назад.

Высовываю язык, проводя по нему головкой своего члена, Кэш стонет. Я провожу языком вокруг кончика, и на язык попадает соленый вкус. На следующем движении я смотрю на него, его глаза темные.

— Ты хочешь трахнуть мой рот?

— Заткнись и соси, — его бедра подаются вперед, и он проникает глубже, зажав мою голову в тиски. Я снова ошеломлена, не знаю, почему, но это так. Его толстая головка упирается в заднюю стенку горла, и я пытаюсь расслабиться, но не могу из-за его карающих толчков. Задыхаюсь, а он ухмыляется.

— Подавись, грязная маленькая шлюшка, — он толкает мою голову вниз, и у меня слезятся глаза. Хриплю вокруг его ствола, и он дергается у меня во рту. — Блять, сделай так еще раз.

Втягиваю щеки и начинаю покачиваться в своем ритме, и он ослабляет хватку.

— Боже, ты так хороша. Так чертовски хороша, детка, — его голова откидывается назад, и я не уверена, что он вообще понимает свои слова. — Ты можешь пытаться бороться, куишле, но твое место... на коленях или на спине, неважно. Мы созданы друг для друга. Ты — моя идеальная королева.

Холодок пробегает по моим рукам, когда я осознаю уверенность, с которой он говорит.

— Моя, *блять*, моя, — рычит он и снова делает толчки, а я продолжаю сосать туда-сюда. Его таз подается вперед, и он шипит: — Черт, черт, сними эту херню, — он кивает на мою футболку, вытаскивая член.

Он начинает дрочить, и складка между его бровей одновременно прекрасная и пугающая.

— Давай. Снимай. Снимай, — снова кричит он, задыхается от надвигающейся разрядки.

Я срываю с себя футболку, и он выхватывает ее из моих рук, его ноздри раздуваются. — Я обкончаю твои сиськи, детка. Поставлю на тебя клеймо, чтобы ты больше никогда не сомневалась, кому принадлежишь, — мое сердце бешено колотится, и не в неприятном смысле, я выпячиваю грудь вперед. Проходит еще несколько секунд, и он кончает со проклятием на устах.

Его оргазм вырывается наружу, он покрывает мою грудь горячей спермой. Затем берет

палец и размазывает ее, вырисовывая буквы: Ф...О...К...С.

Все еще пыхтя, он вытирает член и палец моей футболкой, а затем бросает ее обратно в меня, как в мусорное ведро. Он не щадит меня и взглядом.

— Приведи себя в порядок. Стелла придет через двадцать минут, чтобы подготовить тебя.

— К чему? — спрашиваю я его удаляющуюся спину.

В ответ раздается лишь хлопок двери.

Двадцать минут спустя, после того как я стираю с себя сперму тряпкой, приходит Стелла. Она выглядя одновременно непринужденно и элегантно в джоггерах и кроссовках Nike. Золотые бусы на талии сверкают и переливаются на фоне насыщенного коричневого цвета ее живота. Альфи идет позади нее, неся полдюжины пакетов с покупками.

— Привет, малышка, — она тепло улыбается, затем слегка хмурится, оценивая меня с ног до головы. — Когда ты в последний раз принимала душ?

— Э-э-э... — я вспоминаю и понимаю, что не принимала душ с утра моей смены в день стрельбы. — Несколько дней назад.

— Иди в душ, а потом поговорим, — она смеется и направляется к холодильнику. — А пока я совершу набег на холодильник. Чувак всегда хранит самые причудливые сыры, хотя у него болезненная непереносимость лактозы. Я начинаю думать, что он покупает их только для меня, — она передвигается по его кухне, как будто была здесь тысячу раз. Ей не требуется пять попыток, чтобы открыть нужный ящик или шкаф, как мне.

В груди возникает необычное чувство, которое я сначала принимаю за ревность. Очевидно, она знает Кэша лучше меня и проводит здесь достаточно времени, чтобы он держал в запасе ее любимые продукты.

Но когда я смотрю, как она готовит себе сырную тарелку и открывает бутылку вина, я понимаю, что это не ревность. Это облегчение, безопасность, комфорт. Кэш жесток, напряжен и непредсказуем, но Стелла чувствует себя спокойно в его квартире, как у себя дома.

В душе я продолжаю думать о Кэше и его словах.

Когда он сказал, что любит меня, первой мыслью было: «Ты не знаешь, что такое любовь». Он слишком оторван от реального мира, слишком привязан к роли короля, чтобы понять нечто простое и человеческое, как любовь. Но потом момент со Стеллой, или когда он, смеясь, крадет картошку фри из тарелки своего брата, заставляет задуматься о том, что, возможно, я ошибаюсь.

Когда я понимаю, что Кэш был со мной в этой версии, у меня в животе все трепещет. Версию, которая готовит завтрак для целой армии, потому что не знает, что мне понравится. Но сразу вспоминается версия, которая пихает меня в стену, вводит свои пальцы в мою киску, заставляет задыхаться от его члена и впадает в ярость, когда я говорю что-то не то.

Хотя я бы солгала, если бы сказала, что меня не привлекает и эта версия Кэша Фокса.

Я стою перед зеркалом, вытираясь полотенцем, и замечаю маленькую фиолетовую отметину на шее. Мое сердце мгновенно наполняется жаром, а желудок замирает от восторга при воспоминании о том, как я ее получила.

Моя рука скользит по груди. «Я обкончаю твои сиськи, детка. Поставлю на тебя

клеймо, чтобы ты больше никогда не сомневалась, кому принадлежишь».

Затем двигаюсь ниже по мокрому животу, вспоминаю его похотливый рык:

«Знаешь ли ты, как прекрасна будешь выглядеть, с намотанными на мой кулак волосами, пока я буду заставлять тебя сосать глубже, дюйм за дюймом?»

Мой рот наполняется слюной, когда я вспоминаю, как эти дюймы проникают мимо моих губ. Я опираюсь одной рукой на стойку в ванной, а другой продолжаю скользить ниже.

Раздвинь их пошире для меня...

Моя хорошая девочка...

Соси...

Тук-тук!

Я отпрыгиваю назад и срываю полотенце с волос, обматывая его вокруг своего тела. Сердце колотится так, будто меня только что поймали за просмотром порно.

— Хочешь сначала сделать прическу или одеться? — спрашивает Стелла через дверь в ванную.

— Без разницы, — кричу я в ответ, надеясь, что она не слышит грязных мыслей, проносящихся в голове. Я снова надеваю треники и футболку, которые были на мне раньше, и открываю дверь.

Стелла сидит на моей кровати, окруженная разложенными платьями и стопками сложенной одежды. Она спрыгивает, когда видит меня.

— Ну что, давай сделаем это.

— Стелла, что именно мы будем делать?

Она закатывает глаза в насмешливом раздражении.

— Конечно, он все утаил. Кэш сказал, что приглашает тебя куда-то, а здесь нет ничего подходящего. Еще попросил принести всякого, лишь бы не пижаму, — она кивает на стопку одежды, и я замечаю там бикини.

— У меня дома полно одежды, — я качаю головой, чувствуя себя странно, что Стелла делала покупки для меня. Она менеджер ресторана, а не девочка на побегушках.

— Не стесняйся. Свобода распорядиться кредитной картой Кэша — это не так уж скучно, и я не только себе купила обновки, — она подмигивает и смотрит вниз на свои кроссовки, которые, как я теперь понимаю, новенькие.

— Послушай, я не так много знаю о том, что происходит между вами, но знаю, что Кэш абсолютно без ума от тебя. Я никогда, ни разу за десять лет, не видела, чтобы он ставил что-то или кого-то выше своей семьи, — моя грудь расширяется, когда я впитываю ее слова.

— Этот парень тот еще мерзавец, Господь свидетель. Но я никогда не видела его более уверенным в любом отношении, чем когда он говорит о тебе.

Моя челюсть сжимается, эмоции душат.

— Полагаю, именно здесь ты должна сказать, чтобы я не разбила его сердце, иначе... — я выдавливаю из себя смешок, отчаянно пытаюсь сменить тему этого неожиданного разговора.

— У Кэша Фокса нет сердца, которое можно разбить. По крайней мере, не такое, как у нас с тобой, — насмехается она.

Если это правда, то мне придется быть еще более осторожной со своим собственным.

ГЛАВА 14

Столик на двоих

Кэш

Мое сердце бьется так громко, что я слышу стук в ушах. А она слышит? Злобная горечь, которую я затаил сегодня, рассеялась после того, как я кончил в хранилище, и у меня осталось только возбуждение.

Последний раз я помню, что чувствовал себя так, когда целился из пистолета в первого человека, которого мне предстояло убить. Есть такие границы, переступив которые, назад дороги не найти. Я протягиваю руку через центральную консоль машины, чтобы положить ее на бедро Харлоу.

От одного ее прикосновения мое дыхание учащается. Она не сказала ни слова с тех пор, как села в машину, и я не знаю, что с этим делать. Но то, что она не убирает мою руку, я воспринимаю как хороший знак. Особенно учитывая, что, когда я видел ее в последний раз, она стояла на коленях, покрытая моей спермой.

Мне нужно было взять себя в руки, поэтому я ушел и сделал несколько выстрелов на стрельбище с Локланом. А когда вернулся домой... господи. Она стояла в гостиной, похожая на гребаную богиню в черном платье. Я не религиозный человек, но, черт возьми, она вызывала у меня желания упасть на колени в знак поклонения.

Когда она кладет свой мизинец поверх моей руки, я решаю, что молчание абсолютно нормально. Через несколько минут мы подъезжаем к заднему входу моего клуба. Паркуемся в подземном частном гараже, и я спешу открыть ее дверь.

— Так это здесь ты выбираешь всех своих жертв? — она берет меня за руку, когда выходит, наклоняясь вперед настолько, что открывается вид на декольте. *Черт, у нее идеальные сиськи.* И на ней нет лифчика, из-за чего мне требуется вся сила, чтобы не задрать ее платье и не втянуть сосок в рот. Я знаю, как бы это сделал. Сначала мягко и дразняще, проводя языком, но потом прикусил бы зубами. Я пересматривал запись ее мастурбации десятки раз, и точно знаю выражение болезненной эйфории, которое появляется на ее лице, когда она щипала сосок.

И, блять, как же я хочу вызвать это выражение на ее лице.

— Господи, Кэш, — она насмехается, и я понимаю, что меня поймали на том, что я пялюсь. — Для человека, который запрещал мне трахать тебя глазами, ты в этом профи.

— О, детка, я не против, — я обнимаю ее за талию и веду к двери клуба. Наклоняясь, провожу губами по засосу на ее шее — мне нравится думать, что сегодня она заплела волосы, дабы показать его. — Но мне не нужно разрешение смотреть на то, что уже принадлежит мне.

Она возмущенно хмыкает и пытается отстраниться, но я только притягиваю ее ближе.

Веду ее по коридорам для персонала, наслаждаясь тем, как она слегка вздрагивает, когда я провожу большим пальцем по ее бедру или скольжу рукой чуть ниже, чтобы коснуться ее задницы. Обычно «Фантом» шумит, когда гости вливаются в ночную жизнь, но сегодня все закрыто.

«Фантом» — это бывший оперный театр. Когда я купил его, он простоял без дела пятнадцать лет, и я потратил добрую часть своих сил на то, чтобы вернуть ему

первоначальную славу. Все по-прежнему в золоте и красном бархате, но сидячие места на первом этаже были заменены танцполом. Я хотел сохранить стильную атмосферу, поэтому весь персонал носит классические черные смокинги. Вместо дымовых машин и мигающих неоновых ламп пространство освещено сложной системой, создающей идеальный баланс между роскошной атмосферой и дискотеккой.

Когда мы выходим из коридора на главный этаж, я впитываю каждый сантиметр лица Харлоу, пока она рассматривает сцену.

Большинство светильников выключено, за исключением нескольких тускло освещенных, направленных на центр пустого танцпола, где стоит столик на двоих. На покрытом белой тканью столе стоит одна красная роза и свеча. Просто и элегантно. Прямо как мой ангел.

Она закусывает губу и смотрит на меня, глаза расширены, я вижу, что она довольна, но смущена. Проверяю свои часы.

— Как раз время подошло, — подмигиваю и веду ее за руку к столу, отодвигая ее стул, прежде чем сесть самому.

— Какое? — она покачивается на своем месте, расправляя шелковистое платье.

— В четверг в восемь, — она смотрит на меня сквозь ресницы, как будто ей неловко, что она забыла нечто важное. — Помнишь, в «Логове» я попросил тебя поужинать со мной?

Я вижу по ее лицу, как воспоминание щелкает, и она ухмыляется. — Когда я уходила, ты спросил, можно ли в четверг в восемь. И я ответила...

— *Пошел ты, Кэш.*

Она сдерживает улыбку и опускает взгляд на свою тарелку с едой. Я не хотел, чтобы меня беспокоили служащие, принося блюда или доливая стаканы с едва выпитой водой, поэтому вся еда была накрыта еще до нашего прихода.

— Как прошел визит Стеллы? Ты выглядишь, я даже не могу выразить это словами, просто шикарно.

— Хорошо. Она съела весь твой сыр, — смеется она.

— Ладно, это все равно для нее, — я уверен, что Стелла уже поняла это.

— Я пыталась — и не смогла — залезть в твой компьютер сегодня, — я киваю, как будто удивлен. Это не так. Даже не смотря видеозапись, я получаю сигнал каждый раз, когда вводится неправильный пароль. — Я хотела посмотреть больше записей с бейсбольного матча.

— Хорошо.

— Попросила Стеллу дать ее телефон, — не могу понять, говорит ли она мне это, потому что чувствует себя виноватой, или потому что хочет, чтобы я знал: если не отвечу на ее вопросы, она сама найдет ответы.

— Нашла что-нибудь интересное? — откидываюсь назад и скрещиваю лодыжку над коленом, медленно потягивая вино из бокала.

— Оказывается, ты на самом деле был на той игре всю ночь, — раздраженно твердит она.

— Ты расстроена тем, что я не убийца, или тем, что ты ошиблась? — поддразниваю я, и знаю, что попал в точку со своим вопросом, потому что она поджимает губы, как будто сдерживается от ответа.

— Если тебе от этого станет легче, я убийца, — говорю я, и она роняет вилку, которую только что взяла в руки. — Но ты уже это знаешь, — мне нравится, что я вижу ее мысли так

ясно на лице. Она показывает все, даже когда пытается этого не делать. Как сейчас, она знает, что должна броситься прочь, опасаясь за свою жизнь, но вместо этого ей хочется узнать больше. Я вижу, как в ее глазах загорается коварное любопытство.

— Чем именно ты занимаешься? — от трепета в ее голосе у меня кровь бурлит.

— Я бизнесмен, — она закатывает глаза. — Если ты, блять, еще раз закатаешь на меня глаза, я перекину тебя через колено и отшлепаю твою сладкую задницу. И ты знаешь, что я буду наслаждаться каждой секундой, так что давай. Испытай меня, детка.

Она молча смотрит на меня несколько секунд, затем поднимает бокал с вином и опустошает его. Я сижу и наблюдаю, как румянец ползет по ее груди и вверх по шее.

— Есть еще? — она кивает на пустой бокал.

— Что пожелаешь, куишле.

— Хорошо, *Ромео*. Я бы хотела водку с содовой и лаймом.

— Будет сделано, — встаю и направляюсь к бару на краю танцпола.

— Сделай двойную порцию. И побольше лайма, — кричит она, и я улыбаюсь в темноту. Я ни от кого не принимаю приказов, но, если она попросит меня подползти и облизать ей ноги, я, блять, сделаю это.

Она становится все более энергичной в течение ужина и нескольких напитков. Мне нравится ее присутствие, и что чувствует себя более комфортно рядом со мной, ослабляя свою бдительность даже после всего, что я сделал с ней в хранилище.

Она выпрямляется, оценивая меня.

— Почему ты делаешь все это для меня?

— Каждому королевству нужна королева, — мой член подпрыгивает от того, как она поднимает подбородок и держится немного прямее, когда я называю ее своей королевой.

Но она все еще хочет оттолкнуть меня, сопротивляясь неизбежному.

— Я не твоя чертова королева...

— Ты моя, Харлоу. Моя женщина, моя собственность, королева, моя гребаная шляха, если я так захочу, — я опускаю взгляд на свой телефон и включаю музыку в динамиках клуба. Это медленная, проникновенная песня. — Теперь, когда все решено, потанцуй со мной.

— Ты чертовски сумасшедший, — бормочет она, закатывая глаза.

Я ухмыляюсь.

— Привыкай, детка.

Когда она берет меня за руку, я крепко притягиваю ее к себе, сжимая одной рукой, а другой обхватываю талию. Мы молчим и просто покачиваемся под музыку, наши груди прижимаются друг к другу при каждом вдохе. Окутывает ее аромат ванили и гардении, и мне хочется впитать его в себя, собрать запах во флакон и всегда носить с собой.

Песня сменяется на что-то более чувственное, и мой член напрягается, когда ее бедра двигаются в такт. Эти чертовы бабочки вернулись, они бьют в животе, как ураган. Я запускаю пальцы в ее волосы и откидываю ее голову назад. Глаза прикрыты и блестят от... черт побери, желанием. Я хочу наслаждаться этим моментом, тянуть его как можно дольше, чтобы она почувствовала себя хоть в малой степени такой же неуправляемой, как и я.

Трусь нашими кончиками носа, обмениваясь дыханием. Я хочу поцеловать ее. Хочу поцеловать ее так чертовски сильно, но вместо этого опускаюсь вниз по ее шее, едва касаясь. Она вздрагивает и обхватывает рукой мой затылок, притягивая к себе. С ее губ срывается стон, ибо от ее хватки я сильнее прижим губами к ее шее. Она прижимает меня к себе, пока

я ласкаю каждый сантиметр ее шеи и груди, зарываю руку в ее волосы, поворачивая ее, как мне нравится, обнажая следующий участок кожи для своих ласк.

Она выгибается, продолжая чувственно танцевать под музыку. Должно быть, чувствует, как мой выпуклый член упирается ей в бедра. А может быть, она просто гонится за собственным удовольствием, облегчая напряжение, ерзая на моей ноге. Любая из этих возможностей разжигает огонь в моем животе, уничтожая бабочек и требуя большего.

— Ты кончишь для меня, *кушле*? — говорю я ей в ухо, а затем прикусываю мочку.

— Ты уверен, что мы здесь одни? — в ее тоне слышится легкое возбуждение, а сама мысль заставляет ее извиваться.

— Да. Здесь никого нет. Потому что, если кто-то попытается подглядывать, я перережу ему горло, а потом трахну тебя в луже крови, — она задыхается, но не отстраняется. Лишь сильнее вжимается в меня. — Твое удовольствие принадлежит мне и только. Так отдайся мне, *кушле*. Оседлай мою ногу и позволь держать тебя, пока ты развалишься на части.

Поддавшись искушению, она кругами двигает бедрами вверх и вниз по моему бедру. Зарывается лицом в мою шею, и трется клитором, делая резкие, маленькие вздохи, за которыми следует глубокий выдох.

Мои руки скользят по ее мягкому телу, запоминая каждый изгиб. Шелковистый материал ее платья покрыт легким блеском пота, а когда я целую ее висок, появляется солоноватый привкус, отчего я отчаянно желаю попробовать ее всю на вкус.

Провожу по задней поверхности ее бедра и под изгибом попки, чтобы погладить тонкий кружевной материал ее стрингов между ее ягодиц.

— Трусики уже промокли, грязная девчонка? — я решительно провожу пальцами вверх и вниз по ее промежности, надавливая сильнее у задницы, скользя до киски, но так и не задеваю то самое чувствительное местечко. Она сжимает ягодицы от этого вторжения, но восхитительные стоны выдают ее истинные чувства.

— Тебя трогали здесь раньше? — спрашиваю я, потирая кругами стринги, прикрывающие ее тугое колечко. Она качает головой. — Хорошо, мне нравится знать, что я буду единственным мужчиной, который возьмет тебя сзади, — у меня грудь урчит от первобытной потребности пометить все части ее тела как свои.

Я просовываю два пальца спереди и чувствую, что она правда намочила кружевное белье. Ткань горячая и влажная, и я чувствую, как набухшие губы ее киски просят большего. Если она хочет большего, я с радостью дам ей это.

Веду ее назад, пока она не упирается в стол. Затем дергаю скатерть, пока все тарелки и бокалы не разбиваются об пол. С этим мы разберемся позже, но сейчас мне нужен чистый алтарь для поклонения своей даме. Я поднимаю ее на край стола, и она, не дожидаясь, притягивает меня к себе.

Ее поцелуй грубый и торопливый, как будто она ждала всю ночь, чтобы поцеловать меня, и теперь не может насытиться. Я позволяю ей овладеть моим ртом, пока поднимаю платье и стягиваю трусики. Раздвигаю ее бедра и стону при виде блестящей киски. Мои пальцы впиваются в податливую плоть ее ног, но мне так хочется впиться в них зубами.

Она кажется настолько потерянной в нашем поцелуе, что я шлепаю ее по внутренней стороне бедра, дабы привлечь внимание. Она вскрикивает, но затем смотрит на меня с огнем в глазах, давая понять, насколько ей понравился резкий всплеск боли.

— Ты так сладко кончила для меня раньше, обливая мои пальцы, пока я трахал эту красивую киску. Хочешь снова? Скажи мне, что ты хочешь этого, *кушле*.

— Да. Боже, да, — я приближаю руку к ее центру, но останавливаюсь, поднимая на нее брови. — Пожалуйста, Кэш, позволь мне кончить. Я буду хорошей. *Пожалуйста.*

Я трогаю ее лицо одной рукой, а пальцы другой смачиваю, скользя ими вверх и вниз по ее складочкам.

— Ты такая красивая, когда умоляешь. Хочешь этого? — я прижимаю пальцы к ее входу. Она охотно кивает, глаза большие и круглые, она смотрит на меня сверху, кусая губы. *Боже, она чертовски великолепно в таком виде.*

— Тогда открой рот, — я беру ее за подбородок, но мне не нужно прилагать никаких усилий, так как она сама раздвигает для меня свои сладкие губы. — *Хорошая девочка.*

Когда она смотрит на меня вот так — рот открыт, дыхание сбивается, а глаза такие чертовски отчаянные — я хочу толкнуть ее на колени и снова засунуть свой член в ее плотку. Вместо этого сплевываю в ее открытый рот, у меня член сочится, когда ее глаза расширяются от шока.

— *Глотай,* — я едва узнаю свой собственный голос. Он глубокий, хриплый и такой чертовски злобный от похоти, звучит как голос демона.

Она глотает, и я глажу ее шею, пока двигается горло.

— Такая послушная маленькая шлюшка.

Она сделала, как я приказал, и теперь пришло время для награды. Ввожу пальцы у входа в ее мокрую киску. Она сжимается вокруг и мычит, когда я ввожу и вытаскиваю пальцы.

— *Бля-я-ять, Кэш.*

От этого стога я почти взрываюсь. Каждая клеточка моего тела вибрирует от потребности погрузить член глубоко внутрь нее, услышать, как она стонет мое имя, пока я вбиваюсь в нее, получая удовольствие. Дико и жестоко. Но я не верю, что не причиню ей боль, если поддамся этому желанию. Потому что как только я окажусь внутри нее, я знаю, что не будет иметь значения, стонет ли она мое имя от удовольствия или от боли. Я, блять, не останавлиюсь.

Вместо этого я трахаю ее пальцами, двигая бедрами, как будто рука — это мой член. Я сказал, что вылижу ее, но не могу оторвать взгляд от ее лица. Мне нравится наблюдать за каждой вспышкой удовольствия.

Ее руки летят к моим бедрам, она откидывает голову назад, ее шея вытянута и прекрасна в мягком сиянии огней. Скрежещу зубами, обхватываю рукой ее горло и наслаждаюсь скоростью ее пульса.

Крепко сжимаю ее, и она встречается со мной взглядом.

— Сможешь дышать, когда кончишь, — у нее сводит челюсти, и я чувствую, как она сглатывает под моей ладонью, но она начинает двигаться на моей руке с еще большим жаром и отчаянием. Ее губы раздвигаются, когда она пытается вдохнуть воздух, и между тихим хныканьем, которое она подавляет, и трением о мой член, я правда думаю, что кончу вот так, с членом в штанах.

Складка между ее бровями углубляется, когда она смотрит на меня, глаза наполовину в блаженстве, наполовину в панике.

— Ты можешь трогать себя, детка. Я даю тебе разрешение, — я и не запрещал, но облегчение на ее лице, когда она опускает руку, чтобы обвести свой клитор, говорит само за себя.

Ее влагище пульсирует вокруг моих пальцев, горло дергается, борясь за воздух. Она так чертовски близка. Я чувствую запах возбуждения, смешанный с ее сладким, цветочным

ароматом. По ее щекам ползет румянец, и я понимаю, что время пришло. Стискиваю челюсть и прижимаюсь к ней носом

— Кончай сейчас же. Быстро. Блять. Сейчас же, сука.

Ее спина выгибается дугой, а бедра устремляются вверх, руки цепляются за мои, когда она по спирали погружается в оргазм. Я отпускаю ее горло, и она дергается вперед, ее лоб падает на мое плечо, она хрипит и кашляет. Этот звук выводит меня из равновесия, и я энергично поглаживаю свой член по брюкам.

Когда наступает моя собственная кульминация, я не могу остановить грязь, извергающуюся из своих губ.

— Такая хорошая девочка. Моя маленькая грязная шлюшка. В следующий раз ты подавишься моим членом... *блять!* — я кончаю с ревом, намочив переднюю часть своих штанов.

Только когда открываю глаза, я понимаю, что закрыл их. Харлоу смотрит на меня, по ее щеке течет слеза, а лоб наморщен. Мой разум все еще затуманен, я все еще нахожусь под кайфом, но тянусь к ее лицу, чтобы утешить.

— *Куишле...*

— Не трогай меня, ублюдок, — она отшатывается от меня и отталкивается от стола. — Ты гребаный психопат! Ты чуть не убил меня, — она захлебывается рыданиями, и я понимаю, что правда ублюдок, потому что моя первая мысль: *я мог бы сделать гораздо хуже.*

Господи, она так красиво выглядит, когда плачет, — это моя вторая мысль.

ГЛАВА 15

За гранью

Харлоу

Дело не в том, что он унижил меня. Плевал. Унижал. Душил. Дело в том, что теперь я полна ненависти и отвращения, и вместо того, чтобы направить эти чувства на него, как следовало бы, направила на саму себя. Из-за него я себя ненавижу. Испытываю отвращение.

Потому что, когда он унижал меня, моя киска дрожала. Когда он плевал мне в рот, я жаждала каждую каплю. Когда поливал грязными словами, меня это заводило. А когда душил меня, я кончила так сильно, как никогда раньше.

И ненавижу то, что сейчас, сидя на пассажирском сиденье, пока он ведет машину, я думаю, почему он не трогает мою ногу. *Я сделала что-то не так?*

То есть, да, я сказала ему не трогать меня. Но когда Кэш уважал мои границы? Он должен унижаться на коленях, а вместо этого я чувствую, что умру, если он не прикоснется ко мне.

Мне нужно вернуть свою власть, свою автономию. Нужно доказать ему и себе, что я не его гребаная кукла, с которой можно поиграть и отбросить в сторону. Именно поэтому я попросила его отвезти меня в мою квартиру, чтобы забрать некоторые свои вещи и, надеюсь, вернуть частичку себя. Я согласилась остаться в его квартире, пока он не разберется с Братвой — что бы это ни значило. Но я не обязана жить по его убогим стандартам.

Мы паркуемся на улице, и у меня сводит живот, когда он не открывает дверь с моей стороны. В прошлый раз открывал. Я выхожу сама и хлопаю дверью машины, заставляя его обернуться, и не могу больше молчать.

— Ты не имеешь права на меня злиться.

Его взгляд пронзителен, он угрожающе шагает ко мне. Прижимает спиной к машине. Нависает надо мной, и костяшки его пальцев белеют, когда он бьет ладонью по машине рядом с моей головой. Злорадство в его глазах наполняет меня ядом.

— Это не тебя душили до смерти, — я толкаю его плечами, но с таким же успехом могу толкать гребаный валун.

— Я дал тебе именно то, что ты хотела. То, о чем умоляла. И все же, ты делаешь из меня плохого парня? — холод в его голосе в равной степени пугает и возбуждает, и я ненавижу его за это.

— Ты и есть плохой парень, Кэш! — я бью кулаками по его груди. — И никакие шикарные ужины в частных клубах этого не изменят, — люди смотрят на нас, проходя мимо, и, вероятно, думают, не вызвать ли им полицию. *Ха, много пользы будет, все офицеры находятся на его крючке.*

Челюсть Кэша сжимается, и он дышит через раздутые ноздри.

— По крайней мере, я не гребаный лжец, — он вырывается и хватается обоими запястьями одной рукой. Другую он засовывает в переднюю часть моих леггинсов, его пальцы нащупывают скользкую щель моей киски. Я хочу закричать, но боюсь привлечь к нам еще больше внимания.

Он вытаскивает пальцы и проводит ими по моим губам, которые сжались в плотную

линию.

— Открой, блять, — рычит он. Но я только плотнее сжимаю рот, пока он размазывает по губам доказательство моей лжи. — Я хочу, чтобы ты знала, какова на вкус, ты, блять, мокрая для мужчины, которого, якобы, ненавидишь.

— Мисс Харгрейв? — это голос, который я мгновенно узнаю. Кэш мотает головой в сторону, в его глазах убийственный взгляд на человека, который только что прервал нас.

— Моя любимая свинка, — Кэш медленно поворачивается, закатывая рукава.

— Лис, — у Лео отвисает челюсть, взгляд темнеет. Он быстро скрывает это, когда поворачивается ко мне. — Ты в порядке, Харлоу? — Кэш напрягается от его фамильярности, и я должна поаплодировать Лео за то, что он знает, как быстро задеть Кэша. Они явно уже знакомы друг с другом. Я делаю мысленную пометку потом спросить Кэша об этом.

— Лео, рада тебя видеть. Что ты здесь делаешь? — я имитирую веселый тон и улыбаюсь, кладя руку на его бицепс. Кэш кривит губы.

— Вообще-то, ищу тебя. Твой звонок, — он смотрит на Кэша и говорит медленно, словно пытаясь не сказать слишком много. Я уверена, что он не ожидал найти меня с человеком, на которого я кидалась с обвинениями, — заставил меня забеспокоиться. И когда не мог связаться с тобой в течение нескольких дней, приехал сюда, убедиться, что с тобой все в порядке, — его голубые глаза смягчаются, и мне становится стыдно за то, что я напугала его, хотя они ожесточаются каждый раз, когда он смотрит на Кэша. Я позвонила ему, крича о признании, а потом исчезла с лица земли.

Кэш закипает в стороне от нас. Я удивляюсь, как он еще не вмешался и не превратился в пещерного человека, потому что другой мужчина осмелился заговорить со мной. Но потом замечаю холодный, сосредоточенный взгляд его глаз. Он пытается понять, какие именно у нас отношения. С таким же успехом можно устроить ему шоу.

— Это так мило с твоей стороны, — я смотрю на него сквозь ресницы и скольжу по его руке вверх-вниз легкими движениями. — Я потеряла свой телефон в тот день, когда мы разговаривали. Сумасшедшая история на самом деле...

— Сумасшедшей историей будет то, что на твою задницу подадут в суд за домогательства, если ты продолжишь преследовать меня, — Кэш хватается за руку и тянет к двери квартиры.

— Подожди, Харлоу...

— Если у тебя есть вопросы, ты знаешь, как связаться с моими адвокатами, — бросает Кэш через плечо, втаскивая меня в подъезд. Его слова резкие и жесткие, но хватка на моей руке удивительно нежная.

Лео протягивает руку, чтобы не дать двери закрыться за нами. Он быстро достает пистолет и направляет его на Кэша. Мое сердце подпрыгивает в горле.

— Я не могу с чистой совестью оставить тебя с ним, Харлоу.

— Тебе лучше хорошенько подумать над своим следующим шагом, Саксон, — голос Кэша низкий и холодный, но он спокоен, когда двигается, чтобы встать передо мной с поднятыми руками.

— Ты можешь пойти со мной. Если он пойдет за нами, я его пристрелю. Я буду тебя защищать.

— Никто не сможет защитить ее так, как я, — рычит Кэш и делает выпад вперед. Я хватаю его за руку и со всей силы тяну назад. Лео крепче сжимает пистолет, и его плечи напрягаются. Мой пульс выходит из-под контроля, когда я понимаю, что Кэш в

миллисекундах от ранения. Мне все равно, насколько хороши его хирурги, никто не сможет выжить после выстрела в упор.

От адреналина у меня все тело гудит, когда я делаю шаг навстречу Кэшсу, бросая на него отчаянный взгляд, чтобы он позволил мне поговорить.

— Я в порядке, Лео. Правда. Видишь? — я делаю несколько шагов к нему, чтобы показать ему, что могу уйти прямо сейчас, если захочу. — Это долгая история, но клянусь, с Кэшем я в безопасности.

Даже стоя к нему спиной, я чувствую, как Кэш расслабляется от моего заявления. На его лице, несомненно, нарисована дерзкая ухмылка.

— Ты слышал леди. Теперь вали, — гордость в голосе Кэша заставляет мои губы дернуться, сдерживая улыбку.

Лео собирается уходить, но колеблется, оборачиваясь, чтобы посмотреть на меня.

— Тогда попроси своего нового друга найти потерянные записи с камер наблюдения в клубе в ночь убийства. Может, мы сможем увидеть лицо этого загадочного Дага.

— Извини, Саксон. Что я могу сказать? Ошибки случаются. Но я уверен, что ты в этом профи.

Насмешки Кэша — всего лишь фоновый шум, а мое тело все еще гудит, пока я иду к лифту, сгоняя адреналин, все еще бурлящий в организме. Двери сразу же открываются. Я вхожу внутрь, наблюдая за Кэшем прямо за собой в зеркале на задней стене лифта.

Моя кожа горит, когда я кладу руки на холодные металлические поручни вдоль зеркальной стены. Глаза Кэша смотрят на мои через отражение, и я чувствую его голод в этом маленьком пространстве. Он нажимает на кнопку, чтобы выбрать нужный этаж. Но это не имеет значения, потому что, как только кабина лифта начинает двигаться, он нажимает на аварийную остановку.

Время замедляется, пока он сокращает расстояние между нами, рот опускается к моему уху.

— Это был довольно смелый шаг для человека, которого ты ненавидишь, *кушше*, — его дыхание обдувает кожу, вызывая мурашки.

— Я никогда не говорила, что ненавижу тебя, — не в силах сдержаться, я выгибаю спину так, что мои плечи упираются в него.

— Тогда скажи, Харлоу. Что ты чувствуешь ко мне, если не ненависть? — его вопрос задевает самую глубокую часть меня, которая все еще не понимает, почему я чувствую то, что чувствую. И определенно не хочет ему говорить.

Он проводит рукой по моей спине и забирается под одежду. Он ласкает мягкую кожу живота, и в моей глубине поднимается жидкое тепло. Я открываю рот, чтобы ответить, но его другая рука задевает пояс моих леггинсов, и я закрываю рот, прикусив губу, в животе у меня порхают бабочки.

— Ответь мне, *кушше*, и я дам тебе то, чего ты хочешь... — его пальцы скользят ниже пояса и касаются лобка. — То, чего ты жаждешь. И я даже не заставлю тебя умолять, — он проводит губами по моей шее, и я закрываю глаза, откидывая голову в сторону. Я не понимаю, как легкое прикосновение может быть таким сильным. Его рот едва касается моей кожи, и мне кажется, что подо мной дрожит пол.

Когда его пальцы добираются до копны кудрей, мои глаза распахиваются и снова встречаются с его в отражении. В них есть волнующая глубина, которая дает ощущение, будто я заключаю сделку с дьяволом.

— Скажи мне, и я позволю тебе смотреть, — его голос становится все более требовательным, все менее терпеливым. Его пальцы впиваются в подушечки моего живота, как бы предупреждая. Я наблюдаю в зеркале, как мои щеки покрываются румянцем. От его рук, обвившихся вокруг меня, киска сжимается.

Мой ответ висит на языке, и чем ниже его пальцы скользят в штаны, тем больше я не уверена в том, что сказать. Что я чувствую к нему? *Гнев, похоть, возбуждение, надежду, влечение, связь, отвлечение?*

— Я не знаю, — вздыхаю я и наблюдаю, как его взгляд становится жестоким.

— Этого недостаточно, *кушле*, — рычит он, отрывая руки и поворачиваясь, чтобы снова хлопнуть по кнопке аварийной остановки.

Лифт снова оживает, и я шепчу:

— Четвертый этаж, — он вдавливая палец в кнопку четвере, его плечи дрожат, а ноги постукивают по полу в быстром ритме.

Он разворачивается и впивается своим ртом в мой. В его поцелуе нет ничего любовного или нежного. Это господство и завоевание. Он прижимает мой лоб к своему, руки сцеплены по обе стороны от моего лица.

— Почему просто не хочешь признать, что ты, блять, принадлежишь мне? — в его словах звучит смесь злобы и мольбы.

Как будто я — первая вещь, которую он когда-либо хотел, но не смог заполучить с помощью грубой силы и изнурительной репутации. Конечно, он мог бы навязать мне себя, но ему нужно не только мое тело.

Ему нужна моя душа.

Не уверена, смогу ли когда-нибудь ее отдать.

Лифт останавливается, двери открываются.

— Иди, возьми свои вещи. Я подожду здесь, чтобы убедиться, что у офицера «дерьмо-место-мозгов» не возникнет никаких идей, и он вернется на белом коне, — он холоден и без эмоций говорит, отказываясь смотреть на меня. Удар хлыстом жжет.

Эта поездка в квартиру должна была помочь мне вернуть часть своей силы, а вместо этого я остаюсь растерянной в тупике.

Я открываю бутылку вина, решив избавиться от чувства неуравновешенности, возникшего у меня после ситуации в лифте. После того как я собрала сумку вещей, Кэш без единого слова высадил меня у своего дома. Он даже не поставил машину на стоянку и сказал Роману проводить меня до квартиры.

Я колебалась между раздражением, возбуждением и грустью весь день, находясь одна дома.

Дома.

О чем, черт возьми, я говорю? Это место — не мой дом. Мой дом был с Бет, а теперь ее нет, и я живу с психопатом, который думает, что любит меня. А если и любит, то только как объект. Не как человека. Боже, даже то, как он говорит обо мне, всегда носит собственнический характер.

Владение, а не отношения

Я не беру бокал и делаю длинный глоток прямо из бутылки. Мне нужен чертов воздух.

И больше вина.

Проходя через спальню Кэша к террасе на крыше, я замечаю белый халат, брошенный на его кровать, и меня пронзает злая мысль. Я порывисто раздеваюсь, заворачиваюсь в халат, бросаю свою одежду за французскими дверями. Мое сердце замирает при мысли о том, что он вернется домой и увидит это.

Подумает ли он, что я сняла одежду для него?

Хотя я знаю, что не смогу повлиять на него также, как он на меня. Выхожу за дверь, оставляя ее слегка приоткрытой, бутылка вина покачивается в моей руке.

Бросаю халат на стол рядом с джакузи и стою полностью обнаженной под лучами заходящего солнца. Воздух щекочет кожу, когда я иду по карнизу, отделяющему бассейн от джакузи. Пар оттуда обдает мои ноги.

Я ныряю в бассейн, прохлада воды обжигает каждый сантиметр моей обнаженной кожи. Ощущение мгновенно напоминает мне о том, как мы с Бет и друзьями окунулись в воду с головой во время вечеринки в родительском доме у озера. Мы кричали от холода и уговаривали других присоединиться к нам.

Я плаваю на спине, предаваясь воспоминаниям. Небо — это вихрь оранжевого и лавандового цвета. *Где бы Бет ни находилась, она видит закаты?*

Это самое трудное. Не знать. Не знать, кто ее убил и почему они выбрали именно ее. И не знать, где она сейчас. Невозможно представить, что такая живая душа, как у нее, просто исчезла. Угасла.

Эти мысли не помогут расслабиться. Я ныряю обратно под воду и кричу. Вода бурлит, и пузырьки взлетают вверх. Наконец, я всплываю, задыхаясь.

Проплываю несколько отрезков туда и обратно, позволяя своему разуму очиститься, пока не получается просто повторяющийся цикл.

Правая рука, левая рука, поворот и вдох. Правая рука, левая рука, поворот и вдох.

Голова вибрирует, когда я останавливаюсь, вино оседает в моей крови. Я перехожу в джакузи, шок от смены температуры ласкает кожу.

Может быть, это вино, может быть, влечение плавания гольшом, но внезапно все сексуальное напряжение, которое неуклонно нарастало с тех пор, как я знаю Кэша, становится слишком сильным, и мое тело не может его сдержать.

Этот сукин сын издевался больше раз, чем позволял кончить, и мне надоело ждать, когда он закончит начатое. Все женщины знают, что нельзя полагаться в своем удовольствии только на мужчин.

Я встаю лицом к краю джакузи и опускаюсь на колени, широко расставив их. Опираясь локтями на дно бассейна, я регулирую свое положение так, чтобы струя была направлена именно туда, куда я хочу. Небо окрашивается в более темный, туманно-фиолетовый цвет, и я чувствую, что тоже исчезаю вместе с солнцем — моя греховная сторона выходит поиграть в темноте.

Качаю бедрами вверх-вниз медленными, дразнящими движениями, пока волнистая струя воды бьется о мой клитор. Зная, что я совсем одна, позволяю себе не сдерживаться. Закрываю глаза, наслаждаясь прохладным ветром, шепчущим мне в лицо и охлаждающим мои обнаженные плечи и руки, и внизу бьет восхитительный жар.

Шорох неторопливых шагов заставляет меня окончательно замереть. Кэш самодовольно подходит и садится напротив меня на скамью. Он откидывается назад и сползает вниз, раскинув руки вдоль сиденья, словно это спинка дивана. Он выглядит леденяще властным,

когда я смотрю на него снизу вверх.

— Не смей останавливаться, — его слова звучат лениво и глубоко, он широко разводит колени, его толстый член уже напрягся в черных брюках. Он проводит ладонью по ткани, и я не могу сдержать резкого вздоха. В его глазах полыхает похоть, пока он наблюдает, как я продолжаю свой ритм. Я слежу за движением его горла, когда он глубоко сглатывает и проводит большим пальцем по нижней губе.

Наши глаза встречаются, и голод в его взгляде заставляет меня понять, что в этом моменте нет ничего неловкого.

Это дает мне силы.

Я сдерживаю стон, когда ударные волны бьют прямо в ядро.

— Дай мне услышать тебя, детка, — хрипит он. И в следующий всплеск наслаждения я не сдерживаюсь. Мой рот раскрывается в стоне, челюсть отвисает. Дыхание сопровождает движения бьющей струи.

Я слышу, как сильно он скрежещет зубами, когда говорит.

— Черт, от твоего сладкого приоткрытого ротика, я хочу сотворить грязные вещи, *кушле*. Эти красивые губы так хорошо обхватили бы мой член.

Я мягко улыбаюсь ему, грязные слова разжигают огонь в моей душе еще жарче.

— Тебе бы это понравилось? Как я отсасываю тебя?

— Я бы ради этого горы свернул... — он встает, его эрекция натягивает штаны.

— Сядь обратно. Я спросила, хочешь ли ты этого, не говорила, что я хочу, — его лицо очищается от всех эмоций, затем кривится в злобной ухмылке, когда он садится обратно.

За все его разговоры о том, что я принадлежу ему, он еще не доказал, что тоже принадлежит мне. Он думает, что любит меня? Посмотрим, насколько крепко я смогу обвести его вокруг пальца или это правда неравное поле битвы.

— Расстегни рубашку-а-ах, — приказываю я, и тут меня настигает удар по клитору. Он поспешно начинает. — Медленно — укоряю я, когда он торопливо расстегивает несколько верхних пуговиц.

Я замороженно наблюдаю, как мы синхронизируемся. Он расстегивает очередную пуговицу каждый раз, когда я поднимаюсь с пяток и опускаюсь обратно, задыхаясь при каждом ударе струи. Мой рот наполняется слюнями, когда я обдумываю свои следующие слова. Я играю с огнем, мы заходим все глубже, и этот жар такой сладкий.

— Вытащи.

Его глаза под копной волос не отрываются от моих, пока он выполняет указание. Его толстый член стоит колом. Я прикусываю губу, прослеживая взглядом каждую вену, и Кэш смачивает нижнюю губу, рыча, пока я оцениваю его.

— Теперь погладь его, — мой голос уже не мягкий и низкий, как тогда, когда он только пришел. Теперь он сильный и непоколебимый. Я вздрагиваю, когда Кэш плюет себе на ладонь. Он замирает и смотрит на меня косо. — Ты был права, мне это понравилось, — он вздыхает почти болезненно, с улыбкой берясь за свой член.

— Тебе понравилось, когда с тобой обращались как с грязной маленькой шлюшкой, да?

— Да.

— Да, *папочка*, — сурово говорит он, и мой живот опускается в огненный шар похоти и унижения. Когда я повторяю за ним, он сжимает кулак, его татуированный пресс вздымается. *Иисус, мать его, Христос, этот мужчина прекрасен.*

— Что еще тебе нравится, детка? Скажи мне, и папочка даст.

— Каждый дюйм? — сладко спрашиваю я, и его челюсть сжимается.

— Каждый. Блять. Дюйм, — я смотрю, обезумев от потребности, его предплечья напрягаются от дочки. Каждый раз, когда я хнычу, он дергается, словно мои звуки доносятся до него. — Но я не это спросил.

У меня возникает искушение поиграть с ним еще немного и снова проигнорировать вопрос. Испытать его, как он испытывает меня. Но идея рассказать этому мужчине о своих грязных фантазиях, пока я возбуждаюсь, наблюдая за ним, слишком восхитительна, чтобы от нее отказаться.

— Мне нравилось, когда ты душил меня. Нравилось бороться за воздух и удовольствие, не зная, чего я хочу больше, жить или кончить... — я прерываю стон, когда моя киска пульсирует, оргазм чертовски близок. — Мне нравится идея, что кто-то может войти и увидеть, как меня трахают... папочка, — добавляю я, и он изрыгает проклятие, когда сперма вытекает из красной головки его члена. — Ты кончишь для меня, Кэш?

Он просто стонет, его дыхание сбивается, а кулак быстро двигается вверх-вниз. Его лицо морщится, и я понимаю, что должна положить этому конец.

— Не смей, блять, кончать.

Его глаза распахиваются, и он рычит:

— Я не принимаю приказов от шлюх.

— О, но ты же называл меня своей королевой, — он сжимает челюсть, пока его рука борется с приказами, и я понимаю, что он действительно как пушинка в моих руках, я знаю, как правильно с ним играть. Он не отвечает, только пыхтит. Наше дыхание становится гармонией в ночном воздухе, пока мы оба работаем над достижением кульминации.

— *Черт, черт, черт*, — кричу я, когда мои мышцы напрягаются, а киска сильно сжимается под напором струи.

— Громче, *куишле*, — приказывает он с ворчанием, и я понимаю, что он держится на грани. — Будь хорошей девочкой и кончи для папочки громко и красиво.

Все мое тело содрогается, когда оргазм достигает пика, мощная струя поддерживает искры удовольствия, летящие как фейерверк.

— *Боже, да-а-а*.

— Да, детка, вот так. Моя хорошая девочка, блять. Блять, Харлоу... — Кэш рычит, его слова обрываются, когда он кончает, задыхаясь, его семя окрашивает рельефный живот.

Я чувствую себя как желе, мои конечности превращаются в жидкость, локти на настиле — единственное, что не дает уйти под воду. Кэш откидывает голову назад, тяжело дыша, и его размякший член упирается ему в живот.

Спокойствие, царящее между нами, разрушается, когда звонит его телефон. Он шипит и вырывает его из кармана, ругаясь, когда читает имя звонящего.

— Надеюсь, кто-то сдох или помирает, Финнеас, — кричит он в трубку.

Пока он слушает своего брата на другой линии, я решаю, что шоу еще не закончилось. Медленно встаю в джакузи, пар клубится вокруг меня, а струйки воды стекают по ягодицам. Кэш сжимает телефон в руке до побледнения костяшек пальцев и прикусывает губу, раздувая ноздри.

— Нет, это должно быть сегодня вечером, — выдавливает он из себя. — И я хочу, чтобы порт был очищен от всех остальных.

Я подкрадываюсь к нему. Стоя перед ним, тянусь к его халату, лежащему на столе позади него. Когда наклоняюсь вперед, моя грудь оказывается в нескольких дюймах от его

лица, и я слышу, как он шипит. Его рука, не держащая телефон, парит над моим бедром, как будто он не знает, можно ли прикоснуться ко мне сейчас. Я делаю шаг назад, прежде чем он успеет принять решение.

Выпрямляюсь, смотрю на него, кутаясь в халат. Его член подергивается от того, что я в его одежде.

Прежде чем уйти, наклоняюсь вперед и провожу пальцем по еще теплой сперме, покрывающей его пресс. Его рот открывается, когда я обсасываю палец.

— Спокойной ночи, *папочка*.

ГЛАВА 16

Братва взрывается

Кэш

Вместо того, чтобы сесть за руль, я выбираю байк «Харлей». После того трюка, который Харлоу устроила на крыше, мне нужно нечто отвлекающее от водоворота токсичных эмоций. А ехать на скорости сто миль с ночным воздухом, проносимся мимо, и нерастраченной мощностью двигателя — это лучшее, что я могу получить.

Чем ближе я приближаюсь к порту, тем сильнее ощущаю запах солоноватой воды. Есть что-то приятное в осознании того, что я близок к открытым водам. Не то чтобы я хочу убежать — я хочу привязать Харлоу к своей кровати и никогда, блять, не уходить, — но этот ад внутри меня жаждет открытого пространства, чтобы очиститься.

Потому что это было самое горячее зрелище: она, возбужденная и мокрая, трахает себя струей, пока я дрожу. Мы достигали кульминации вместе, но порознь, перепрыгивая через эту грань бок о бок. Но было что-то еще, что-то... *не так*.

Она в мгновение ока превратилась из скромной и робкой в контролирующую и властную. Сняла свою одежду, выбрала мой халат, чтобы обернуть его вокруг своего обнаженного тела. Я не могу объяснить это, и схожу с ума.

Она думает, что я сумасшедший, но она, черт возьми, такая же. По крайней мере, я осознаю свою испорченность. Я с самого начала сказал ей, что она не просто женщина, она — *моя женщина*. Сама виновата, если не поняла, что я имел в виду. С другой стороны, ее слова...

Мне это нужно.

Всего лишь момент слабости.

Задуши меня, трахни меня.

Не прикасайся ко мне.

Психопат.

Я не ненавижу тебя.

Да, папочка.

Твоя маленькая шлюшка.

Нет, твоя гребаная королева.

Моя кровь так сильно бурлит, когда я просеиваю эту кашу, которую не могу распутать, что, когда я подлетаю к причалу, скорость все еще близка к восьмидесяти. Локлан и Роан резко отпрыгивают с дороги — как будто я могу их сбить, — и я дрефтую, чтобы остановиться.

Из порта эвакуирован весь персонал, не входящий в нашу ассоциацию, поэтому в обычно оживленном доке странно тихо. Даже ночью здесь обычно работают краны, передвигающие контейнеры, погрузчики, перевозящие ящики, и любое количество людей, выкрикивающих приказы. Но сейчас это похоже на кладбище. Выстроившиеся ряды грузов молчат, если не считать легкой болтовни моих солдат позади.

Прожектор, обычно заливающий место, где мы стоим, вместо этого направлен на три баржи в бухте и двух людей в скоростном катере, копошащихся вокруг.

— Он уже внутри?

Роан отвечает мне покачиванием головы.

— Мы подумали, что будет веселее дожидаться зрителей, — я ухмыляюсь. Роан иногда может быть маленьким стервятником, но в нем есть умная, злая сторона, которая заставила бы большинство людей бежать в горы. Думаю, у всех нас есть такая сторона, просто некоторые из нас лучше ее скрывают... или, скорее, контролируют. Локлан больше всего похож на меня. Он крепко держит свою тьму в узде и позволяет миру видеть очаровательного паренька. Финнеас — чертова черная туча.

Наш отец был своеобразным человеком. Никогда не знали, с какой стороны к нему подойти. Возможно, именно это сделало его таким эффективным лидером, люди становились в строй, потому что невозможно было предсказать, какой Эйден Фокс появится, когда ты переступишь черту.

— Какое у него звание? — спрашиваю я, имея в виду человека, которого они взяли на улице сегодня, и который сейчас находится в скоростном катере с Финнеасом.

— Пехотинец, не очень важный, — Роан ухмыляется, словно знает, куда ведет ход моих мыслей. Я делаю это, чтобы остановить войну, но иногда кровь должна быть пролита во имя мира. Пусть будет, что будет.

В любой другой ситуации, я бы обрушил адский дождь на Братву. Но быть королем — это не значит, сколько крови врагов ты можешь пролить. Сильный король всегда делает то, что лучше для его королевства и народа. А войны чертовски дороги — как в деньгах, так и в крови.

Моя главная задача — сохранить свою королеву в безопасности и научить русских, что охотиться за семьей Фокс — дорогостоящая ошибка. И похоже, что урок вот-вот начнется.

По дороге светят фары двух больших внедорожников, мчащихся к нам. Мои люди выпрямляются и встают позади меня и братьев, их руки и кисти трогают штурмовые винтовки, перекинутые через грудь. Локлан не снимает куртку, чтобы скрыть тот факт, что его рука все еще в перевязи, но Роан снимает ее, показывая наплечную кобуру с двумя пистолетами.

Это дурной тон — являться на встречу с оружием в руках, поэтому я держу свой пистолет на поясе. Впрочем, мне плевать на этикет мафиози на этой встрече. Мы делаем им одолжение, мы не равны и не ищем переговоров. Я хочу, чтобы они знали, что идут по очень тонкой грани.

Из каждой машины выходят по три человека, и я смеюсь над тем, что Козлов и его секундант одеты в гребаные спортивные костюмы. Чертовы клоуны.

— Где мой человек, Фокс?

— Катается на лодке с братом, — я киваю головой в сторону залива.

— Скажи, почему я не должен убить тебя прямо тут же, — рычит он, и я должен отдать ему должное: он человек убежденный.

— Козлов, я даю тебе возможность на всю жизнь — нет, на целое поколение. Потому что, если ты не заткнешься и не будешь слушаться, мы начнем войну, и тебя уничтожат. Вы стали мишенью для моей семьи, и я не могу этого допустить. Поскольку все это из-за недоразумения...

— Недоразумения? Ты лжешь...

Я выхватываю пистолет из-за пояса и направляю его одной рукой прямо на Козлова.

— Разве я не сказал тебе, чтобы ты заткнулся и слушал? Да ладно, старик, не верю, что у тебя проблемы со слухом, — его люди пытаются вытащить свои стволы, но Козлов мудро

отмахивается от них.

— Вы уничтожили наш ресторан, мы уничтожили три ваших. Это обычная ссора, ничего личного. Но вот это, — я поднимаю вверх тыльную сторону своей татуированной руки, — и слухи о том, что я «Убийца из Джун-Харбор» полная чушь. И поскольку тебя сильно дезинформировали, я даю тебе шанс очухаться и позволить мне доказать, что это не я.

— Я не поверю ни единому слову такой змеи, как ты, — я смеюсь про себя над иронией того, что он назвал меня змеей, когда моя татуировка ясно показывает, что у змеи нет ничего общего с Лисом.

— Я догадывался, что ты так скажешь, — говорю я, и Роан что-то бормочет в рацию. Я слышу рев двигателя лодки. Через несколько секунд у Козлова в кармане звонит телефон. — Ты захочешь ответить.

Он поднимает телефон к лицу и отвечает на видеозвонок.

— Здравия желаю, — говорит мужчина на лодке с Финном.

— Ты в порядке? — отвечает Козлов на русском, и я стону, у меня нет времени на эти любезности.

— Да.

— Финнеас, просто покажи ему чертов контейнер, — кричу я.

На нашей стороне царит тишина, пока я внимательно наблюдаю за лицом Козлова, когда он видит, что находится внутри первого контейнера. Я знаю, что в тот момент, когда он поймет, его лицо исказится, а грудь надуется, как у быка. Затем его глаза расширяются, а губы сжимаются в плотную линию — должно быть, он заметил взрывчатку.

— На самом деле, я не прошу многого. Просто чтобы ты посмотрел несколько коротких видео. И вот стимул: если не будешь смотреть, я взорву ваш последний груз. А с тремя контейнерами я даже не могу представить, сколько миллионов в кокаине вы потеряете, — пожимаю плечами и делаю насмешливо лицо, когда он краснеет.

Его лицо искажается, и он делает несколько шагов ко мне.

— А, а, а, — говорю я, снова направляя на него пистолет.

— Они на безопасном расстоянии, — докладывает Роан, и я изображаю на лице улыбку.

— Ладно, Козлов, пора решать. Три, два... — я поднимаю брови и делаю паузу, давая ему шанс. — Один.

Секунды спустя контейнер с грузом взрывается. Я с ликованием наблюдаю, как его лицо мрачнеет, а руки сжимаются в кулаки.

— Ты можешь взорвать все мои запасы — мне плевать. Это не вернет ее, — ворчит он, и я вижу, что ему больно видеть, как его деньги буквально пылают.

Я не могу не оценить контраст между огненно-золотым огнем и чернильным индиго залива. Людям нравится говорить, что насилие уродливо, но эти люди никогда не ценили его как искусство. И прямо сейчас, держа яйца Братвы в тисках, я создаю шедевр.

— Эй, нет! — вопит Козлов.

— Что-то не так? — я засовываю руки в карманы и наслаждаюсь обременительным положением, в которое только что его поставил.

— Не смей, — он дрожит, а его люди за его спиной выглядят заметно встревоженными.

— Думаю, тебе лучше сделать правильный выбор. Три, два... — он сжимает челюсть так сильно, что, должно быть, трещат зубы, но рот остается твердо закрытым. — Один.

Бум.

Второй взрыв разрывает ночь, перекрывая разъяренный крик Козлова. Он смотрит на

меня как на зло, но это он выбрал судьбу своего солдата, а не я.

— Он был невиновен, — шипит Козлов.

— Никто в этом мире не без греха, Козлов. Ну, что скажешь? Хочешь осмотреть последний контейнер, или поверишь, если я скажу, что в нем большинство твоего товара. Так что, несмотря на потери, ты все еще можешь вернуть большую часть своего груза.

Помощник Козлова наклоняется, чтобы сказать ему на ухо, и я обмениваюсь самодовольным взглядом победы со своими братьями. С ненавистью в глазах он, наконец, сдается.

— Мы посмотрим твое видео.

Близится полночь, когда я подъезжаю к дому Харлоу после встречи. Я насмехаюсь, когда обнаруживаю, что замок на подъездной двери сломан, любой сумасшедший может забрести внутрь. Неужели они не знают, что убийца на свободе?

Если бы она уже не жила со мной, я бы заставил ее переехать. В этом здании ужасная безопасность — я удивляюсь, что убили человека только сейчас.

Смотрю на лифт как на гробницу. К черту, пойду по лестнице.

Поднимаюсь, говоря себе, что хочу лучше понять планировку здания. Но я не обманываю себя. Я знаю, почему избегал лифта. По той же причине я не вытащил ее из джакузи и не трахнул. По этой же причине я позволил имбецилу пивному курьеру уйти.

Я хочу ей понравиться.

А лифт — лишь напоминание о том, что, хотя она меня и не ненавидит, я ей не нравлюсь.

И я не готов признать, как далеко пал. Меня никогда не волновало, что обо мне думают, не говоря уже о том, кому я нравлюсь. А тут появляется она, в очках в форме сердца, проливает кофе, и я падаю духом.

Роман все время предупреждает меня, чтобы я не позволял ей влезть в мою голову, но она уже в моей гребаной крови.

Как только я добираюсь до ее этажа, использую копию ключа, который я сделал во время ее второй смены в «Логове» и вхожу в маленькую квартиру. Здесь пахнет ею, гарденией и ванилью, но с нотками затхлой еды. Меня не удивляет, что в раковине стоит грязная посуда, а по дому разбросаны мертвые растения.

Она искренняя, но чертовски беспорядочная. Я быстро это понял, когда она спотыкалась, меняя шляпы и притворяясь, что звонит по телефону, пока следила за мной. Я хочу исследовать каждый дюйм, узнать каждую интимную деталь ее жизни, которую она от меня скрывает. Но уверен, что над раковиной рой плодовых мух, и я не смогу сосредоточиться, пока не уберусь здесь. Когда посуда вымыта и убрана, а полы подметены, я готов приступить к осмотру.

Рядом с диваном есть книжная полка, заполненная фэнтези, кучей книг, которые я не узнаю, и несколькими книгами по писательскому ремеслу. Я беру одну из них и пролистываю аннотации. Вижу, какие страницы показались ей наиболее полезными, потому что на них есть складки и какие-то капли.

Я включаю телевизор и открываю различные приложения, чтобы пролистать недавно просмотренные передачи. Там много нелепых криминальных шоу — возможно, именно это придало ей уверенности в себе, чтобы начать преследовать самого опасного человека на

Восточном побережье. Люди смотрят несколько серий «Анатомии Страсти» и думают, что они врачи. Я не удивлен, что она считала себя полноценным агентом ФБР без значка после того количества бреда, которое посмотрела.

Понимаю, что здесь нет тонны фотографий. Хотя это не является чем-то необычным в наш цифровой век. На тех немногих, в основном Харлоу и Бет. Я рассматриваю ее улыбку на серии фотографий, где они запечатлены на каком-то открытом концерте или музыкальном фестивале. Она настолько искренняя, что от фотографии исходит тепло и прокладывает путь в мою грудь. Она широкая, красивая и полная смеха, и вскоре это легкое тепло быстро остывает, когда я понимаю, что никогда не видел у нее такой улыбки.

Я отстраняюсь и иду к ее спальне. Предполагаю, что это ее спальня, потому что на ней нет оградительной ленты. Опять же, ничего примечательного. Двухспальная кровать с нестиранными простынями и промятым пледом. Тумбочка с книгами и пустыми кофейными кружками. Я открываю ящик тумбочки и усмехаюсь, довольный своим открытием.

— Моя шалунья... — достаю черный вибратор и пулю-вибратор поменьше. Мой член сразу же утолщается, когда я представляю ее лежащей на этой кровати и использующей их на себе. Я уже знаю, как она выглядит, доставляя себе удовольствие, так что этот образ легко создать.

Замечаю на полу пару черных кружевных трусиков и поднимаю их. Понюхав, стону от оставшегося запаха ее киски. Интересно, были ли они на ней в ту ночь, когда я впервые почувствовал, какая она чертовски мокрая для меня. Когда проводил пальцами по ее горячей киске, прося остановиться, но она так и не сделала этого.

Блять. Мой член упирается в молнию от воспоминания, а внутри вспыхивает жар.

Я еще раз нюхаю трусики и поспешно расстегиваю молнию на брюках. Сажусь на край ее кровати и сжимаю в кулак свой член. Она даже не присутствует здесь, но все еще способна возбудить меня. Я не могу вынести такой потери контроля. Но не могу выдержать и этого напряжения, поэтому падаю обратно на кровать и не останавливаюсь.

Я представляю, что каждое движение моей руки — это ее горячий, влажный рот, принимающий меня внутрь. Зажмуриваюсь и представляю себе ее голубые глаза, большие и круглые, смотрящие на меня, когда говорю ей расслабить горло, и наблюдаю, как они наполняются слезами, чем глубже вхожу.

— Хорошая девочка, не шевелись ради папочки, — стону я в пустой комнате, насаживаясь на свой кулак, как будто трахаю ее рот и заставляю ее принять каждый дюйм. Она такая податливая, такая послушная, мой член сочится, а пресс напрягается.

— Не останавливайся, детка, у тебя так хорошо получается, — умоляю я фантом и обшариваю рукой кровать в поисках вибратора. Включив, прижимаю к основанию своего ствола, и все мое тело напрягается от мучительного, жужжащего ощущения. После такого долго не выдерживаю, тяжело и бурно кончая в черное кружево.

Лежу на спине, тяжело дыша и глядя вверх на неподвижный потолочный вентилятор, который отчаянно нуждается в очистке от пыли. С каждым подъемом и опусканием груди повторяю в голове одно и то же снова и снова:

Я в полной жопе.

ГЛАВА 17

Мистер Тинни-Вилли

Харлоу

— Доброе утро, *кушле*, — его голос шелковистый, с легкой утренней хрипотцой. Мой живот сжимается, вспоминая, как тот же голос становился глубоким и мучительным, когда он изливает свое семя, выкрикивая мое имя. Я сажусь за кухонную стойку, и он двигает ко мне горячую кружку кофе.

— Куда ты убежал прошлой ночью? — потягиваю кофе, зажав теплую чашку обеими руками. Его волосы взъерошены ото сна, а серые треники низко висят на бедрах. Я прилагаю все усилия, чтобы не отводить взгляд от лица на его обнаженный пресс.

— Мне больше нравились твои натуральные волосы, — его губы кривятся.

— Прости?

— Ты покрасила их в темный цвет из-за меня, нет? — от его наглой ухмылки мне хочется выплеснуть на него горячую жидкость.

— Не льсти себе, — я насмехаюсь.

— О, детка, ты сама мне льстишь, — он опирается локтями на край стола и наклоняется вперед, хватая конец моей длинной косы. Ухмыляется. — Мне нравится, что они длинные, без разницы, какой цвет. Дает то, за что можно держаться.

— Ты когда-нибудь не думаешь о сексе? — я отбрасываю волосы за спину, в недостижимое для него место.

— Редко, — он отталкивается от стойки и открывает холодильник. Уродливый череп на его спине, смотрит на меня. Мой взгляд прослеживает рельефные пластины его мышц до длинного шрама.

— Откуда у тебя этот шрам?

— Получил на турнире по поединкам, — говорит он с серьезным лицом, и я не могу удержаться от смеха.

— Ах, да, мой рыцарь в сияющих доспехах, — успокаивающее тепло оседает в моих костях от этой легкой шутки. Это кажется... почти нормальным, домашним. Он ругается, доставая обугленный хлеб из тостера. Может ли это стать моей реальностью? Флирт за завтраком с подгоревшими тостами?

— Хотя, я уверена, что рыцарь должен спасти принцессу из башни, а не запереть ее.

— Почему? — говорит он, огибая стол и подходя ко мне. — Я запер тебя, чтобы ты была в безопасности, но теперь, когда русских нет на пути...

— Подожди, что ты имеешь в виду? — в моем сознании мгновенно возникает образ семейной фотографии Бет на выпускном вечере. Ее родители, бабушка, дедушка и дядя Иван стоят вокруг, все сияют от гордости, когда она держит свой диплом, ее шапочка сидит косо на голове со светлыми волосами. — Они...

— Я не убивал их, если ты об этом беспокоишься — по крайней мере, никого важного, — он смотрит на меня так, будто я трачу его время, но я не могу поверить в то, что больше не смогу продолжить расследование.

Я вскакиваю с табурета.

— Что, черт возьми, ты натворил, Кэш? — у меня трясутся руки, когда я понимаю, что

любая смерть во имя защиты меня — это кровь на *моих* руках. Глупый мираж милого утра разбивается вдребезги. *Вот* моя реальность.

— Что я сделал? — Кэш подходит, так близко, что мне приходится отклонить голову назад, чтобы встретиться с ним взглядом. — Я сделал то, что должен был, чтобы обеспечить твою безопасность — когда ты это поймешь, Харлоу? — мой желудок скручивает, ведь он редко называет меня по имени, внезапно осознавая, что меня больше устраивало слово, которое я даже не понимаю: *ку-ши-ле*.

— Только я могу причинять тебе боль и ломать, — я чувствую, как его грудь гулко отдается от силы, с которой он говорит, тяжелыми, хриплыми, точными слогами. — Но также, лишь я могу тебя защищать и заботиться. И я буду делать для это все.

Я сплываю, чувствуя, что моя душа только что была куплена за тот хаос, который он устроил от моего имени.

— Это была семья Бет.

— И с ними все в порядке, — его руки дрожат по бокам в сжатых кулаках. — Господи, ты думаешь, я не знаю, что с тобой будет, если уничтожу твои единственные живые связи с ней? Ты действительно думаешь, что я поступлю так с тобой, даже если они заслужили это, что подвергли тебя опасности? Может, я и монстр, но я *твой* монстр, — он хмурится, но в его глазах боль, как будто я отвергла подарок. — И чертова благодарность тоже не помешает.

Ненавижу слабость в себе, которая хочет извиниться за то, что я такая обуза. Но я также поняла, что Кэш хочет не хочет слабачку, и я такой не буду. Поэтому борюсь с желанием попросить его простить меня и подсластить его самолюбие. Слишком многих женщин учили сжимать себя в угоду мужскому эго. Я отказываюсь подчиняться.

— Не буду говорить тебе спасибо, если не знаю, за что благодарить.

Он втягивает нижнюю губу между зубами.

— Я перехватил их входящие поставки кокаина. Потом взорвал их один за другим, пока он не согласился проверить мое алиби. Я спросил Стеллу, какие видеозаписи ты смотрела, которые убедили тебя, что я говорю правду, и показал их Козлову. Он тоже счел их вполне убедительными.

Я падаю обратно на свое место.

— И все, угроза просто исчезла? Ты сказал, что весь город будет охотиться за мной.

— Они никому не рассказали. Не хотели, чтобы кто-то другой добрался до тебя первым.

— Откуда ты знаешь, что они говорят правду?

— Потому что после того, как Козлов рассказал мне, я засунул пистолет в штаны его секунданта и спросил, правдив ли его слова, или его маленький член поплатится.

Я в шоке смотрю на нег.

— Ты бы серьезно отстрелил ему член?

— *Кушле*, я бы отстрелил свой собственный член, лишь бы ты была в безопасности, — говорит он с односторонней улыбкой. Жутко, но... вроде как мило?

Сладость пропадает, когда мне приходит в голову другая мысль.

— Если бы не я, ты бы убил его, да?

— Без раздумий, — его слова скользят, как тающий лед. — Никто не смеет нарываться на мою семью, а потом жить припеваючи. Никто не выживал. До сих пор.

Его предыдущие слова эхом отдаются в моем сознании.

— Но, раз уж только ты можешь причинять мне боль...

— Не так, *кушле*. Никогда, — он прижимается к моему лицу, его большой палец гладит мою щеку. Его нефритово-зеленые глаза становятся серьезнее. — Я причиню боль твоему телу, потому что знаю, что ты любишь боль. Сломаю твою решимость, потому что мне нравится слышать твои мольбы. Но не буду ранить твою душу или разбивать сердце.

— Кэш..

Входная дверь распаивается, и внутрь заходит белая женщина средних лет, а за ней Альфи, в руках которого коричневые пакеты с продуктами.

Кэш бросает на них быстрый взгляд, но затем его глаза возвращаются к моим.

— Ты меня поняла? — я киваю, хотя и не уверена. Он прижимает губы к моему лбу, затем отстраняется, чтобы поприветствовать прибывших.

Наклоняется, чтобы поцеловать пожилую женщину в обе щеки. У нее короткий боб, выкрашенный в коричневый цвет, хотя у корней волос проглядывает седина. Она улыбается от уха до уха, обхватив Кэша за плечи.

— Я не думала, что ты будешь дома, но рада увидеть своего любимого маленького Лисёнка, — она сжимает его руки, прежде чем отпустить и повернуться ко мне. Она оглядывает меня сверху до низа, как будто у меня две головы. — И кто это у нас здесь?

Я поднимаюсь, чтобы пожать ей руку.

— Здравствуйте, я Харлоу.

— Донна. Приятно познакомиться, — у нее южный акцент.

— Мне тоже. Жаль, что я не выгляжу более презентабельно. Кэш не сказал, что его мама придет, — я натягиваю ночнушку и заправляю выпавшие пряди волос за ухо. Кэш поворачивает голову с того места, где помогает Альфи распаковывать продукты, его лицо твердое, как камень, и мне вдруг становится страшно.

Она неловко смеется.

— Я просто домработница, а не его мама.

— Пойдем со мной, — кричит Кэш, хватая меня за руку и тащит по коридору в свою спальню.

Он захлопывает за собой дверь. Его подбородок опущен на грудь, а плечи напряжены. Когда он медленно поднимает голову, в его глазах закипает беспокойство. Я готовлюсь к тому, что будет дальше. Если он хочет выйти из себя из-за невинной ошибки, которую, черт возьми, мог бы предотвратить, представив меня сам, тогда хорошо, что он уладил эту вражду с русскими, и я могу свалить отсюда.

Едва не падаю с ног от того, что он делает дальше.

Я сталкиваюсь с его грудью, когда он тянет меня вперед, обхватив мое лицо руками. Все еще оправляюсь от шока, когда его рот прижимается к моему.

Чувствую, как его отчаяние излучается через ладони, сцепленные по обе стороны от моей головы. Он с жадной целует меня, уговаривая открыться нежным языком мой рот. Обхватываю его шею руками, это ощущение естественно и необходимо, как дыхание. Моя мягкая грудь прижимается к его твердой груди, а он опускает руку, чтобы схватить мое бедро и крепче прижать к себе.

Я тихо вскрикиваю, когда он тянет меня за волосы, чтобы откинуть мою голову назад. Его грудь поднимается и опускается в такт биению моего сердца.

— Она бы полюбила тебя, — шепчет он, в его голосе слышна боль. Мне не нужно спрашивать, о ком он говорит. Я узнаю эту боль, как свою собственную.

— Когда она умерла?

Его хватка, запутавшаяся в моих волосах, ослабевает, и он массирует мне затылок.

— Почти пятнадцать лет назад... — он резко заканчивает предложение, но его губы приоткрываются, словно он еще не закончил говорить. Я повторяю его движения, нежно поглаживая затылок, и жду. — У нее тоже была мишень на спине.

Он сглатывает и отказывается смотреть мне в глаза, когда я спрашиваю:

— Ее убили? — ему не нужно отвечать мне устно, чтобы я поняла. — Братва — это только начало, да? Пока я с тобой, то всегда буду в опасности.

— Нет, — он поднимает голову и повторяет: — Нет.

— Но...

— Я эгоистичный ублюдок, *кушле*. Я выбрал тебя. И никогда не отпущу, никогда не позволю никому забрать тебя.

Я не понимаю, что плачу, пока его покрытая чернилами рука не стирает слезу с моей щеки. Образ лисы, который раньше преследовал меня по ночам, теперь вытирает мои слезы. Зажмуриваю глаза и прислоняюсь к его ладони, позволяя себе хоть раз *просто почувствовать*.

Отбрасываю назад свои страхи и всю логику, которая кричит мне бежать. Я отбрасываю все это, пока не чувствую только тепло его ладони и ощущения в груди, привязывающие меня к нему. Чувствую, как мои легкие раздуваются, грудь прижимается к его груди, твердой и горячей. Держа глаза закрытыми, я наклоняю лицо вверх, приглашая его к поцелую.

Его губы снова встречаются с моими в испытательном порыве.

— Ты в моих венах, *Харлоу*, — на этот раз, когда он произносит мое имя, это крещендо боли, похоти, желания и самопожертвования. И я хочу утонуть в нем.

— Почему ты еще не трахнул меня? — шепчу я ему, и он вздрагивает, впиваясь зубами в губы. Его хватка на моем бедре становится сильнее, и я ожидаю, что он сорвет с меня пижамные шорты и нагнет над кроватью. Он угрожал сделать это много раз, и все же...

— Потому что после этого не будет пути назад. Как только я овладею тобой таким образом, ни один другой мужчина не сможет этого сделать. Ты моя, *кушле*. Я признал, что принадлежу тебе, но не переступлю эту черту, пока ты не признаешь, что тоже принадлежишь мне, — он проводит пальцем по раковине моего уха, и мое дыхание сбивается. — Как только я сделаю эту идеальную киску своей, то привяжу тебя к кровати, если ты попытаешься уйти. Буду трахать тебя до тех пор, пока твои ноги не станут не смогут убежать. Я сожгу весь город, пока не останемся только ты, я и пепел, так что у тебя не будет выбора, кроме как остаться.

Я обдумываю его слова, деликатно, как с гранатой. Только не знаю, вынута ли чека. Но точно знаю, что не смогу принять удар, пока не подберу осколки, которые оставил после себя Убийца из Джун-Харбор.

Скользу руками от его шеи к груди.

— Я не могу давать тебе никаких обещаний, пока не выполню свое обещание ей.

— Знаю, — он накрывает мои руки, лежащие на его груди, своими. — У этого ублюдка нет ни единого шанса.

— Как вы его назвали?

— Висячий Даг, — мы вернулись в хранилище Кэша, и последние несколько минут он возится с компьютером. Когда я рассказала Кэшу свою теорию о Даге, он понял, о ком я

говорю. Наверное, плохо одетые мужчины все-таки запоминаются.

— Мы бы подружились с твоей Бет, — он смеется, но у меня сдавливает грудь. — Отличное чувство юмора.

— Ты когда-нибудь виделся с ней? — я пытаюсь представить, что бы Бет сказала мне сейчас о Кэше. Наверное, предупредила бы, что он психопат-убийца, но если он делает меня счастливой, то это самое главное. Бет очень верила в то, что любовь побеждает все. Она обожала любовь. Возможно, именно поэтому из нее получилась такая хорошая танцовщица. Она обожала места, где царит чувственность и романтика.

— Не знаю. Может быть, — Кэш пожимает плечами, не отрывая глаз от экрана.

— Ты бы ее запомнил, — смеюсь я.

— Сомневаюсь, — он поворачивается в кресле лицом ко мне. — Никто не запечатлелся в моей памяти так, как ты. Даже если бы я больше никогда не увидел тебя после того момента в кафе, я бы помнил каждый твой дюйм до самой смерти.

Я проклинаю бабочек и краснею, незаметно реагируя на его слова.

— Стелла была права насчет тебя, ты королева драмы.

Он усмехается, вытаскивая меня из кресла и усаживая к себе на колени.

— Король, детка. Я — король драмы, а ты — моя королева, — он щекочет мою шею своим смехом, покусывая кожу зубами. — Познакомься с мистером Тинни-Вилли, — он поворачивает нас в кресле, чтобы показать мне черно-белый снимок с камеры наблюдения на компьютере.

На снимке Бет разговаривает с молодым белым мужчиной в черной толстовке с откинутым капюшоном. У меня сразу же забурчало в животе, от черного капюшона затощило. *Желтый, черный, красный, черный, черный, черный.* Я заставляю себя не отрывать взгляд от экрана.

Его голова коротко подстрижена, и он выглядит на несколько лет моложе нас. Ее руки защитно скрещены над крошечным танцевальным бюстгалтером. Даже в ее высоких сценических туфлях он все равно на несколько дюймов выше ее.

— Нет, этого не может быть. Даг был старым мерзавцем. Этот парень слишком молод.

— Не знаю, что она тебе сказала, но это человек, которого Декстер неоднократно выгонял из клуба, — у меня в голове крутятся шестеренки. Бет не стала бы лгать мне о чем-то подобном, у нее не было для этого причин. У нее не было причин защищать этого парня на снимке.

— Без обид, но в стрип-клубах не так уж мало извращенцев. Это просто очередной озабоченный засранец.

— Это он, — настаивает он.

— Почему так уверен? Ты знаешь, кто он?

— Нет, он призрак. Я использовал все свои ресурсы, и никто не знает его, — это разочаровывает, но не удивляет. Я уверена, что он был бы уже в шести футах под землей, если бы Кэш имел хоть малейшее представление о том, кто он такой.

— Я хочу поговорить с Дексом, — говорю я, но наклоняюсь вперед, чтобы рассмотреть каждую черточку этого человека. Понять, есть ли в нем что-то знакомое.

— Я подумал, ты могла бы...

— Подожди, подожди, можешь увеличить его руку? — ракурс ужасный, но я вижу, что вдоль основания большого пальца есть темное пятно. Остального не разглядеть, но похоже, что пятно продолжается на тыльной стороне руки.

— Блин, ни черта не видно, — расстроено шиплю я, когда Кэш увеличивает изображение, но лучше не становится. — Есть другие ракурсы?

— Руки не видно. Мы уже проверили, — категорично заявляет Кэш.

— Ну и ладно, потому что я сомневаюсь, что это тот Даг, о котором говорила Бет.

Мы сворачиваем на дорогу, которую я так хорошо знаю. У меня замирает в груди и потеют ладони. Я начинаю жалеть, что приехала сюда. Декстер наверняка встретил бы нас в другом месте, если бы я попросила.

Черт, черт, черт. Паника, бьющая по грудной клетке, нарастает.

Лицо Кэша остается бесстрастным, когда он поворачивает руль на парковку «Персика». Днем все выглядит совсем по-другому. Неоновая вывеска приглушенно светится в солнечном свете без контраста темной ночи. Входная дверь закрыта, не трещит от музыки и не пропускает ярких огней. Декс не стоит там и не желает нам спокойной ночи.

Лужи, в которых желтый цвет. Размытый красный. Черный. Еще больше красного.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — понимаю я, когда он заглушает двигатель. Липкий пот выступает у меня на лбу, а в животе бурлит.

— Понял, — говорит он спокойно, и сразу же напоминает мне о том, насколько это отличается от реакции Бет. Она бы паниковала, но пыталась сохранять спокойствие ради меня, а на самом деле бесилась бы, потому что ненавидит рвоту.

Он выходит, и на секунду я думаю, что он оставит меня здесь одну. Но потом он открывает дверь с моей стороны и, подхватив мои ноги под колени, вытаскивает из машины.

— Давай, детка, все в порядке. Просто положи голову между коленями, — он гладит меня по щеке, скользит рукой к моему затылку и мягко толкает вниз. Это совсем не похоже на тот безжалостный способ, которым он заставил меня глотать его член несколько дней назад. Он ласково и ободряюще помогает мне дышать.

— Вот так. Умничка, — он круговыми движениями гладит вверх и вниз по моей спине, пока я зажимаю голову между коленями. Кровь эхом отдается в ушах, когда я сосредотачиваюсь на том, чтобы заглушить желчь, пытающуюся проползти по моему пищеводу. — Ты хорошо справляешься, продолжай дышать.

Я слышу, как мимо проезжают машины, для них это обычный день. Город никогда не останавливается, чтобы оплакать или хотя бы осознать, что он потерял. В течение недели после убийства в газетах каждый день появляются статьи, пока не иссякнут все зацепки и они не сосредоточатся на новой видах горилл в зоопарке или на шеф-поваре, обвиненном в сексуальном насилии.

— Как ты себя чувствуешь? — я слышу Кэша отстраненно, хотя он находится прямо передо мной. — Харлоу, посмотри на меня, — теперь это похоже на приказ. Потому что это и есть приказ.

Я поднимаю голову, чтобы встретиться с его глазами, когда он приседает передо мной.

— Вот так, — его голос снова стал нейтрально нежным, и он проводит костяшками пальцев по моей челюсти. — Как ты себя чувствуешь?

Я беру минуту, чтобы по-настоящему оценить свои ощущения, и понимаю, что мне больше не плохо. По крайней мере, физически.

— Лучше.

— Моя девочка, всегда борется. Можешь встать? — я киваю головой. — Пойдем внутрь.

— О, привет, — Декс машет мне рукой со своего места в баре клуба. — Как дела, милая? — его глубокие карие глаза туманятся, и это трогает мое сердце. Я не единственная, кто потерял дорогого человека. Бет оставила особый след.

Я думала, что только мне одной так больно, потому что ее семья, казалось, не заинтересована в восстановлении справедливости, но теперь понимаю, что это потому, что у них свои планы, не связанные с полицией.

— Странно. Быть снова здесь. Без нее, — мои слова обрываются, когда я сжимаю челюсть, сдерживая новую волну слез. Единственное, что не дает им пролиться, это рука Кэша, скользнувшая в мою, переплетающая пальцы, чтобы удержать меня, не дать уплыть в океан переживаний.

Декстер вздыхает и понимающе кивает. Я сажусь на табурет рядом с ним.

— Этот бритоголовый парень не может быть Висячим Дагом.

— Кто? — он растерянно смотрит на меня, но его немного забавляет этот эпитет.

— Висячий Даг. Парень, который постоянно пробирался, чтобы домогаться Бет? Он отшлепал ее во время приватного танца, а у него даже не встал... отсюда и прозвище.

— Я ничего не знаю о приватном танце, но это единственный ублюдок, который смог пробраться внутрь, — Декстер отстукивает ритм по своей банке с колой.

— Должен быть еще один парень, нужно просмотреть записи и... — я вспоминаю, что Кэш сказал в тот день, когда мы столкнулись с Лео. Тогда я не обратила на это внимания, но... — Подожди, разве ты не сказал Лео, что запись потерялась? — я поворачиваюсь к Кэшу, который крутит зубочистку между зубами.

— Я не собираюсь отдавать человека, который выставляет меня серийным убийцей, полиции. Если он наш человек, лишь я могу отправить его обратно к Создателю.

— Ты утаил улики? — это звучит глупо, как только покидает мои уста. *Конечно, Кэш Фокс скрыл улики.* Это практически его должностная инструкция. Но это меня не успокаивает. — Даже если ты не смог его опознать? Ты потратил чертотыни недели, сидя на месте, а полиция могла бы искать его.

— *Куишле...*

— Не *куишлей* мне, эгоист, — его глаза застывают в той отстраненной манере, которую он делает прямо перед тем, как применить насилие, поэтому я говорю раньше, чем он успевает. — Хочу поговорить с Декстером наедине. Пожалуйста, — горько добавляю я.

— Я подожду здесь.

Как только он усаживается за несколько столиков от бара, я снова обращаюсь к Декстеру.

— Хорошо, помогите мне понять. Зачем Бет придумывать какую-то историю о придурке с маленьким членом?

— Я не знаю, что тебе сказать, — он пожимает плечами с замиранием в голосе, как будто разочарован, что не может быть более полезным. И боже, как мне знакомо это чувство.

— Ну, если этот парень не домогался до Бет сексуально, то чего он хотел и как он пробрался? У вас, ребята, строгая охрана.

— Я не знаю, чего он хотел, но никогда не видел, чтобы он прикасался к ней. Мы не знали, как он продолжал проникать, но никогда не рассматривали этот вопрос, пока она... ну, ты поняла, — видеть, как этот огромный мужчина давится словами, больно. — В то

время он казался безобидным — раздражающим, но безобидным. После этого Финн проверил нашу систему и понял, что он взломал сигнализации и отключил ее на несколько секунд, чтобы проскользнуть внутрь, но система никогда не отключается надолго, чтобы зря не тревожить владельцев... Это имеет смысл?

— Да, имеет, — и это невероятно умно. Если у него был доступ к системе сигнализации, кто знает, к чему еще? Но я все еще не понимаю, зачем все это делать, чтобы просто поговорить с Бет. — И ты понятия не имеешь, кто он?

— Никакого, — *черт*.

— А что насчет его руки? Ты помнишь татуировку?

Он делает глоток, а его брови хмурятся, как будто он изо всех сил пытается вспомнить.

— Знаешь, у него было родимое пятно на руке. Довольно большое. Я помню, потому что сначала подумал, что это кровь, но после второго взгляда стало ясно, что это не так.

— Что ж, спасибо, что всегда присматривал за нашей девочкой. Мы найдем этого урода, — хотя сейчас я совсем не чувствую уверенности в этом. Слова звучат шаблонно и банально. Я хлопаю его по плечу и спрыгиваю с табурета.

Кэш расслабленно сидит на стуле, набирая что-то на своем телефоне. Мне хочется выхватить у Декстера газировку и швырнуть ему в лицо. Наглый засранец.

Мы молча садимся в машину Кэша. Я сижу в тишине, все еще злясь, что он солгал копам. Я не ожидала, что они с Лео будут заплетать друг другу волосы, но если он не смог опознать Дага, то зачем тогда держаться за него? *Мужчины со своим эго*.

Кэш говорит первым, его взгляд устремлен на дорогу, а кулак крепко сжат на рычаге переключения передач.

— Ты понимаешь, что если я не смог выяснить его личность, то нет абсолютно никаких шансов, что твой свинтус сможет, — его челюсть дрожит, и я поражена тем, что он говорит о наших с Лео несуществующих отношениях.

— Ты забыл тот незначительный инцидент, когда Лео держал тебя на мушке, а я все равно выбрала тебя? — огрызаюсь я. — Забыл, что засунул руку мне в штаны в лифте и после этого устроил припадок гнева?

Боже, ну что за человек. Будто все, что он сказал сегодня утром, было лишь пустыми словами и пустыми обещаниями.

Я жду, что он ударит кулаком по рулю и разразится яростью, но вместо этого он просто смеется, искренне.

— Не буду врать, мне до жути понравилось выражение его лица, когда ты сказала ему, что я лучше. Он всегда в полете.

— У вас есть история за пределами этого дела, не так ли?

— Ничего серьезного. Он просто обиженный неудачник. Попытался повесить что-то на меня еще со времен своей банды. Не могу представить, как он обрадовался, когда подумал, что ты можешь опознать меня как убийцу.

— На самом деле он был очень зол. Он знал, что у тебя надежное алиби. Но если говорить о твоей татуировке... Декс сказал, что у Дага было родимое пятно на руке, это может быть то, что мы видели на фотографии. Возможно, он имитировал тату, чтобы скрыть свою столь же заметную отметину.

Он бросает на меня взгляд и кладет руку мне на бедро.

— Вот теперь правильные мысли, — он сжимает мою ногу и пытается провести ладонью выше, но я отстраняю его.

— К твоему сведению, я все еще злюсь из-за того, что ты скрыл записи с камер наблюдения. Меня не интересует твоя перепалка с Лео. Мне важно найти убийцу Бет, глупо и эгоистично хранить их после того, как ты зашел в тупик.

— Если пытаешься, заставить меня вымалывать прощения, вылизывая прекрасную киску до тех пор, пока ты не перестанешь чувствовать ноги, можешь просто попросить, — он хихикает и пытается положить руку обратно.

Я отдергиваю ее.

— Боже, я тебя ненавижу, — я прикусываю язык, чтобы тоже не рассмеяться.

— От ненависти до любви один шаг, куишле.

Остаток пути я смотрю в окно, чтобы он не увидел моей улыбки. *Ублюдок.*

ГЛАВА 18

Когда она падает

Кэш

Харлоу забавная. Она любит отдавать контроль, но при этом борется до крови под ногтями за то, чтобы получить хоть кусочек контроля. Я говорю ей встать на колени и сосать, как хорошая маленькая шлюшка, а она держит язык наготове и ждет.

Я говорю ей, что мне нравятся ее длинные и светлые волосы, и на следующее утро она заходит на кухню с волосами оттенка еще темнее и остриженными до плеч.

Она входит, слегка приподняв брови, как будто не знает, почему я смотрю на нее, но подергивание губ выдает, как она забавляется. Моя малышка не промах.

— Ты знаешь, что мы говорили о трахании глазами... — она поджигает губы и занимает свое место у стола. По привычке она опирается локтями на стойку, пока я не подношу ей свежую кружку с кофе.

— Ты все еще адски горяча, и мой член так же твердеет, — я подливаю ее любимое соевое молоко в горячий кофе, и она сдерживает улыбку. Похлопываю по столешнице перед собой. — Запрыгни сюда, раздвинь свои красивые ножки, и я покажу кое-что.

Она делает глоток кофе и буравит меня взглядом. Засматривается на золотом кресте, висящем между расстегнутыми пуговицами моей черной рубашки. Насмехается.

— Интересный выбор.

— И почему же?

— В тебе нет ничего святого, Кэш Фокс, — от того, как она произнесла мое полное имя, у меня член напрягается в брюках.

— Кроме тех случаев, когда я заставляю тебя видеть Бога. Как бы ты назвала это, если не святостью? — она поперхнулась кофе, и я наслаждаюсь румянцем, ползущим по ее щекам. — Ты сомневаешься во мне, *кушле*?

— Я сегодня уйду, — заявляет она, похоже, переняв мою привычку игнорировать вопросы, на которые я не хочу отвечать.

— Хорошо, я с тобой.

— Нет. Если Братва больше не представляет для меня угрозы, я пойду одна. Не могу же я явиться на встречу с нянькой? — мой мозг быстро обрабатывает каждую едва уловимую подсказку, что она лжет мне в лицо.

Ее голос поднимается нехарактерно высоко. Она переводит взгляд на мой лоб и снова на глаза — пытается сохранить зрительный контакт, но физически не может. Добавляется нахальство, которое она, должно быть, считает убедительным, хотя на самом деле это мертвая улика.

— Как ты смогла договориться о встрече без телефона? — я знаю, что она так и не достала свой старый телефон, потому что я сам обчистил ее шкафчик.

— Я взяла свой ноутбук из квартиры на днях, — еще одна ложь. Ее ноутбук был зажат в диванной подушке, когда я пробрался в ее квартиру.

— Ты знаешь, что тебе больше не нужно работать, если ты не хочешь, — она смотрит на меня так, будто ждет продолжения.

— Точно, — она смеется. — Потому что полагаться на тебя в плане физической

безопасности недостаточно, я должна полагаться на тебя и в плане финансов.

Я делаю вид, что не слышу ее, и достаю свой телефон. После минуты или двух молчания, пока я делаю вид, что игнорирую ее, разговаривая по телефону, она встает, надувшись.

— Ладно, здорово поговорили. Мне пора идти.

— Договорились, — говорю я и убираю телефон обратно в карман. Она покачивает бедром и смотрит на меня. — Я думаю, что пяти миллионов должно хватить на первое время. А ты как думаешь?

Она вытаращилась.

— Пять миллионов чего?

— Долларов, конечно. Перечислены депозитом на счет, который ты дала для «Логова». Они твои. Я не могу забрать деньги обратно.

— Ты шутишь, — она проводит руками по своим подстриженным волосам.

— Я серьезен, как сердечный приступ.

Ее глаза расширяются, как будто ей только что сказали, что она выиграла в лотерею — думаю, так оно и есть. Но затем она смотрит на меня с бесстрастным видом.

— Я все равно пойду без тебя.

— Отлично. Роман пойдет за тобой, — я скрещиваю руки и игнорирую трепетание в животе, видя, как она взволнована.

— Нет. Одна — значит без тебя, без Романа, без Альфи. Без всех, — она зеркально отражает меня и скрещивает руки, выпячивая подбородок.

— Ладно. Увидимся позже, — я ставлю свою пустую кружку в раковину и направляюсь к дивану.

— Правда? Вот так просто? — она смотрит на меня с подозрением, явно не ожидая, что я так легко уступлю. Черт, как же мне нравится дразнить ее. Она покусывает щеку, осмысливая, а ее голубые глаза внимательно изучают меня, ища что-то, но не зная, что именно.

— Хорошего дня, — говорю я искренне и переключаю свое внимание на журнал.

— Ладно... пока? — я наблюдаю, как она нерешительно идет вперед на периферии. Ее круглая попак втиснута в светлые джинсы, и над высокой талией виднеется кусочек кожи. У меня возникает искушение задрать футболку и посмотреть, нет ли там следов от моих пальцев.

— Твоя задница сегодня выглядит чертовски фантастически, — говорю я, не поднимая глаз. Практически слышу, как она закатывает глаза, выходя из квартиры.

Жду тридцать секунд, затем снова достаю телефон. Слышу звук из коридора.

— Привет, босс, — Альфи отвечает еще до второго гудка.

— Следуй за ней.

Моя кровь закипает, и я больно сжимаю телефон.

— Спасибо за новости, — сбрасываю звонок и бросаю устройство через всю комнату. Он летит в фотографию в рамке, разбивая стекло.

Когда Альфи позвонил, чтобы сообщить мне о маленькой экскурсии Харлоу, я подумал о таком варианте, но надеялся, что это не так. Я не понимал, как сильно надеялся, пока не услышал его слова, и в моем нутре взорвалась бомба.

Она пошла в гребаный полицейский участок. Сразу же вернулась к своему ебаному детективу. Мои зубы скрежещут, когда я представляю, как его склизкие руки бродят по ее изгибам, изгибам, которые принадлежат мне.

Лео это, Лео сё. Я должен был догадаться, когда она не назвала его ни по фамилии, ни по должности. *Разум затуманился от девки, как у настоящего придурка.*

Дергаю за воротник, чувствуя себя слишком тесно в собственной коже.

Она моя. Она моя, черт побери.

Следующие десять минут я думаю о том, как вытаску ее из этих обтягивающих джинсов и буду бить рукой по ее заднице, пока не перестану чувствовать ладонь. Хочу, чтобы она ходила со следами несколько дней, чтобы этот ублюдок знал, кому она принадлежит.

Я слышу, как она приветствует Романа в коридоре. Ее голос фальшиво миленький. Лгунья. Мои мышцы дрожат, когда ручка двери поворачивается и она входит, улыбка тут же спадает, как только она видит меня. Она знает, что облажалась, и поплатится за это.

— Как прошла встреча? — годы практики позволяют мне сохранять ровный и спокойный тон. Она застывает в нескольких шагах от меня, приковав взгляд к конверту в своих руках. Моя челюсть скрежещет от ее отказа встретиться со мной взглядом.

Я расставляю и снова скрещиваю ноги, тело болит от желания вскочить и встретиться с ней лицом к лицу.

— Я задал тебе вопрос, — я не могу сдержать рычание, которое вырывается наружу.

Ее дыхание сбивается и вырывается в неровных попытках перевести дух, и я понимаю, что ее руки дрожат, обхватив конверт. Она застыла, словно не слыша меня. Раздраженный отсутствием реакции, но в то же время чувствуя, что что-то не так, я неспешными шагами приближаюсь к ней.

Остановливаюсь, и она медленно поднимает подбородок. Слезы заливают ее глаза, а ноздри раздуваются синхронно со вздымающейся грудью, когда она пытается отдышаться. В ее глазах страх, и это не страх передо мной. Нет, она смотрит на меня в поисках помощи, спасения от ужаса, который ее преследует.

В одно мгновение раскаленная ярость, кипящая в моих венах, становится ледяной.

— Что случилось? Ты ранена? — я с трудом узнаю защитное рычание в собственном голосе.

Она протягивает мне конверт. Я вытаскиваю один лист бумаги — фотографию. На другой стороне напечатаны слова, набранные на печатной машинке:

Хрю-хрю. Разговариваешь со свиньями, значит тебя порежут как свинью.

Я переворачиваю фотографию. Сразу же узнаю этот снимок. Он сделан в тот день, когда я привел Харлоу в ее квартиру. Харлоу, Лео и я стоим на тротуаре возле моей машины. Она держит свою руку на бицепсе Лео, и очевидно, что они разговаривают.

Моя кожа покрывается мурашками от того, что это значит. *От кого это.* Он нашел нас, он нашел ее.

— Он убьет меня, — ее голос шокирует отсутствием эмоций, сухой и пустой. У меня колит сердце. — Он убьет меня, прямо как ее. Он был как робот, просто наносил удары снова и снова, снова и снова...

Я засовываю фотографию и конверт в карман и зажимаю ее лицо между ладонями.

— Детка, посмотри на меня...

— Было так много крови, Кэш. Так много красного, много черного, — ее глаза встречаются с моими, но ее там нет. Она где-то в другом месте, смотрит сквозь меня. — Он

убьет меня, — повторяет она, и я ловлю ее, когда у нее подкашиваются ноги, глаза остекленели.

Ее паническая атака достигла предела, мозг отключается. Ее тело падает на пол, но я удерживаю ее в вертикальном положении.

— Сейчас я подниму тебя, детка.

Она похожа на тряпичную куклу, когда я беру ее на руки, но, когда она обхватывает меня за шею, мое сердце опять болезненно сжимается, как будто его обмотали колючей проволокой.

— Умница, держись за меня вот так. — я прижимаюсь носом к ее волосам и крепко хватаю ее, пока несу в свою комнату. Ее сандалии соскальзывают с болтающихся ног и грохочут по полу.

Я сажу ее на тумбу в ванной и ненадолго отхожу, чтобы включить воду. Возвращаюсь и целую ее в лоб, потом в нос, потом в каждую щечку, пока медленно поднимаю ее руки вверх и стягиваю через голову футболку. Затем расстегиваю лифчик, а потом берусь за пуговицы джинсов.

— Подними бедра, *кушле*, — она кладет руки мне на плечи для поддержки, приподнимаясь, и я спускаю джинсы вниз по бедрам вместе с трусиками.

Она сидит передо мной обнаженная, чертовски красивая и разбитая. У меня столько вопросов, на которые я хочу потребовать ответа, чтобы найти того ублюдка, который причинил ей боль, но вместо этого поднимаю ее на руки и осторожно опускаю в большую ванну. Теплая вода поглощает ее, пар витает вокруг.

Прижимает колени к груди, и мне хочется, чтобы она огрызнулась на меня, сказала какую-нибудь умную колкость. Капельки пара конденсируются на ее плечах, и мне хочется укусить росистую плоть, только чтобы она укусила в ответ. Видеть, как она выбивается из сил, — одна из самых болезненных вещей, свидетелем которых я когда-либо был.

Я беру ковшик со стойки и кладу ее вместе с бутылками шампуня и средствами для мытья тела на полку рядом с ванной — той же марки, как у нее в квартире. Я запомнил, когда проводил свою небольшую разведку, и попросил Донну купить такие же. Раздеваюсь и залезаю к ней. Ее тело снова расслабляется, отчего ком в моем горле исчезает.

— Откинись назад, детка. Я держу тебя, — обхватываю руками ее мягкий живот, и она вытягивает ноги так ровно, как только может.

— Я всегда буду ловить тебя, когда ты будешь падать, — шепчу я ей в волосы.

Держу ее так еще пару минут, пока ванна не наполняется. Выключив кран, мы прижимаемся друг к другу и делаем несколько совместных вдохов. Наношу на мочалку немного лавандового геля и чувствую огромное облегчение, когда ее мышцы продолжают расслабляться, когда провожу мочалкой по ее конечностям.

— Хочешь рассказать мне, что случилось?

— Нет, — это короткий, односложный ответ, но в нем много эмоций. *Моя девочка возвращается ко мне.*

— Все в порядке, — я собираю ее волосы у основания шеи и зачерпываю ковшиком в воду. — Наклони голову назад, детка, — она прекрасно следует указаниям, мягко вздыхая, закрывает глаза и делает, как я говорю. — Идеально, — *ты идеальна*, хочу я сказать.

Наливаю воду на волосы, раз за разом, пока они не намокают. Затем осторожно втираю шампунь в кожу головы, мой член непроизвольно утолщается, когда она издает сладостный стон. Я массирую кончиками пальцев дольше, чем нужно, но она выглядит такой

умиротворенной от этих процедур, что я не могу заставить себя остановиться. Кругами массирую вдоль ее висков, и складка, застывшая между ее бровями, исчезает.

В конце концов, перехожу к следующему этапу: смываю шампунь перед нанесением кондиционера. Как только наношу его на пряди, она тянется назад и скручивает волосы в пучок, закрепляя его резинкой с запястья. Убрав волосы, она откидывается назад и кладет голову в ложбинку между моим плечом и шеей. Необъяснимая сила сжимается вокруг моих легких, когда она нежно целует мою горячую кожу.

Она давилась моим членом, позволила вымазать имя на груди спермой, трахала мой язык, и все же каким-то образом этот маленький поцелуй оказался более интимным, чем все, что было. В нем нет ни злобы, ни раздражения. Это даже не похоть. Это благодарность.

И я чувствую себя в высшей степени недостойным.

Может быть, если смогу подобрать все ее разбитые частички и собрать их обратно, это излечит и мои разбитые останки, которые засоряют мою душу.

Заканчиваю купать ее, вода уже остывает, затем помогаю ей выйти из ванны и заворачиваю ее в пушистое полотенце. Несу ее к своей кровати, откидываю одеяло и кладу на простыни, ее кожа покраснела. Растяжки, расползающиеся по бедрам и внутренней поверхности бедер, раньше были фиолетовыми, а теперь стали светло-розовыми. Я бросаю мокрое полотенце на пол и встаю у изножья кровати, рассматривая ее.

Ее грудь поднимается и опускается в ровном темпе. Капельки воды стекают с ресниц, а ее круглый животик выглядит мягким и приглашающим для поцелуев. Так что именно это я и делаю.

Заползаю на кровать и начинаю с ее ног, целую каждый пальчик, затем стопы. Я перехожу поцелуями от лодыжки к колену, а затем вверх по ляшкам, проводя языком по безупречным узорам на растянутой коже.

Такая чертовски великолепная, что трудно дышать.

Провожу носом по лону и прижимаюсь губами к складкам ее бедер по обе стороны. Они дергаются, и я на мгновение замираю там, щекоча ее дыханием.

Кончики ее пальцев тянутся, чтобы погладить мое плечо, руками скольжу по ее бокам. Мы не обмениваемся словами, только синхронно дышим, и ее небольшие вздохи гармонируют с тишиной.

Я продолжаю свой путь вверх по ее телу, целую каждый мягкий сосок. Каждую грудь. Впадинку горла, вплоть до нежного места за ухом. Мое обнаженное тело нависает над ее телом, жар между нами притягивает нас друг к другу.

Поддаюсь притяжению и переворачиваю ее на бок, обхватывая ее руками и прижимая к себе. Изгиб ее задницы прижимается к моему члену. Я кайфую, держа ее вот так, но она берет мою руку и просовывает ее между ног.

Направляя, проводит ими по своей щели и раздвигает складочки. Резко вдыхает, когда мои пальцы проводят по ее клитору. По собственной воле я надавливаю сильнее, и она выгибается назад, едва слышно поскуливая.

— Ты этого хочешь, детка? — я чувствую, как по ней пробегает дрожь, когда шепчу ей на ухо.

Убрав свою руку с моей, она закидывает ее назад и обхватывает мою шею, притягивая ближе.

— Пожалуйста, — и снова это доверие и благодарность, прозвучавшие в ее словах, отчего мой желудок делает сальто.

Я делаю медленные и нежные движения вокруг ее клитора, из-за смазки мои движения плавные. На ухо говорю ей, как она прекрасна, как потрясающая, как чертовски совершенна, чем быстрее ее дыхание учащается, чем ближе она подходит к краю пропасти. Мой член твердеет вокруг ее булочек, и она сладко двигается взад-вперед.

Это самое близкое действие к «занятие любовью», которое я когда-либо делал.

Даже когда ее хныканье переходит в отчаянные стоны, в этом нет ничего поспешного. Все медленно и сладко, пока ее ноги не начинают дрожать, а ногти не впиваются в мою шею.

— Вот оно, милая девочка. Дай мне. Все в порядке, можешь отпустить меня. Я никуда не уйду. Я соберу все твои кусочки.

— А-ахх... — скулит она, пока оргазм не прорывается сквозь нее беззвучным криком, ее рот открыт в болезненном блаженстве.

— Хорошая девочка, так прекрасно кончила для меня.

Она тает во мне, глубоко дыша, пока в какой-то момент не расслабляется, чтобы заснуть, крепко обхватив меня руками.

ГЛАВА 19

Пульс моего сердца

Кэш

Я просыпаюсь, чувствуя себя расслабленно. Обнимаю Харлоу, ее нога перекинута через мое бедро, а щека прижимается к моей обнаженной груди. Между нашими телами — легкая тягучесть, блеск пота. Но я не возражаю. Это напоминает о том, как влажный пар из джакузи оседал на ее коже, нежные капли воды каскадом стекали по изгибам ее тела.

Я не замечаю, что она тоже проснулась, пока она не начинает проводить пальцем вверх и вниз по моей груди. Она кажется такой довольной, что я боюсь пошевелиться, не желая разрушить этот момент. Ее обнаженная рука контрастирует с моим торсом, покрытым чернилами с серым оттенком. Я не могу удержаться, чтобы не протянуть руку и не провести кончиками пальцев по ее предплечью, лежащему на моей груди. Мурашки бегут по ее коже от прикосновения, и осознание того, как я воздействую на нее, посылает тепло по моему позвоночнику.

— Доброе утро, прелесть, — бормочу я ей в волосы.

— М-м-м, — она прижимается. Я крепче обхватываю ее рукой и сжимаю ее попку, притягивая ближе. Как сонная кошка, она сворачивается обвивает меня. Чуть-чуть задевая ногой мой член.

— Как себя чувствуешь, детка?

— Не хочу говорить об этом. Пока не хочу, — ее голос хриплый со сна. Она смотрит на меня сквозь ресницы, ее голубые глаза отражают безопасность, которую она чувствует рядом со мной — совсем не то, что ужас, охвативший их прошлой ночью. — Я просто хочу побыть Кэшем и Харлоу. Ни Братвы, ни Дага, ни записок, ни убийств... — она прерывается, и я чувствую, как ее тело начинает напрягаться.

Отчаянно желая подарить ей ленивое утро, я глажу ее по щеке и прижимаю ее рот к своему. Мгновенно она снова становится мягкой, ее тело трётся о мое, как будто всегда было предназначено для этого.

— Какой твой любимый цвет, *кушле*? — шепчу я ей в губы.

— Розовый, а что? — губы изгибаются в улыбке.

— Просто знакомлюсь с Харлоу.

Она улыбается и целует меня в челюсть.

— Какое твое любимое животное? — спрашивает она с легким смешком.

— Лиса. Думаю, это очевидно, — я смеюсь и слегка шлепаю ее по заднице. — Одно блюдо, которое ты могла бы есть каждый день?

— Макароны с сыром и хот-доги, — я поднимаю бровь на ее ответ.

Она проводит пальцем от грудины до внешней стороны ребер, поглаживая буквы «*chuisse*», вытатуированные на моем боку. Я понял ее вопрос еще до того, как она открывает рот.

— Что тут написано?

Я хочу, чтобы она знала, как много значат эти слова, но по какой-то причине я все еще нахожу в себе силы дать простой ответ, ответ, который не раскроет мое сердце.

— Пульс моего сердца.

Она спрашивает еще.

— На ирландском?

— Мама говорила это нам. Дословный перевод «Пульс моего сердца», но еще означает «моя возлюбленная, моя дорогая».

— Расскажи о ней, — она приподнимается на локте, чтобы лучше меня рассмотреть, ее лицо любопытно. — Пожалуйста.

Я вздыхаю, плохо зажившие трещины на моем сердце раскалываются.

— Она выросла в Ирландии. Мой отец познакомился с ней, когда в конце двадцатых годов поехал туда навестить родственников. Он должен был остаться только на лето, но вернулся только через два года с женой и новорожденным мальчиком, — легче говорить в таких широких терминах, отстраняясь от повествования, рассказывая, как историю, а не как свою жизнь.

— С тобой.

— Да. Вообще-то, «Логово» был запоздалым свадебным подарком отца маме. Она всегда хотела владеть пабом и как раз собиралась заняться пабом своего дяди в Ирландии, но им пришлось переехать в Штаты. Отец был не из тех, кто отказывал матери в ее желаниях, — он был непостоянным человеком, но, когда дело касалось ее, как влюбленный мальчик, всегда нежный, добрый. И мне становится стыдно за то, как я относился к Харлоу.

— Наверное, было приятно иметь шеф-повара в семье, — она мягко улыбается, но немного тоскливо. Я делаю мысленную пометку потом выяснить почему.

— Вообще-то, она была ужасным поваром. Но наливала отличный «Гиннес», — я тихонько усмехаюсь. Ее глаза снова буравят слова, и мое сердце нервно бьется.

— А как это правильно произносить по-ирландски? — я прикусываю губу и притягиваю ее к себе, положив руку ей на бедро, а другую на щеку.

Она прижимается к моим бедрам, и я тяну ее, чтобы поцеловать. Не знаю, почему я так нервничаю. Я чуть не умер больше раз, чем могу сосчитать. Не было ни одного дня, чтобы я не совершил что-нибудь безрассудное или опасное. И все же целую ее, как умирающий, борющийся за освобождение.

Мы отстраняемся, и на ее лице застывает скромная улыбка, щеки розовеют и теплеют под моей ладонью. Она так чертовски красива, что это причиняет мне физическую боль.

— Будешь меня так целовать, и я забуду, что ты игнорируешь мой вопрос, — она щиплет меня за нос. — В который раз.

Сквозь грохот в груди я произношу слова, которые отпечатались в моем сердце.

— *Кушле моу кхри*⁹, — она замирает, услышав слово, которым я ее называл. Тяжело выдыхает, и я знаю, что она понимает, что это не просто слово, не просто милое ласкательное обращение. Это я делюсь с ней единственным чистым видом любви, который когда-либо знал. Единственной хорошей частью моего сердца. Часть, в существовании которой я часто сомневаюсь.

Она начинает покачивать бедрами с неуверенными движениями, как будто ее тело подсознательно стремится к моему. Соки из киски скользят по моему члену.

— Скажи это еще раз.

Я прижимаю ее бедра к своим, усиливая трение, отчетливо произнося каждый слог:

— *Куши-ле моу кхри*.

Она пытается повторить это, но ей не хватает правильного гортанного хрипа. Тем не менее, ни одно слово еще не звучало так сладко.

Мой член утолщается, и она приподнимается, садится и выгибает спину, подавая таз вперед, чтобы скользить своей киской вверх и вниз по стояку. Я шиплю от теплого и дразнящего ощущения ее смазки.

— Такая мокрая, детка. Так хорошо, — она только стонет в ответ, поглаживая свой клитор. — Блять, чего бы я только не отдал, лишь бы почувствовать, как эта тугая киска сжимает мой член.

Ее глаза переходят на мои, которые уже выглядят пьяными от удовольствия.

— Еще нет. Я хочу оседлать папочку вот так, — она наклоняется вперед, кладет ладони мне на грудь и трется сильнее, вырывая стон из моего горла. Я хватаю ладонями ее круглую попку, помогая ей двигаться суда-сюда.

— Ах-да... — лепечет она, и этот звук что-то во мне щелкает, я шлепаю ее по заднице с жестокой силой. Она вскрикивает, но падает вперед, призывая пошлепать, пока она целует меня. Поцелуй, который быстро превращается в прикусывание губы, которую она резко дергает при каждом шлепке.

— Какая хорошая девочка, отлично справляешься. Папочка шлепает тебя, как грязную маленькую шлюшку, — ее тело подергивается каждый раз, когда она проводит по своему клитору, красивая мелкая дрожь, от которой у меня яйца покалывает, зная, что она доставляет себе удовольствие с помощью моего члена. Я тянусь, чтобы подразнить ее вход своими пальцами.

— Хочешь, чтобы я трахала себя твоими пальцами, папочка? — черт, она совершенна.

— Ты знаешь, что делать, малышка.

Ее веки трепещут, когда она подается назад и насаживается на мои пальцы, ее киска такая тугая и влажная, приветствует их. Она мастерски насаживается, трахая себя, и в то же дробча мой член, который теперь небрежно покрыт ее влагой.

Я втягиваю в рот одну из ее подпрыгивающих грудей, перебирая зубами сосок. Она хнычет и просит меня сделать это снова. Я с радостью подчиняюсь.

— О боже... — кричит она, и я чувствую, как она сжимается вокруг моих пальцев.

— Ты кончишь на папочкин член?

Она втягивает нижнюю губу между зубами, складка углубляется между ее бровями.

— М-м-м... — отчаянно скулит она.

— Хорошая девочка, кончай. Давай, детка, используй меня, — подбадриваю я, когда она начинает лихорадочно двигаться, стараясь сохранить последовательность и точность движений, так как ее тело начинает дрожать. Влажная киска, скользкая туда-сюда по члену, тоже доводит меня до предела. Каждый раз, когда она скользит по его длине, мурашки пробегают от моих яиц до бедер, борясь с желанием поднять ее и насадить на эрекцию.

— Кэш... папочка... блять... — она запинается, пока оргазм нарастает.

— Вот так, кончи для меня. Кончи на мой член.

— Ах! — ее неспособность сформировать слова говорит, что время пришло. Ее ногти впиваются в мою грудь, когда наступает кульминация, и я ввожу палец, покрытый ее смазкой, в ее маленькую тугую попку. — Кэш! — кричит она, но затем стонет, когда ее тело пульсирует вокруг меня.

— Господи Иисусе, — вздыхает она, удовлетворенно опускаясь на мою грудь, член все еще твердый между нами.

— Ты — гребаная богиня, *куишле*. Гребаная богиня, — шепчу я ей в потный лоб,

откидывая назад влажные пряди волос.

Я чувствую стук ее сердца у себя на груди и думаю: это сердце бьется для меня.

Так же, как мое для нее.

ГЛАВА 20

Пар и дым

Харлоу

Каждый мускул в моем теле все еще гудит от блаженства, пока я лежу, задыхаясь, на Кэше.

— Ты гребаная богиня, *куишле*. Гребаная богиня, — бормочет он, его губы касаются моего лба.

Это слово. Куйшле. Я боялась спросить, что оно означает.

Сначала игнорировала. Глупые, иностранные клички казались такими незначительными для моей большой миссии. Потом мне стало любопытно, но я никак не могла понять, говорил ли он это насмешливо или ласково. И после всех других грязных вещей, которыми он называл меня по-английски, я решила, что не хочу знать, что он просто называет меня шлюхой на другом языке, ведь я уже начинала находить утешение в этом слове.

И теперь, кажется, что он передал мне маленький кусочек своего сердца. Кусочек, который он надежно спрятал за жестокостью и насилием. Кусочек, который когда-то знал любовь и теперь, возможно, снова познает ее. У меня сжимается горло при этой мысли, потому что все это слишком трогательно или грустно не знаю. Возможно, и то, и другое.

Кэш проводит мягкими пальцами вверх и вниз по моему позвоночнику, пока мы переводим дыхание, сердца бьются синхронно друг с другом.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, я засну.

— Я могу придумать кое-что поинтереснее, чем сон, *куишле*.

— Мне нужен душ, а не сон, — я опираюсь на предплечья на его груди. Он смотрит вниз, встречаясь с глазами.

— Ну тогда ладно, — он рассеянно накручивает на палец клок моих коротких волос. — Иди, а я присоединюсь через секунду.

Душевая Кэша огромная, в ней есть место для двух противоположных душевых насадок и длинного дождевого душа посередине. Стены из гладкого бетона со встроенной скамейкой и полками, их усеивают маленькие папоротники и комнатные растения. Пол выложен черным мрамором в тон матово-черной отделке, а встраиваемое освещение создает угрюмую, но все же элегантную атмосферу.

Я включаю горячую воду, позволяя пару заполнить пространство. Подвешенный букет эвкалиптов благоухает в воздухе. Я напеваю про себя, стоя под душем, от тепла все обостренные участки моей кожи приятно покалывает. Мочу волосы, но не беспокоюсь о мытье, так как Кэш вымыл их прошлой ночью.

Прошлая ночь... это похоже на лихорадочный сон. Ужас и паника, которые я испытала, когда забрала конверт из приемной полицейского участка. Он был доставлен курьером, пока я встречалась с Лео. Что тоже было пустой тратой времени — Лео сказал мне, что они не могут заставить Кэша передать отснятый материал без достаточных оснований. Без ордера они полагались на то, что Кэш предоставит все добровольно.

Я была так зла на Кэша, чувствуя, что за каждым шагом вперед следуют два шага назад и укол предательства. Но потом открыла конверт, и мне не хотелось быть нигде, кроме как в

его объятиях.

Когда поставщик пива переступал черту, он поставил его на место. Когда летели пули, он прикрывал меня. И я просто знала, что, когда убийца лучшей подруги найдет меня, я не буду чувствовать себя в безопасности без Кэша.

— Я могу смотреть на тебя весь день, черт возьми, — Кэш стоит на входе в душ, ставя что-то на стойку в стороне. Его глаза неторопливо и внимательно изучают мое тело. Тепло разливается в моем животе, в то же время по рукам пробегают мурашки.

Его член все еще твердый, красиво торчит. И весь мой, черт побери.

Видя его таким, обнаженным, с мускулами, исписанными чернилами, я сгораю от голода. Знаю, что недавно кончила, но попробуйте сказать это моей вагине. Сучка уже снова пульсирует, жаждет большего. Я выхожу, хватаю его за руку и тяну под воду.

Когда его тело становится влажным, оно, как атлас, скользит по моему. Мы прижимаемся друг к другу под лаской воды, чувствуя напряжение, которое одновременно так сладко, что не хочется, чтобы оно заканчивалось, но в то же время так невыносимо, что мне хочется все разорвать.

Это происходит, когда я беру ладонью за его затылок и прижимаю его рот к себе. С первым прикосновением его губ, напряжение не спадает, оно, черт возьми, взрывается. Он поднимает меня, я обвиваю ноги вокруг его талии, а затем он прижимает нас к стене душевой.

— Блять, детка, ты мне так нужна, — он рычит, когда его пальцы впиваются в мое бедро.

Я не готова дать ему то, чего он хочет.

Я хочу — *боже, как я хочу*. Но хотя в Кэше Фоксе есть свет, больше, чем я когда-либо думала, есть и тьма. И я только начала выбираться из собственной тьмы. Еще слишком рано рисковать, чтобы попасть в чужую.

Провожу пальцами по его коротким волосам, влажным, зачесанным набок, на ощупь похожим на бархат. Прижимаюсь к нему, чтобы закрепить наш поцелуй и попытаться передать чувства, которые не могу выразить словами. Чувствую, как отчаяние излучается от него, словно горючий газ.

Я не могу дать ему этого, но могу дать все остальное.

Толкаюсь в его грудь и извиваюсь в его хватке, чтобы он поставил меня на ноги. Толкаю назад, его сердце колотится под моей ладонью, пока его спина и плечи не оказываются под душем. Опускаюсь на колени, а он смотрит на меня, стиснув челюсти и с горящими глазами. В его взгляде есть сдержанность, как будто он не хочет давать себе волю надеждам.

Я сжимаю руки за спиной и смотрю на него сверху, изучая мужскую красоту.

— Используй меня, Кэш. Как захочешь. Мое тело — твое.

Его губы поджимаются, когда он обдумывает мое предложение. Его член всего в нескольких дюймах от моего лица, поэтому я раздвигаю губы, показываю, на что готова.

— Повернись, — его голос похож на сталь. — Лицом к скамейке.

Я глубоко сглатываю, чувствуя его присутствие у себя за спиной, леденящую силу, которая заставляет волоски подняться на моей шее от предвкушения. Его влажная ладонь ложится мне на поясницу, пальцы широко расставлены. Бесшумно он скользит рукой вверх по моей спине, усиливая давление, пока я не выгибаюсь вперед.

Он накрывает меня своим телом, едва касаясь. Его губы касаются раковины моего уха:

— Хватайся за полку, — делаю именно это, отводя бедра назад и показывая задницу.

А потом он уходит. Я не слышу его шагов из-за бегущей воды, но чувствую отсутствие. Оглядываюсь через плечо, не убирая рук, и вижу, как он возвращается, что-то держа в руках. Прежде чем я успеваю понять, что это, он говорит, чтобы я смотрела вперед. Нервные и в то же время возбужденные бабочки дразнят мой живот, когда я переключаю внимание на бетонную стену и полку.

Вернувшись, он начинает разминать мою задницу. Он такой молчаливый. Не предупреждает меня, когда я слышу, как хлопает крышка бутылки, а затем чувствую, как что-то вязкое стекает по моим ягодицам.

Он стонет.

— Эта задница...

— Вся твоя...

Моя голова откидывается назад, его рука путается в моих волосах.

— Черт, скажи это еще раз. Скажи, кому принадлежит эта идеальная задница.

— Папочке, — выдыхаю я.

Он подается вперед, его член скользит по моей заднице. Она невероятно гладкая, и я понимаю, что он, должно быть, налил какое-то масло для тела.

— А эта киска?

— Твоя, — говорю я, стиснув зубы, его хватка заставляет мой скальп колотиться от боли. Восхитительная боль.

— Именно так. И ты дашь папочке все, что он захочет? — это издевка, граничащая с угрозой, но я доверяю ему в том, что он сломает меня и соберет обратно. И все это не переступая черту, которую я нарисовала.

— Да.

Толчком он отпускает мои волосы, а затем вводит свой член между булочками. Твердая длина скользит без трения, даже когда он сжимает мою задницу обеими руками, раскрывая для себя.

— Я трахну эту задницу, *кушле*. Я буду драть тебя, как животное. А ты будешь принимать это, не двигая руками ни на дюйм.

Я киваю, мой желудок скручивается от разврата, когда он толкает свои бедра вперед и назад.

— Ты позволишь мне использовать тебя, как дешевую шлюху. Когда я скажу тебе кричать, будешь кричать. Когда скажу заткнуться, ты заткнешься, — он держит передо мной что-то черное. Я сразу же узнаю, что это тот же тип вибратора, что и у меня. — А когда скажу кончить, ты, блять, кончишь

Я уставилась на игрушку, не зная, испытывает ли он меня так.

— Можешь убрать одну руку. Возьми.

Беру и нерешительно опускаю к своему клитору.

— Включи его, *кушле*. Я хочу, чтобы ты кончала, пока не сможешь стоять, слышишь меня? — его голос прорезает пар, как осколок.

— Да.

— А потом я хочу, чтобы ты кончила еще раз.

Я задыхаюсь, когда палочка вибрирует на моем уже чувствительном клиторе.

— О, боже...

— Именно так, детка. Я твой Бог. Твой король и твой гребаный Бог.

Я выкрикиваю проклятие, когда он начинает вводить его между ягодиц, из-за жужжания

игрушки достигают пика. Стон вырывается из моих губ, и Кэш сильно шлепает меня по заднице.

— Прикуси язык, сучка, — я сдерживаю свой следующий крик, физически вынужденная прикусить язык, так как мышцы моей киски уже спазмируются.

Поднимаю головку стимулятора чуть выше клитора и упираюсь в бугорок, чтобы хоть немного выдохнуть — мои ноги уже слишком слабы. Рука Кэша опускается на мою, возвращая вибратор на место и повышая его на одну ступень выше.

— Не нарывайся. Отдайся мне, и лучше делай то, что я тебе говорю, — он возвращает руку к моей заднице, чтобы плотно сжать ягодицы и с силой подается вперед.

— И прямо сейчас я говорю тебе кончить, — он ворчит, снова мощно двигая бедрами. Быстрые и устойчивые вибрации подталкивают меня к кульминации.

— Ах-ах-ах...

— Ни звука, *молчать*, — я стону от разочарования, прикусив губу, чтобы сдержать крик. Мои ноги трясутся, когда оргазм прорывается, пальцы больно сжимают твердые края полки, а костяшки белеют.

Когда дрожь утихает, меня шатает, и я шокирована тем, что все еще стою на ногах. Кэш замедляется и мурлычет.

— Охуенно, детка. У тебя охуенно получается.

Я сияю от его похвалы. Напряжение оргазма стоит того, чтобы испытать это чувство гордости. Он продолжает медленные и глубокие движения, его пальцы все сильно впиваются в мою плоть. Когда головка его члена проникает внутрь, его дыхание сбивается.

— Еще раз, — хрипло говорит он, с силой толкаясь. — Снова, и на этот раз я хочу услышать тебя, — я почти вздыхаю от облегчения. Сдерживание себя — это уникальный вид боли. Но дать Кэшу то, что он хочет, мое послушание — это уникальный вид удовольствия.

Его ворчание становится все более грубым, чем дальше и сильнее он двигается. Мои стоны срываются с губ.

— Возьми. Возьми. Возьми, — Кэш задыхается, переходя на — Дай мне. Дай мне, — когда моя кульминация снова начинает достигать пика.

Я разбиваюсь вдребезги. Если бы не хватка Кэша, я бы рухнула.

Однако оргазм не прекращается, он продолжает приходить в пульсирующей эйфории, одновременно успокаивающей и разрушающей. Мой разум кружится, а тело пытается сдержать рвущееся наружу наслаждение.

— Громче, *кушле*. Кричи для меня, детка, — шипит Кэш с придушенным дыханием, его толчки становятся отчаянными. Я стону все громче и громче, когда каждая волна грозит сбить меня с ног. — Блять, какая грязная маленькая шлюха. Позволяешь брать тебя вот так. Кончаешь для меня снова и снова. Такая хорошая девочка для папочки, — он ругается, когда оргазм прорывается сквозь него, и горячее семя окрашивает мою спину.

Он упирается в меня бедрами и тянется, чтобы взять палочку. Затем медленно прижимается ко мне, размазывая свою сперму по моей спине плоской стороной ладони.

— Такое красивое зрелище. Моя маленькая шлюшка, покрытая спермой, — я стону и снова прижимаюсь к нему задницей, быть помеченной им. Использует меня как шлюху, поклоняться как богине.

— Иди сюда, — бормочет он, беря меня за руки и направляя под струю воды. Прижимает меня к себе, шепча похвалу в мои волосы. Я прижимаюсь ухом к его груди, слушая замедляющийся пульс.

Он начинает мыть меня мочалкой, нежно поглаживая, ласково и приятно. Когда он поворачивает меня обратно, я смотрю на него.

— Научи меня пользоваться пистолетом.

— Самое главное, чтобы ты могла нажать на курок, не отрывая прицела от цели, — говорит Кэш после того, как трижды показал мне, как безопасно заряжать и разряжать пистолет. Стрельбище пустое — без сомнения, благодаря Кэшу. Либо он владеет всем этим местом, либо просто выкупил его для нашего уединения.

Мы находимся в стрелковой кабинке с мишенью в виде человеческого силуэта, висящей внизу. Рядом с нами на крючке висят наушники неоновой цвета, а также пара защитных очков.

— Мне их надеть?

— Да, конечно, — я достаю их, пока он продолжает говорить: — Уверен, что Даг подождет, пока ты наденешь наушники.

Я кладу их обратно на крючок и смотрю на него.

— Это безопасно для практики? Да. Но я хочу, чтобы ты как можно быстрее освоилась с оружием, а знание того, насколько оно громкое, имеет значение. Если мы весь день будем стрелять в наушниках, а ты выйдешь на улицу и выстрелишь, испугаешься настоящей громкости, вздрогнешь и промахнешься... ты труп.

Сглатываю, серьезность ситуации продолжает проникать в меня.

— Лучше пусть у тебя в ушах звенит всю оставшуюся ночь, чем ты получишь пулю, *кушле*. Я не учу тебя стрелять. А выживать.

— Поняла.

Он проводит большим пальцем по моему подбородку.

— Я знаю. Ты умная. Хорошо, теперь встань в стойку.

Вопросительно смотрю на него, затем пытаюсь имитировать стойку, которой научилась в детстве во время занятий спортом: ноги расставлены, колени слегка согнуты, бедра вперед. — Вот так?

— Помни, что я сказал: важно лишь нажать на курок, не сместив дуло за пределы цели. Так что можно стоять, как угодно, лишь бы было равновесие и устойчивость для прицела.

Я делаю вдох и пытаюсь занять удобную позицию, и на которой не нужно сильно сосредотачиваться. Он передает мне пистолет, еще раз показав, что магазин и патронник пусты. Его руки обхватывают мои, он регулирует мой захват, и я стараюсь не думать о его прикосновении больше, чем о смертельном оружии в руке.

— Привыкай к ощущению спускового крючка. Есть слабина, барьер, а потом уже будет выстрел, — он накрывает мой палец своим и медленно нажимает на спусковой крючок на каждом этапе. Как провал педали газа перед небольшим сопротивлением, которое предшествует настоящему ускорению.

— Сделай несколько шальных выстрелов. Целься в центр тела, — он отпускает мои руки и делает шаг назад.

— Разве я не должна целиться в плечо или ногу или во что-нибудь менее смертельное?

Он вырывает пистолет из моих рук и швыряет его на карниз кабинки.

— Если ты направляешь на кого-то пистолет, лучше будь готова убить его. Колебаться,

сомневаться, обсуждать гребаную мораль — это когда тебе всаживают пулю в голову, потому что я гарантирую, они не будут целиться в твой чертов мизинец. Что это, по-твоему, Харлоу? Бойскауты? Там нет чести, — я отшатываюсь от его упрёка, но быстро прихожу в себя и беру пистолет обратно.

Не говоря ни слова, я прицеливаюсь, вдыхаю и нажимаю на выдохе. Спускаю крючок, а затем снова, снова и снова. Потому что он прав. Я не учусь защищаться от хулиганов на детской площадке. Не готовлюсь к худшему сценарию. Я готовлюсь к сраному серийному убийце, который *уже* нацелился на меня.

— Хорошо. Поработай над изоляцией пальца. Не сжимай весь пистолет, только один палец, хорошо? — я киваю, и он заменяет пустой магазин на заряженный.

Латунные пули резко и ярко выделяются на фоне черного цвета пистолета. Мое сердце замирает, и я испускаю дрожащий вздох.

— Боишься? — он кладет заряженный пистолет обратно в мою ладонь.

— Немного.

— Хорошо. Ты должна бояться. Это не забава, и уж точно не игрушка, — я напрягаюсь, и он встает позади меня и кладет обе руки мне на бедра. — Просто дыши, детка. Думай о выстреле как о продолжении своего дыхания.

Я смотрю вниз на искусственно освещенный полигон, на бетонные стены и пол, мрачные и безмолвные.

Просто дыши.

Отдача от выстрела заставляет меня подпрыгнуть, звук намного громче, чем я ожидала.

— Еще, — Кэш не потекает мне и не потворствует, что я очень ценю.

Я продолжаю опустошать магазин, пока, наконец, на последнем выстреле мне не удастся попасть в цель.

Мы продолжаем, пока у меня не начинает звенеть в ушах, а воздух наполняется сернистым запахом горелого металла. Но получается поразить цель шесть раз подряд. Я опускаю пистолет, вынимаю магазин и опустошаю патронник — Кэш одобрительно наблюдает за моими действиями — затем запрыгиваю на выступ стойки кабинки.

— Что теперь? — мое тело бурлит от адреналина и возбуждения. Стрельба из пистолета — это ни с чем не сравнимое чувство, особенно когда ты действительно попадаешь в намеченную цель. Мои руки гудят от отдачи и хватки за рукоятку.

Я развожу колени, и Кэш принимает приглашение, шагнув между ними. Его руки обхватывают мои бедра, обтянутые леггинсами. Я сжимаю в кулак его черную футболку и притягиваю ближе. Он держит спину прямо и смотрит в переносицу, его зеленые глаза темные и возбужденные.

Мне нравится. Это взгляд чистого желания, борющегося с контролем и сдержанностью. Как будто он хочет только одного — сорвать одежду и зарыться в меня, но по какой-то причине пытается сопротивляться. Я дразню его еще немного, откидывая голову в сторону, обнажая шею и прикусывая губу.

Его рука соскальзывает с моих бедер, и кажется, что он вот-вот схватит меня за задницу и потянет к краю. Но потом он поднимает пистолет и вставляет в него заряженный магазин, затем протягивает мне.

— Еще раз.

Я вздыхаю, слегка разочарованная, но спрыгиваю, держа пистолет на прицеле. Резкий шлепок по заднице заставляет меня вскрикнуть.

— Но не думай, что я не был искушен, *кушшле*, — Кэш рычит мне в ухо, посылая мурашки по шее.

Он обнимает меня, прижимаясь спиной, а я стараюсь сохранить ровное дыхание.

— Я буду говорить «слева» или «справа» и хочу, чтобы ты целилась в ближайшую цель, хорошо? — я киваю и напрягаюсь, когда его руки обхватывают мои. — В первом раунде будем двигаться вместе. Помни, что нужно быть сосредоточенной, но свободной в движениях, подвижной и готовой к адаптации, но не настолько, чтобы приходилось перестраиваться каждый раз, когда меняешь цель.

— Поняла, — бормочу я себе под нос, но отвлекаясь на то, как увеличивающийся стояк Кэша под джинсами.

Мы вдыхаем вместе, его грудь прижимается к моей спине, его тепло излучается на меня. И на нашем общем выдохе Кэш выбирает право, и мы отклоняемся в сторону. Я стреляю, и бумажная мишень дрожит от удара.

— Хорошая девочка, — дышит Кэш, и моя киска забывает, что в моей руке смертоносное оружие.

— Слева, — мы снова поворачиваемся, его бедра прижимаются к моей попке, и я стреляю.

— Слева, — он повторяет, и мы слегка отклоняемся в сторону.

— Справа, — *огонь*.

К концу мое сердце бешено колотится, и это не имеет никакого отношения к стрельбе. Тело Кэша горячее и твердое, сандаловый аромат пьяняще смешивается с уникальным запахом пороха. Невозможно отрицать, что он тоже чувствует эффект момента. Его член полностью упирается в мою задницу, и, несмотря на тонкие леггинсы, я представляю, что мы голые.

Похоть, как змея, обвивается вокруг моей середины, затем поднимается к шее, сжимая ее, пока я не задыхаюсь от желания. *Блять*.

Я поворачиваюсь и прижимаю голову Кэша к себе, целуя его с неутраченным жаром. Он отвечает мне рыком, проталкивая свой язык мимо моих губ, а его руки обхватывают мою задницу, сильно сжимая. Он скользит рукой в леггинсы и погружает пальцы в мою киску, скользя вверх и вниз по щели, дразня вход.

Я выкрикиваю проклятие, и он прикусывает мою губу, пока я не вскрикиваю от боли и не чувствую вкус крови. Он впитывает меня, проводя языком по кровоточащей губе.

— Мне нужно попробовать тебя на вкус, — стонет он, прежде чем сорвать с меня леггинсы и посадить меня на карниз. — Раздвинь их, *кушшле*. Папочка так сильно хочет тебя, детка.

Я раздвигаю ноги и закидываю их ему на плечи, пока он стоит на коленях.

— Ненасытная маленькая шлюшка, — он дьявольски хихикает, прежде чем шлепнуть по обеим сторонам моих внутренних бедер, снова и снова, пока я не задыхаюсь и не горю, жаждая резкого удара по моей киске.

Наконец он проводит тяжелым языком по щели, и я стону от облегчения. Он повторяет медленные и утомительные движения, пока я не разгораюсь сильнее и не начинаю отчаянно выгибаться от каждого движения по клитору. Мои пальцы впиваются в его кожу, хочется большего, но мне нравится эта медленная пытка.

Кэш медленно и восхитительно вводит в меня два пальца, отчетливо слыша звук моей влаги.

— Всегда течешь для меня, да? — он поднимает на меня взгляд, у меня все сжимается, когда я смотрю в его нефритовые глаза. Он ласкает мой живот, прижимая его так, чтобы я могла видеть, как он втягивает мой клитор в рот.

Не сводит глаз с моих, пока работает пальцами внутри меня и попеременно чмокает и посасывает. Моя киска сжимается вокруг него, и я плачу от желания. Он отстраняется немного, чтобы заговорить, слизывая мое возбуждение со своих губ эротическим жестом.

— Тебе нравится, как папочка ест эту красивую киску?

— Боже, да, — задыхаюсь я.

— Ты хочешь еще, детка? — он выглядит таким злобно довольным собой, как будто доставить мне удовольствие — его величайшее достижение.

— Да, — говорю я, и он снова опускает голову. — погоди, встань, — мое горло сжимается от смеси трепета и отчаяния. Он прикусывает нижнюю губу, медленно поднимаясь, его руки тянутся к моей челюсти. Я улавливаю легкую дрожь, и мой желудок переворачивается. Он нервничает.

Он наклоняет мою голову, и я целую его. Сначала медленно и пробно, но потом разгораюсь в нечто пиретическое. Он сжимает мое лицо между ладонями, впиваясь своим ртом, а я пытаюсь растянуть его ремень. Мое сердце колотится, пальцы дрожат, как тогда, когда я пыталась взломать замок в его кабинете.

Он стонет мне в рот, когда я ослабляю пряжку и прогибаюсь, моя голая киска ищет трения. Я отстраняюсь, задыхаясь от кружащего голову поцелуя и возбужденной энергии, бурлящей во мне.

— Я чистая, а ты...

— Да, — хрипит он. — Противозачаточные?

— Внутриматочная спираль, — отвечаю я, и тут мы снова притягиваемся друг к другу, как магниты.

Его рука скользит вниз к моему бедру, разминая мягкую плоть. Наконец мне удастся освободить его член и погладить бархатистую кожу. Проводя большим пальцем по головке, я чувствую его сперму, и мне становится жарко от осознания того, что он уже течет из-за меня еще до того, как я сняла с него штаны.

Как неуклюжие подростки, мы сталкиваемся в клубок конечностей, когда он прижимается к моему входу. Я смотрю вниз на его член, дразнящий мою мокрую дырочку, и мой пульс учащается от предвкушения, так отчаянно желая почувствовать его внутри, слить наши тела воедино. Но потом он останавливается и тянется, чтобы сжать мою челюсть, поднимая ее, встречаясь глазами.

— Назад дороги нет, *кушле*, — это в равной степени вопрос и утверждение, и я задерживаю дыхание, словно ожидая собственного ответа.

Опускаю взгляд на его руку и вижу, как на меня смотрят черные глаза лисы. Вся кровь отхлынула от моего лица, и я внезапно ощущаю рухнувшую тяжесть на груди. *Желтый. Красный. Розовый. Черный. Черный. Красный.*

Я уверена на девяносто девять процентов, но этот гребаный один процент вырывается на поверхность, и мои легкие сжимаются от волнения.

— Черт, черт. Мне жаль... — отталкиваюсь от карниза и надеваю леггинсы обратно. — Я не... я не могу... блять, — отворачиваюсь от него, потирая глаза руками, чувствуя себя такой смущенной, такой дерьмовой и такой чертовски растерянной.

Я не могу смотреть на него, когда он отступает назад, глубоко вздыхая. Бросаю взгляд

на его белеющие кулаки, и не хочу видеть гнев и ненависть в его глазах. Не думаю, что смогу это вынести.

Затем он быстрыми шагами сокращает расстояние между нами, тянет меня к себе, крепко обхватывая руками. Он прижимается ртом к моей макушке и полустонет, полувздыхает в мои волосы. Но не злится. Это я знаю точно. Он все еще держит меня как дорогое сокровище, а не как завоевание, и от одного этого осознания мне хочется плакать.

Я сглатываю угрожающие слезы и пытаюсь утешиться тем, что его теплое тело прижимает меня к себе. Он ослабляет хватку, и я поднимаю на него глаза. В них отражается обожание, а не гнев. Он смеется, и звук разливается в моем животе, на его губах играет мягкая улыбка.

— Ты убьешь меня, женщина.

— Я уверена, ты пережил гораздо худшее.

Он качает головой.

— Даже близко нет.

ГЛАВА 21

Разбитые осколки

Кэш

После мучительного запихивания твердого члена обратно в джинсы, мы с Харлоу садимся в машину. Она продолжает бросать на меня грустные взгляды исподтишка. Если это потому, что она жалеет, что остановила меня, то плохо дело. Ее волосы собраны в короткий хвост, но растрепаны, потому что я засунул в них пальцы, пока овладевал ее ртом.

Блять, этот рот.

Она целует так, что хочется еще, еще, еще. Она прижимается так, будто может дышать только тогда, когда я забираю у нее дыхание.

Я знаю это чувство.

Она бросает на меня еще один такой взгляд, и я уже собираюсь что-то сказать, когда она не сводит с меня глаз и тянется к моей талии. Ее глаза как у лани, пока она возится с пряжкой моего ремня.

— Что ты делаешь? — это прозвучало резче, чем предполагалось, и ее мягкая улыбка спадает.

— Забочусь о папочке, — черт.

Я только расслабился, но член опять мгновенно затвердевает. Откидываюсь назад.

— Что ж, приступай.

Я вдыхаю, когда ее мягкие руки обхватывают мой член. Она медленно проводит руками вверх и вниз. При первом движении ее языка по моему кончику я сжимаю челюсти до боли.

— Блять, детка, — выдавливаю я, когда ее рот принимает меня целиком. Он мокрый, горячий и просто райский. Ее слюна стекает по всей длине, когда она проводит языком по моему кончику, а затем наклоняется, чтобы лизнуть длинным движением от основания до головки.

Мои костяшки пальцев бьют по рулю и переключателю скоростей, я изо всех сил стараюсь не убить нас. Мои бедра сгибаются, желая погрузиться в ее горло.

— Глубже, *кушле*. Подавись папочкой.

Ее голубые глаза смотрят на меня с коварным блеском, прежде чем она опускает голову до рвотных позывов. Мышцы ее горла заглывают мой кончик, и все мое тело сжимается от удовольствия. Я жду, что она поднимется, но она остается внизу, лишь слегка покачиваясь, так что мой член остается глубоко в горле.

— Такая чертовски горячая, — шиплю я, проводя большим пальцем по ее щеке, чтобы посмотреть, нет ли слез. Есть.

По мере того, как она продолжает, мне требуется все больше усилий, чтобы не отрывать глаз от дороги. Звук моих стонов и ее рвотных позывов нарушается пронзительным звонком телефона. Она останавливается с членом во рту.

— Не останавливайся, блять, — затем я отвечаю на звонок.

Невероятно трудно слушать, о чем бы ни говорил Финн, все, на чем я могу сосредоточиться, — это давление, нарастающее в моем паху. Яйца чертовски болят в ожидании разрядки.

Движения Харлоу становятся более энергичными, и именно поэтому я не вешаю трубку.

Мне нравится, что она бросает вызов своим границам ради меня. Она ставит себя в неудобное положение ради моего удовольствия. Плюс, я понимаю, что ее чертовски заводит сосать мне, пока я говорю по телефону. По той же причине она так сильно кончила в «Фантоме». Она получает удовольствие от риска быть пойманной.

Давление очень сильное, и я знаю, что долго не протяну.

— Бери все до капли, *куишле*.

— Что? — говорит Финн в трубку.

Я игнорирую его.

— Будь хорошей девочкой и проглоти до дна.

— О, господи, Кэш! — рывкает Финн и вешает трубку.

Телефон падает с моего плеча, как только я кончаю. Это ослепительное ощущение. Горячие волны удовольствия прокатываются от моих яичек по всему члену и попадают в маленький ротик Харлоу.

— О, черт, да? — я рычу, чувствуя, как она глотает, все еще держа меня во рту.

Она садится, покорно вытирая рот.

— Дай посмотреть, — она смотрит на меня в замешательстве, а затем дьявольски улыбается, прежде чем открыть рот. Он пуст, только ее собственная слюна на ее розовом языке. — Хорошая девочка.

Мне нравится это зрелище, знать, что она проглотила каждую капельку, но мне также нравится вид ее наполненной мной. Поэтому я беру ее за подбородок и сплевываю ей в рот. Она сидит, жеманно улыбаясь и облизывая губы.

Когда мы доходим до моего дома, я рад видеть строительную бригаду, работающую над «Логовом». Планирую большую вечеринку по случаю открытия, и после утреннего разговора с Харлоу думаю, что устрою ирландский праздник. Буду использовать только старые рецепты моей матери — если они были хороши, когда она их готовила, я уверен, что Илай сможет сделать их фантастическими. Куплю отличный ирландский виски и позабочусь о том, чтобы у нас было много бочонков «Гиннеса». В последние несколько лет я увлекся модернизацией дома, превратив его в роскошное сочетание старого и нового дизайна, но я хочу вернуть его к истокам.

Выходя из машины, я хватаю свой телефон с пола, где его уронил. Что вызывает у меня любопытство.

— Почему ты не попросила свой телефон? — говорю я, открывая дверь Харлоу.

— Никто не пытается связаться со мной, — мрачно заявляет она.

— Я уверен, что это неправда, — мы заходим внутрь, приветствуем охранника у двери, прежде чем войти в лифт.

— Мне нравилось быть «вне сети», — она имитирует кавычки. — Я отменила всю работу с клиентами, у меня уже был звонок «раз в месяц» с мамой, так что единственные сообщения, которые я получаю в эти дни — случайные люди из старшей школы, которые только сейчас узнали о Бет и выражают соболезнования, — она усмехается на последнем слове.

— А как же семья? — у меня защемило в груди, я снова узнаю это тоскливое выражение на ее лице.

— У меня ее нет.

Я твоя семья, — хочу сказать я, но почему-то это застревает у меня в горле.

Самое лучшее, что можно сделать на таком высоком уровне, — это не допускать ошибок. Я жестокий человек, и смирился с этим. Но ничто не может повергнуть меня в убийственную ярость быстрее, чем комары. И слава богу, на моей крыше их нет, так что я могу расслабиться и наслаждаться закатом.

Я вернул Харлоу ее телефон и сумку из шкафчика в «Логове», когда мы вернулись с полигона. Удивился, что она не просила об этом, но понимаю привлекательность одностороннего мышления. У тебя нет других обязанностей, нет чужих просьб или требований к времени. Только ты и твоя цель.

Но если ее нет со мной или в квартире под охраной, я должен иметь возможность связаться с ней. Кстати, о ней, вот и она. Идет ко мне в шелковистых пижамных шортах и хлопчатобумажной майке. Опускается на край шезлонга рядом со мной. Шевелит носом и вздыхает.

— Мой арендодатель звонит уже неделю, — я приподнимаюсь из своего положения, ее голос звучит обеспокоенно. — Я пропустила дату продления нашего договора, поэтому он подписал договор с другим арендатором. У меня есть две недели.

Эгоистично, но я рад.

— Ничего страшного, ты уже живешь здесь.

Она отпрянула назад.

— Временно.

— Ну уж нет. Ты живешь здесь сейчас, *кушле*.

— Я не живу здесь, Кэш, — ее подбородок выпячивается, как она любит делать, когда чувствует себя властной. Это восхитительно.

— Ладно, пусть у тебя будет свой дом, но спать каждую ночь ты будешь в моей кровати.

— У тебя мания величия, знаешь это? — она насмехается и скрещивает ноги.

Я фыркаю.

— Говорили иногда.

Она хмыкает и смотрит на меня.

— В любом случае, я хочу пойти туда завтра, чтобы убрать комнату Бет, — я собирался предложить ей нанять грузчиков, но понимаю, что это она хотела бы сделать сама. Для остального я найму грузчиков.

Затем ее взгляд смягчается, и она пожевывает губу, словно хочет что-то сказать, но не может.

— Хочешь, чтобы я поехал с тобой?

— Да. Если ты не против...

— Я буду там. Если я тебе нужен. Без вопросов.

Она встает и наклоняется, чтобы прижаться мягким поцелуем к моим губам.

— Спасибо.

Все, что угодно. Все, что угодно для тебя, кушле.

На следующее утро Харлоу дергает коленом вверх-вниз всю поездку в машине. Она жует щеку изнутри, как всегда, когда боится-нервничает, а не кокетничает-нервничает.

— Что в этой милой головке, *кушле*?

— Не думаю, что смогу это сделать, — ее губы дрожат, и она поворачивается лицом к окну.

— Конечно, сможешь, — кладу руку ей на бедро. — Это будет ужасно больно. Но я буду рядом, чтобы подхватить тебя, если ты упадешь. Я дал тебе обещание, а я человек слова. Слышишь меня? Ты не будешь одна.

Я вижу, как она сглотнула, и крепче сжимаю ее ногу. Ненавижу то, что у меня нет в руках врага, которого можно убить. Нет человека, который причинил ей физическую боль, чтобы я мог причинить ему боль в десять раз сильнее. Конечно, есть убийца, но даже если я отправлю его в ад, это не вернет Бет. Козлов был прав, *ничто* не вернет ее. Это не то же самое, что око за око. Такой способ слишком прост. Излечить разбитое сердце? Намного сложнее.

Возможно, я не смогу заполнить дыру в ее сердце, но, может быть, смогу облегчить боль.

Когда мы добираемся до ее квартиры, ее рука трясется. Я молча убираю ее руку и отпираю дверь своим запасным ключом.

— Как... почему я вообще удивлена? — она качает головой, но я улавливаю малейший призрак улыбки, и моя грудь сжимается от осознания того, что причина этого — я. — Как давно у тебя дубликат... — она замирает на полуслове, когда замечает чистую кухню и уборку, которую я сделал в прошлый раз, когда был здесь.

— Что за... — ее глаза расширяются.

— Со второй смены.

— Что?

— Я сделал дубликаты во время твоей второй смены в «Логове».

— Псих... — говорит она себе под нос, пока ходит вокруг и осматривает место.

— Я думал, мы это уже выяснили.

— О боже, — она крутится вокруг, разинув рот. — Вибратор из душа... это был не просто такой же, как у меня, это был мой, — я только ухмыляюсь. — Господи, Кэш, это просто жуть какая-то.

— Жуть, но тебе нравится, — я шевелю бровями и получаю в награду небольшое хихиканье. Он быстро затихает, когда поворачивается лицом к заклеенной двери. Я внимательно наблюдаю за тем, как ее грудь вздымается от тяжелого дыхания. Мне хочется подхватить ее на руки и прижать к своей груди, чтобы она почувствовала себя в безопасности и целостности, но я знаю, что это не поможет.

Она смотрит на дверь, как лев, готовый наброситься. Осторожно подходит, чтобы не спугнуть. Как будто ей вдруг надоело, она распахивает дверь, отвалившаяся лента скрипит.

Застывает в дверном проеме, и я думаю, что у нее, наверное, очередной приступ паники. Но потом она вздыхает и вытаскивает ящик комода, ставит его на не заправленную кровать.

— Так, по одному ящику за раз. По одному ящику за раз, — говорит она, и я понимаю, что не мне.

— Кэш, можешь достать чемоданы из-под моей кровати и несколько мусорных пакетов из кухни... — она хмурится. — Если они у меня есть.

Как уже говорил, я ни от кого не принимаю приказов. Но для нее я подчиняюсь, как лакей своей королеве.

Я впечатлен тем, как Харлоу удается систематически разбирать захламленную комнату Бет — оказывается, ни одна из этих девушек не склонна к аккуратности. Мы эффективно перебираем ее одежду и содержимое тумбочек, создавая кучи для пожертвований, выброса и хранения.

Но ее броня начинает трещать, когда мы добираемся до коробки с фотографиями под кроватью Бет. Она вытаскивает их одну за другой. Над некоторыми смеется и складывает в стопку для себя. На других она взволнованно сидит и рассказывает мне историю, голос срывается в конце, когда до нее доходит, что это последние воспоминания о лучшей подруге.

— Она была рождена для сцены, — она смеется, протягивая мне фотографию Бет в начальных классах, одетую как Динь-Динь, с красным занавесом за спиной.

— Вы играли в спектаклях? — я смотрю на улыбающуюся девочку, маленькую и пузатую, и чувствую необычную дрожь, осознавая, как эта улыбка угасла.

— Я была крокодилком, — прикусываю губу, чтобы не рассмеяться. — Все в порядке, можешь смеяться, — говорит она, издавая один смешок.

Я не могу сдержаться. Хватаю ее за талию и тащу ее по полу, чтобы усадить к себе на колени. Она выдыхает, довольная тем, что находится в моих объятиях, и я чувствую, как по моим плечам разливается тепло.

Мы продолжаем разбирать фотографии. На данный момент, просто ради памяти, Харлоу решила не выбрасывать ни одной. Это легкий способ закончить тяжелый день. Вспоминать приятные воспоминания, а не ужасные, связанные с ее смертью.

Она достает фотографию молодой Бет и тех, кто, как я предполагаю, является ее родителями. Женщина миниатюрная и светловолосая, как она, а мужчина выглядит как более молодая версия Ивана Козлова.

— Иван ее дядя? — связь очевидна.

— Да.

— Почему ее фамилия не Козлова? Она же не была замужем? — я не так часто общаюсь с персоналом на своих различных предприятиях, но должен был знать, если королевская семья Братвы работает прямо у меня под носом.

— Ее родители сменили фамилию на Кинг до рождения Бет, — в этом есть смысл. Из того, что Финн смог узнать о Бет и ее родителях, казалось, что они не имеют никакого отношения к семейному бизнесу. Если они хотели жить нормально, разумно было сменить известную фамилию.

Это кажется хорошим поводом расспросить о том, что она сказала ранее о том, что у нее нет семьи.

— А что насчет твоих родителей?

Она соскальзывает с моих коленей, чтобы повернуться ко мне лицом, и я чувствую сильное желание схватить ее обратно.

— Только мама. Она не плохая, просто думаю, что ей было не суждено иметь ребенка, когда она стала практикующим врачом, у нее не было времени ни с кем встречаться, поэтому она родила меня от донора. Наверное, думала, что обязана иметь ребенка. Как будто это часть жизненного расписания, и она всегда была прилежной во всем. А сейчас мы больше похожи на давних знакомых, чем на мать и дочь.

В ее словах нет злобы, но есть нотки грусти и одиночества. Моя семья — это вся моя личность. Каково это — не иметь ее?

Она неловко передвигается.

— А как насчет тебя? Ты часто навещаешь отца? — ее голос повышается, как будто она пытается поддержать разговор.

— Он умер через шесть месяцев после отбытия срока. Покончил с собой, — никаких недомолвок, только правда. Только справедливость.

Я боюсь ее жалости, ее соболезнований, ее неловкости перед уродливыми фактами. Вместо этого она просто говорит:

— Пиздец.

Я не могу удержаться, чтобы не рассмеяться над ее неожиданным ответом.

— Почему ты смеешься? — она шлепает меня по руке.

— Просто так, — говорю я сквозь плохо сдерживаемую ухмылку.

— Ты успел увидеть его до того, как он...

— Разбил голову о бетон? — она морщится, но кивает.

— Да, за день до этого. Он провел в одиночке шесть месяцев. Он был гребаным призраком. Просто оболочка человека. Это был первый раз, когда я смог поговорить с ним с тех пор, как его посадили. Позже я узнал от охранника, что он находился там двадцать четыре часа в сутки. У него была одна и та же еда, ни света, ни мебели, кроме туалета, ни постельного белья, ничего. Это разрушило его разум.

Брови Харлоу нахмурились, и она выглядит так, будто хочет что-то сказать, но не говорит. Поэтому я продолжаю.

— Он говорил бессмысленно, как будто его мышцы забыли, как формировать слова. Но в одном он был ясен. Он заставил меня пообещать, что я никогда не позволю запереть своих братьев или себя, — я борюсь с узлом, закручивающимся в горле, мои ладони болят от желания найти утешение в ее прикосновении — я протягиваю руку к ее колену, и она накрывает ее своей. Грохот в груди утихает.

— А на следующий день он бился головой, пока не потерял сознание. Он доверился мне перед кончиной, — я смотрю ей в глаза, мне нужно, чтобы она знала, что будущее со мной не будет за решеткой, так или иначе. — Я умру, но не нарушу это обещание.

Она кивает и сжимает мою руку. Ничего не говорит, но опять же, что ей говорить? Единственные люди, кроме моих братьев, которые знают, как на самом деле жил мой отец, все мертвы. Это привилегия — владеть этой информацией.

Мы продолжаем перебирать фотографии, и слов не хватает, чтобы продолжить разговор. Набитые чемоданы и мусорные пакеты стоят в кругу на полу спальни. Фотографии разложены перед нами веером. Я слежу за реакцией Харлоу, чтобы остановить приступ тревоги на корню.

Поэтому сразу замечаю, когда ее дыхание сбивается, резкий вдох застревает в горле. Ее глаза округляются, а щеки окрашиваются в розовый цвет.

— Что такое? — я кручусь рядом с ней, обхватывая ее плечо. Мои глаза прикованы к эмоциям, промелькнувшим на ее лице.

— Мне кажется, я нашла его, — ее голос далекий. Я смотрю на фотографию в ее руках, и мое сердце учащенно бьется.

Это фотография Бет, возможно, трех лет от роду, рядом мальчик примерно того же возраста, его рука обхватывает ее плечо — точно так же, как моя сейчас обнимает Харлоу. Они оба улыбаются в камеру с одинаковыми светлыми волосами и щурятся из-за солнца. Рука мальчика свисает через ее плечо, и мое внимание привлекает красновато-фиолетовая

отметина, покрывающая тыльную сторону его руки.

— Скажи мне, что это не Даг, — категорично заявляет Харлоу, хотя мы оба знаем, что это не совпадение.

Фотография двадцатилетней давности, но я представляю, как мальчик на снимке вырастет до мужчины из «Персика». И жутко похожее родимое пятно? Сомнений нет.

Мгновенно мой разум бросается на поиски смысла этого нового события. Если этот ребенок связан с Братвой, то как я не знал о нем? У меня есть сведения о каждом активном члене Братвы в городе, и о многих за его пределами. И если он убил Бет, какого хрена Братва вела себя так, будто это я, хотя это внутренняя заварушка?

Мысли скачут в голове, как чертов мячик для пинг-понга, и я зажмуриваю глаза, пытаюсь заглушить бесполезные, чтобы сосредоточиться на главных. Единственное, что я знаю наверняка, — лживый русский урод получит визит, и он не будет приятным.

ГЛАВА 22

Семнадцать

Харлоу

Кэш ездит по городу как маньяк. Через минуту после того, как я нашла фотографию, он сунул ее в карман, схватил с кровати одну из пустых сумочек Бет и вытащил меня из квартиры. Его глаза светятся, сосредоточенные на дороге. Я хватаюсь за ручку двери каждый раз, когда он проезжает на желтый, готовясь к столкновению.

Мы останавливаемся перед прачечной, и он паркуется посреди дороги. Молниеносно выходит из машины, захлопывает дверцу и идет к багажнику. Бросает мне пустую сумочку, а затем достает из багажника пистолет.

Я отпрыгиваю назад, когда он вставляет магазин и сует рукоятку мне в руку.

— Положи в сумочку, — огрызается он. Я глубоко сглатываю и аккуратно кладу заряженное оружие в сумку на плече.

Он вытаскивает еще один магазин, поднимает рубашку, показывая кобуру, пистолет уже закреплен, и вставляет дополнительный магазин в прорезь кобуры. Я чувствую себя как в военном фильме, когда он вытаскивает еще один пистолет. Но на этот раз он просто передергивает затвор, обхватывает рукоятку своей твердой рукой и рывкает:

— Пошли.

Он делает один тяжелый вдох, прежде чем ворваться в двери прачечной, плечи отведены назад и гордо подняты, челюсть крепко сжата.

— Убирайтесь к чертовой матери, — кричит он перепуганным клиентам, стреляя в камеру наблюдения в углу.

Люди разбегаются и кричат, и у меня потеют ладони, когда я вспоминаю, когда в последний раз люди убегали в испуге. Чувствую запах апельсиновой полироли для дерева. Глаза женщины расширяются от ужаса, она прижимает к груди голову своего ребенка, выбегая на улицу. В ее глазах мольба за свою жизнь и своего ребенка, и это разрывает что-то в моей груди.

Я ненавижу быть тем, кто причиняет боль, но, не зная, что еще делать, следую за Кэшем, чувствуя легкую тошноту.

Он доходит до двери в задней части здания и берется за пистолет обеими руками, прежде чем открыть ее. С той стороны раздаются крики и вопли, сопровождаемые грохотом стульев о пол.

Я следую за ним в заднюю комнату, где пахнет жареным мясом, а не моющим средством, как в главном зале. Там горстка белых мужчин кружит вокруг карточного стола, идет игра.

Кэш направляет пистолет на человека за столом, в котором я узнаю Ивана Козлова.

— Нам с тобой нужно поговорить, — уголком глаза Кэш замечает, как молодой человек достает что-то под столом, и стреляет мимо его плеча. — Потянись за оружием, и следующая пуля попадет в тебя.

Я наблюдаю за тем, как кадык мужчины покачивается вверх и вниз по горлу, пока он складывает руки на столе перед собой.

— Какого хрена тебе надо, Фокс? — Иван рычит, его губы подергиваются.

Кэш бросает фотографию молодых Бет и Дага на обтянутый зеленым войлоком карточный столик.

— Кто он? — его тон горький и кислотный, полный власти и мании — ужасающее сочетание.

Мое сердце не замедлялось с тех пор, как он вложил пистолет в мою руку, а теперь ожидание услышать от Ивана, кто такой Даг, заставляет его биться до предела.

— Никто по сути.

Кэш хлопает рукой по столу, и направляет пистолет на Ивана, половина людей в комнате вздрагивает.

— Он убил твою маленькую принцессу, — то, как он неуважительно произносит это слово, беспокоит меня, — и подставил меня. А теперь ответ на мой чертов вопрос, пока я не начал отбивать пальцы за каждый вопрос, — от этого образа у меня сводит желудок. Я не особенно брезглива в отношении крови, но уверена, что упаду в обморок, если мне придется наблюдать, как отрезают палец.

Иван наклоняется вперед, к пистолету, направленному ему в голову, с угрюмым выражением лица, опираясь предплечьями на стол.

В следующее мгновение мужчина рядом с Кэшем вскрикивает, когда пуля вырывает заднюю часть его икры.

— Быстрее, Козлов.

Это куски мышц на земле? Черт, кажется, я вижу кость. Да, меня определенно тошнит.

Я хватаюсь за ручку сумочки через плечо, как будто она может меня удержать. Мужчина остается сидеть, лицо его побледнело, как будто он знает, что попытка позвать на помощь или оказать помощь при ранении приведет к еще большим проблемам.

Господи Иисусе, сколько крови.

Я пытаюсь дышать, глядя на нее. *Желтая. Красная. Красный. Красный. Черный. Розовый стал красным.*

Иван начинает говорить, и я цепляюсь за его слова, чтобы вытащить себя, пока не упала.

— Александр Козлов. Он сын моего двоюродного брата. Его отец был отлучен от Церкви пятнадцать лет назад, с тех пор он в России. Я не знал, что он в стране, пока не умерла Бет. Он пришел к нам со слезами и рассказал, что считает себя виноватым в том, что она оказалась на той парковке.

— Продолжай, — выплевывает Кэш, когда он прерывается, Козлов явно недоволен тем, что приходится давать нам эту информацию.

— Видимо, он какой-то гениальный хакер, — Иван насмехается. — И пошел к Бет, думая, что она сможет вернуть его обратно в банду, но...

— Она не имеет ничего общего с Братвой, — я сама удивляюсь тому, что заговорила. Иван смотрит на меня с любопытством, как будто только сейчас понял, что я здесь.

— Да, она любила свою семью, но не хотела иметь ничего общего с бизнесом.

— Так зачем же идти к ней? — спрашивает Кэш.

— Ты думаешь, я знаю мысли идиота? — наблюдаю, как напрягаются плечи Кэша при ответе. Но он берет себя в руки.

— И он пришел к тебе после ее смерти? Почему?

— Он боялся, что мы узнаем о его участии, — брови Кэша приподнимаются. — Хотел, чтобы мы знали, что он не убивал ее, но именно из-за него она рано ушла с работы, — голос Ивана становится холодным и жестким. — Может, он и не держал нож, но он тоже виноват.

Я пытаюсь совместить эту новую информацию с тем, что мы знаем. Хотя, признаться, то, знаем мы не так уж много. Я все еще думаю, что этот Александр может быть нашим убийцей. Возможно, он отправился в Братву, чтобы опередить события, придумать историю, в которой будет виноватым другом детства, а не убийцей.

— Где он?

— В Сент-Джеймсе, — Иван сидит, скрестив руки.

— В больнице?

Он кивает и собирает невидимые ворсинки со своего спортивного костюма.

— Он все еще член семьи, поэтому мы его не убили, но немного поиздевались. За неосторожность, — он шмыгает носом.

У Кэша отвисает челюсть, он поворачивается ко мне и мотает головой в сторону выхода. Без лишних слов мчится обратно к машине, я бегу за ним по пятам.

Он распахивает дверь с моей стороны, и я проскальзываю внутрь.

— Мы едем в больницу?

— Да, — Кэш заводит двигатель, не обращая внимания на людей, сигналивших ему на парковке.

— Ты думаешь, он убил ее, потому что она не помогла ему?

— В этом есть смысл.

Мое сердце болит при мысли о том, что Бет преследует и убивает человек, которого она когда-то считала другом. И я знаю, что, если бы она могла помочь ему, то помогла. И от этого становится еще хуже, когда понимаешь, что он убил ее за то, с чем она ничего не могла поделать.

Через десять минут напряженной езды мы подъезжаем к больнице Сент-Джеймс.

— Подожди, Кэш, что ты собираешься делать? — я дергаю его за руку, чтобы притормозить.

— Выяснить, тот ли это сукин сын, который убил твою подругу.

— А что, если так? — слезы наворачиваются на глаза, и я не знаю, отчего. От предвкушения того, что наконец-то наступит конец, справедливость. Страх за то, что он сделает, когда поймет, что его поймали. Страх перед тем, что может сделать Кэш. Я все еще слышу крик мужчины, вырвавшийся из горла, когда Кэш проделал дыру в его голени, потому что кто-то неудовлетворительно ответил на его вопрос.

Кэш поворачивает шею из стороны в сторону, затем обеими руками хватает мое лицо.

— Тогда я заставлю его заплатить за то, что он посмел дышать одним воздухом с тобой, — дрожь пробегает по моему позвоночнику от обещания в его словах. И я не знаю, как относиться к тому, что в моем нутре беззвучно трезвонит: *«Пусть заплатится»*.

Он берет меня за голову и прижимается губами к моему лбу.

— Все почти закончилось, куишле, — я погружаюсь в комфорт его поцелуя. Игнорирую маленький красный флажок, развевающийся в глубине моего сознания, что один момент такой нежности заставит меня забыть о том, как он стрелял в прачечной в присутствии детей.

Но он целился только в камеру...

Прежде чем я успеваю проделать гимнастику ума, необходимую для того, чтобы распутать этот клубок чувств, Кэш берет меня за руку и ведет нас к стойке регистрации. Его взгляд метнулся к охраннику, разговаривающему по телефону за стойкой, и он быстро поправляет рубашку, чтобы прикрыть заряженную кобуру.

Оружие и больницы. Это две вещи, которые не должны смешиваться.

— Привет, как дела? — говорит Кэш женщине за стойкой, ослепительно улыбаясь и опираясь на стойку регистратуры. То, как он смотрит на нее, заставило бы меня ревновать, если бы не его большой палец, продолжающий растирать успокаивающие круги на моей ладони, пока говорит.

— Мы приехали навестить кузена брата моей жены, — я вздрагиваю от этого слова, в то время мой желудок делает кувырок. — Александра Козлова. Вы не могли бы направить нас в нужную сторону?

— Конечно, одну секунду, — я слушаю, как ее ногти клацают по клавиатуре, а затем она поднимает голову с извиняющимся лицом. — Вы сказали кузен?

— Сказал? — я подхожу, быстро понимая, к чему все идет. — Брат. Александр — мой брат.

— Ох, хорошо. Он в палате А15.

— Отлично, спасибо, — улыбаюсь, надеясь, что это не слишком весело для человека, чей брат ранен и госпитализирован.

Мы идем по ее указаниям на нужный этаж. В коридоре жутко тихо, только жужжание кондиционера и слабый писк аппаратов. Мое тело гудит от нервной энергии, когда мы подходим к палате.

Жалюзи задернуты, свет выключен. Я наполовину ожидаю, что дверь будет заперта, но она открывается, когда Кэш нажимает на ручку. Задерживаю дыхание, когда дверь со скрипом открывается и рука Кэша тянется к пистолету.

Вены застывают, когда мы входим в тихую и пустую комнату. Постель без простыней, ничего, кроме покрытого клеенкой матраса и пустых капельниц.

Кэш вздыхает:

— Лживый сукин сын...

— Ребята, вы ищете господина Козлова? — в дверях появляется медбрат, и Кэш с пугающей быстротой превращается из ледяного холода в тепло и дружелюбие.

— Да, нам сказали, что это его палата.

— Точно, извините. Мы переселили его полчаса назад, чтобы убрать комнату. Иногда занимает немного времени, — он тепло улыбается и ведет нас дальше по коридору.

У меня возникает тревожное чувство, когда ко мне обращаются так любезно, хотя мы здесь... для чего? Допросить его? Убить его?

Но я полагаю, что большинство людей не предполагают, что посетители больницы — это печально известные криминальные боссы, решившие отомстить.

Медбрат ведет нас в палату через несколько дверей, и бледное флуоресцентное освещение в ней почему-то действует более угнетающе, чем полное отсутствие света. Возможно, это связано и с тем, что на кровати лежит хрупкого вида мужчина, подключенный к трубкам и клубку проводов. Его голова обмотана марлей, а лицо испещрено пожелтевшими синяками и все еще опухшее. Его глаза закрыты, а рот открыт из-за трубки в горле.

— Он спит, мы не можем с ним поговорить? — в глазах Кэша отчаяние, но медбрат лишь бросает на него растерянный взгляд.

— Простите, вам не сказали? Он в коме уже семнадцать дней, — услышав эту цифру, из меня словно выбили дух. Кэш выглядит так, будто собирается его задушить, поэтому я делаю шаг между ними, пока Кэш не сорвал злость.

— Есть у врачей какие-нибудь идеи, когда он очнется?

— Это не имеет значения, Харлоу, семнадцать дней, — Кэш ворчит, проводя рукой по волосам.

Медбрат нервно смотрит между мной и Кэшем, прежде чем заговорить.

— У него низкая мозговая активность. Маловероятно, что он очнется, а если и очнется, то у него будет серьезное повреждение мозга.

— Черт, — воеет Кэш, пиная ножки кровати. Человек без сознания шатается.

— Сэр...

— Дайте нам минутку, ладно? Пожалуйста? — говорю я медбрата, надеясь разрядить обстановку, пока он не вызвал охрану, и вывожу его за дверь.

— Семнадцать дней. Ты понимаешь, что это значит? Он не мог отправить тот конверт.

Я киваю и щипаю себя за переносицу.

— Александр Козлов может быть Дагом, но он не Убийца из Джун-Харбор.

ГЛАВА 23

Та самая, где они, наконец-то трахаются

Харлоу

Басы отдаются в черепе, а от водки мое зрение расплывается, когда вспышки мелькают перед глазами. Мои руки кружатся в воздухе, пока я раскачиваюсь в такт. Кэш проводит руками по моему телу, двигаясь вместе со мной. Платье прилипает к потной коже, и я изо всех сил стараюсь забыть о сегодняшних американских горках.

От прикосновения его мягких губ по моей шеи, видение желтого цвета ленты на двери Бет становится чуть менее ярким. Опускаю руки ему на плечи, и он вздрагивает, когда я провожу пальцем по его шее, глаза матери из прачечной смягчаются в улыбку. Тепло его дыхания, когда он шепчет мне на ухо, перебирая мои волосы, и слабый писк аппаратов жизнеобеспечения Александра утихает.

Танцпол «Фантома» заполнен потными телами. На ужине с Кэшем тут было все по-другому. Я засомневалась, когда он предложил пойти куда-нибудь сегодня вечером, после всех взлетов и падений этого дня. Но теперь теряюсь в оглушительных басах клуба, и не могу представить, как можно закончить день по-другому.

Пульсация музыки и толпы, ослепительный свет и головокружительные напитки переполняют чувства, пока не наступает эйфорическое оцепенение.

Кэш сжимает рукой мою задницу и притягивает меня к своей груди, его вторая рука зажата между нами. Я чувствую, как он пробирается под мой подол и вверх по бедру. Пьяно целую его и, когда он щиплет мягкую, мясистую часть моего внутреннего бедра, я прикусываю его губу в ответ. Скорее чувствую, чем слышу его глубокий, гулкий смех.

Он понимает, что на мне нет трусиков, потому что тяжело дышит мне в ухо, а его член упирается мне в живот.

— Папина грязная девочка, — его рык отдается в моей шее.

К сожалению, при следующем толчке его таза об меня, мой мочевого пузырь протестует, и стону, раздраженная. Я достаточно пьяна и наполнена, и, если он заставит меня кончить, я могу описать. И это дико возбуждает.

— Мне нужно в туалет, — шепчу я ему на ухо.

— Я в бар, — кричит он в ответ, беря меня за руку, чтобы вывести нас из толпы людей.

— Водка с содовой...

— Экстра лайм, — заканчивает Кэш мое предложение и шлепает по заднице, крутя меня в направлении туалетов. Из бара видны двери, и я заглядываю через плечо, чтобы посмотреть, как он наблюдает.

Коридор узкий, по обеим сторонам стоят мужчины и женщины. Большинство из них просто разговаривают, а не ждут очереди. Я протискиваюсь в конец очереди, как мне кажется. Когда пробираюсь вперед, чувствую, что меня хватают за задницу, и оборачиваюсь.

Там стоит белый мужчина и смотрит на меня, его веки тяжелы от выпитого.

— Ты только что схватил меня за задницу? — на меня накатывает гнев.

Этот человек даже не представляет, через что мне пришлось пройти за последние несколько недель — да что там, только сегодня. Домогательство — это как раз то, что мне нужно в дополнение ко всему остальному.

— Нет, — он дуется, я бросаю злобный взгляд, прежде чем повернуться обратно. Пытаясь избавиться от его навязчивого присутствия за спиной, изо всех сил отворачиваюсь от него в переполненном коридоре.

Затем снова чувствую прикосновений, яд пробегает из моей груди по конечностям. Я поворачиваюсь и тычу пальцем ему в лицо.

— Ты опять меня тронул, сука?

— Да, — признает он, и этот яд обволакивает мои руки, когда я сжимаю их в кулаки. — Но это был комплимент. У тебя хорошая задница.

— Так ты признаешь, что трогал меня без моего согласия и солгал об этом? — кричу я сквозь музыку, люди начинают поворачивать головы.

— Я сказал, что это был комплимент, — лопочет он, как гребаный идиот.

— Ты трогал меня без согласия, тогда я трону тебя, — рычу я, прежде чем обрушить свой кулак на его лицо. Он отшатывается назад к своим друзьям, которые смотрели на это, как никчемные ублюдки. Я отступаю назад, чтобы нанести еще один удар, когда чья-то рука хватается меня за запястье, и поворачиваюсь, видя Кэша, его лицо покрыто яростью, которую я никогда не видела раньше.

Локлан появляется из ниоткуда позади Кэша и бьет мужика в живот. Тот падает на пол, и они вдвоем хватают его за руки и тащат к двери для персонала рядом с баром.

Хотя я отстаю от них всего на несколько секунд, когда вхожу в комнату, мой обидчик лежит на полу с окровавленным носом и ботинком Локлана на лице.

— Стойте! Прекратите! — кричу я, дергая Кэша, когда он целится ногой в ребра парня.

Кэш мотает головой, как бешеная собака, и требует:

— Этот ублюдок тебя трогал?

— Да, но...

— Всё! Уйди, Харлоу, и дай нам разобраться с этим, — его слова подобны физическому удару. Они задевают мое достоинство сильнее, чем хватающие руки истекающего кровью человека на полу.

— Подними его, — рычит Кэш на Локлана, который тащит едва пришедшего в сознание мужчину к своим ногам, удерживая его руки за спиной.

Затем Кэш наносит ему искусный удар в челюсть. Потом с другой стороны. В нос, и его голова отлетает назад. Локлан держит его за волосы, а Кэш продолжает. Правый хук, левый хук, прямой, апперкот. Правый хук, левый, прямой, апперкот. Ноги мужчины шатаются, очевидно, он стоит только потому, что Локлан держит.

Мужчина издает нечеловеческий, воющий стон, и я дергаю Кэша за плечи.

— Остановись, Кэш. Остановись, блять, ты убьешь его!

— Он трогал то, что принадлежит мне, — рычание Кэша такое же нечеловеческое, это собственнический лай, и я не вижу того доброго человека, который держал меня за руку всего несколько часов назад. Он исчез, потерялся в безумном огне.

— Нет, он прикоснулся ко мне. И я говорю тебе остановиться.

— Ты. Ты. Моя, — его голос дрожит от гнева, и я не знаю, что ответить, лишь толкаю его изо всех сил обеими руками.

— Я сама по себе, черт возьми, Кэш! И если ты уважаешь меня как личность больше, чем свою гребаную собственность, то ты прекратишь прямо сейчас.

— Хорошо, — он снова поворачивается к мужчине, лицо которого представляет собой кровавое месиво. — Ты будешь жить, потому что моя королева щедра, — мне не нравится,

как он произносит слово «королева», как будто это грязное слово. Может, так оно и есть, если он король. — Скажи спасибо моей леди.

Мужчина бормочет что-то непонятное, и Кэш приседает, чтобы подлезть под его обвисшую голову.

— Скажи спасибо.

Когда он не отвечает ничего внятного — а я, честно говоря, не уверена, что он на это способен, — Кэш выхватывает пистолет, и я кричу.

— Покажи свою благодарность или сожри его нахрен.

Кэш приставляет пистолет к голове мужчины, и тот всхлипывает. Кэш бросает взгляд на Локлана, который скручивает мужчине голову. Он засовывает пистолет между его задыхающихся губ.

— Сожри.

Он дергает ствол, и с меня хватит. Решаюсь на авантюру, молясь, чтобы она окупилась.

— Я ухожу, Кэш. Ухожу! — кричу я, выбегая из кабинета. Сразу за дверью сталкиваюсь с Романом и прошу его отвезти меня домой.

Мое сердце колотится, а живот сводит, пока Роман провожает меня через черный ход из клуба в частный гараж. Как только Роман отпирает машину, я прыгаю на пассажирское сиденье и начинаю рыдать.

Чертовски надеюсь, что Кэш больше заботится о том, чтобы проследить за мной, чем об убийстве этого человека. Потому что если нет, то кровь будет на моих руках.

Мы с Романом находимся возле моей квартиры, и я с досадой понимаю, что оставила сумочку и ключи в машине Кэша. Достая заколку и начинаю просовывать ее в замок, когда Роман легонько толкает меня в бок и использует свой собственный ключ.

— Конечно, у тебя есть ключ. Почему бы всем не иметь ключ от моей квартиры, — говорю я со смехом, когда он впускает меня внутрь.

— Я подожду здесь.

— Хорошо, а если он придет?

Лицо Романа ничего не выдает, стоическое и по-военному спокойное. Я готова спорить на что угодно, что когда-то он был спецназовцем.

— Фокс сказал оберегать тебя, и даже если от него самого, то так тому и быть.

— А что, если он прикажет тебе впустить его?

— Ты хочешь, чтобы он вошел? — я качаю головой, по крайней мере, не сейчас. — Тогда я его не впускаю. Спокойной ночи, — я принимаю прощание таким, какое оно есть, и закрываю за собой дверь.

После разбора комнаты Бет в моей квартире царит полный беспорядок. Ее вещи, которые так долго лежали нетронутыми, бережно хранимые, словно она могла вернуться в свою прежнюю жизнь, упакованы. Запись преступления, которая стала преследующим воспоминанием, исчезла, и не то, чтобы я скучала по ней, но мне кажется, что с ее исчезновением чего-то не хватает.

И еще тот простой факт, что я не живу здесь уже несколько дней и больше не чувствую себя как дома. Квартира Кэша — это дом. И я ненавижу его за это.

Ненавижу то, как он заставил меня чувствовать себя, будто без него я не в безопасности. Как будто без него я не цельная. И больше всего ненавижу то, что сейчас, когда он —

источник моей боли, он же — единственный, кто от нее избавит.

Я поджимаю колени к груди на диване и смотрю на черный экран телевизора, мои мысли тонут в нарастающей волне в груди. Это должно закончиться.

Должно.

В меня стреляли, держали под охраной, преследовал и угрожал серийный убийца, я была свидетелем того, как человеку разнесло голову, и по совместительству виновна в скольких смертях? И еще не приблизилась к тому, чтобы найти настоящего убийцу Бет. Потираю глаза с разочарованным стоном.

Оживляюсь, когда слышу хрипловатый голос Кэша из коридора.

— Она внутри?

— Я не впускаю тебя, пока она не скажет, что все в порядке.

Я на цыпочках подхожу ближе к двери, чтобы услышать ответ Кэша.

— Знаешь, иногда мне хочется, чтобы ты не был так хорош в своей работе, — я подпрыгиваю, когда он начинает говорить со мной. — Харлоу, я тебя слышу.

— Ты его убил? — наступает тяжелая пауза, и я чувствую, как слабеют мои колени от осознания того, что на мою голову свалилась еще одна смерть.

— Он заслужил это, — говорит Кэш через дверь, и я прижимаю руку ко рту, чтобы скрыть подавленный всхлип.

— Но нет, я не убивал его, — делаю глубокий вздох облегчения, который некомфортно растягивает мои легкие. — Послушай, пусть Роман уйдет, и мы сможем поговорить об этом наедине.

— Хорошо, но засунь ключ под дверь.

— Договорились, — блеск золотистого металла проскакивает по полу.

— Все ключи, — добавляю я, и из-под двери вылетает еще один. — Хорошо. Спокойной ночи, Роман. Спасибо за сегодняшний вечер.

— Спокойной ночи, — слышу я его слова, когда звук шагов затихает в коридоре.

Кэш прислоняется к двери и сползает вниз, чтобы сесть, прижавшись к ней спиной. Я повторяю его позу с противоположной стороны и жду, когда ко мне придут слова.

Как мне сказать ему, что он свел меня с ума? Что быть с ним — это как жить во сне и в кошмаре?

Я понимаю, где кроется моя истинная боль, и начинаю с этого.

— Дело не в том, что ты чуть не убил человека, а в том, что я сказала тебе остановиться, а ты не сделал этого, — *господи, что я говорю?* — Я буду не я, если скажу, будто мне насрать, что ты убил человека. Мне не место в твоём мире. Я не знаю, как играть по его правилам и при этом быть собой.

Я чувствую толчок снизу и поворачиваюсь, чтобы увидеть пальцы Кэша, просовывающиеся под дверь. Со сжатым горлом и слезами на глазах, я скольжу рукой по полу, чтобы коснуться кончиков его пальцев. Слышу вздох Кэша и представляю его каменные глаза и раздувающиеся ноздри, когда он сжимает челюсти. Но он молчит.

— И я знаю, что ты не можешь сказать, что ты вышел из-под контроля или это больше не повторится, потому что...

— Потому что я никогда не буду лгать тебе, *кушле*, — это ирландское слово как кинжал впиваются мне в ребра, распахивая их в поисках сердца. — Я уже говорил тебе раньше: все, что ты захочешь, будет твоим. Так чего же ты хочешь, Харлоу? Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Я...

— Если так, я сделаю это. Умру, но сделаю, — зажмуриваю глаза и молюсь, чтобы ответ пришел ко мне. Потому что, хотя я знаю, что это должно закончиться, слова неправильные.

— Я хочу тебя... — почти чувствую, как напрягается его тело по ту сторону двери, пока я пытаюсь подобрать нужные слова. — Я хочу, чтобы ты был моим.

Он издаёт болезненный вздох, и это вонзает кинжал чуть глубже, потому что я знаю, что должна сказать дальше.

— Только на эту ночь.

— *Куишле...*

— Сейчас я открою дверь, — встаю и поворачиваю замок.

Передо мной стоит Кэш со взъерошенными волосами и окровавленными костяшками пальцев. Его рубашка растегнута на несколько пуговиц, а татуировки выделяются на коже, как небесный шедевр. От одного его вида мое чертово сердце разрывается.

— Всего одна ночь, — едва слышу себя за биением собственного сердца.

— Я не могу этого сделать, куишле.

— Я не могу жить, не зная, каково это — чувствовать тебя внутри, — шепчу я, и Кэш поднимает брови, потом жмурится, как будто ему больно. — Я знаю, что ты сказал, но...

— Я сделаю это. Буду твоим. На эту ночь.

— Хорошо, — вздыхаю я. Он протягивает свою ладонь через порог. Когда я беру ее, тепло обжигает мою кожу, как самый восхитительный и самый болезненный ожог. За руку веду его в свою спальню.

Бабочки бурно бьются в моем животе, когда он садится в мое кресло и смотрит, как я стою посреди комнаты.

— Разденься.

— Сама?

— Если у меня всего одна ночь, я не хочу упустить ни секунды. А теперь разденься для меня, *куишле*.

Я стесняюсь, когда стягиваю бретельки платья одну за другой и спускаю шелковистый материал вниз по телу. Кэш кусает кулак, когда я расстегиваю бюстгальтер, и от его тлеющего взгляда у меня горят щеки.

Он кивает на тумбочку.

— Подготовься для меня, — четко понимаю его послание и ложусь обнаженной на кровать, затем достаю из тумбочки свой вибратор-пулю.

Включаю. В тихой комнате раздается резкое жужжание, но оно стихает, когда я прижимаю его к себе. Резкий вдох вырывается из моей груди, и Кэш откидывается в кресле с горловым урчанием.

— Раздвинь ноги, *куишле*. Дай мне посмотреть, как блестит твоя красивая киска, — я сползаю по кровати и развожу колени в стороны. — Проклятье... — складка между его бровями углубляется, когда он смотрит, как я извиваюсь от вибрации.

Мое дыхание учащается, и он знает, что я близка; он хорошо умеет читать меня. Он встает и начинает раздеваться, не отрывая от меня взгляда. Забирается рядом со мной и проводит тыльной стороной ладони по моей щеке, затем по шее, между грудей и упирается в мой живот.

— Ты прямо на грани, не так ли?

Я хриплю и киваю, напряжение зажигает мои чувства.

Он переползает через меня и устраивается между моих бедер, чуть отодвигая вибратор.

— Почему?

— Я хочу, чтобы ты кончила в тот момент, когда я сделаю тебя своей, — в его тоне нет ничего собственнического, как в клубе. Вместо этого он пронизан сладостью и ностальгией по тому, что еще даже не произошло.

Мои пальцы на ногах начинают загибаться, а мышцы сокращаться.

— Сейчас, Кэш.

Кэш закидывает мои ноги себе на бедра и погружается в меня. Когда его член скользит в моей киске, я разбиваюсь вдребезги. Его руки дрожат, когда я кричу от освобождения и сжимаюсь вокруг него. Он заполняет меня так идеально, что становится больно. Я стону, когда он наполовину выходит и с ворчанием входит обратно.

— Так чертовски идеально, *куишле*. Эта киска была создана для меня, — он снова делает толчок. — А я создан для тебя.

Я задыхаюсь от каждого резкого толчка его бедер, мое тело все еще пульсирует от оргазма. Каждое движение его члена по моей точке джи посылает удовольствие.

Тянусь к его лицу и сжимаю его между ладонями, прижимая к себе, чтобы поцеловать. Никогда еще поцелуй не был таким легким, но в то же время глубоким. Его губы едва касаются моих, но я чувствую в них любовь. Во время следующего толчка я стону, и он проглатывает этот стон, раздвигая языком мои губы. Мое сердце замирает, ощущая, что мне слишком тесно в грудной клетке.

Он начинает входить в меня чуть сильнее, и я резко вдыхаю.

— Прости, *куишле*, я не могу больше медлить.

— Все в порядке. Если это только на одну ночь, то хочу тебя всего, — дышу я ему в губы.

— Одна ночь, — стонет он и зацепляет мое колено своей рукой, чтобы углубить наклон, и еще больше вдальбливается, обхватывая заднюю часть моей шеи другой рукой.

А потом трахает меня.

Прижимая к себе, он врезается, словно ищет способ соединить нас в одно целое. Его дыхание горячее на моей шее, и с каждым толчком он ворчит, словно это одновременно удовольствие и боль. И я точно знаю это чувство, потому что каждый раз, когда он погружается в меня, ощущаю целостность, которую никогда не знала раньше. Но с каждой передышкой, какой бы короткой она ни была, я ощущаю раздирающее чувство потери глубоко в груди.

Он шипит сквозь стиснутые зубы, когда он приближается к кульминации, и задыхается.

— Кончи со мной, детка. Кончи на мой член в последний раз.

Я поднимаю вибратор и вставляю ее между нами, пока он продолжает свой неумолимый ритм. Жестко и быстро, отчего моя киска дрожит.

— О, черт, да, — стонет он, балансируя на грани. — Дай мне, *куишле*. Дай мне это.

— Ах, Кэш, — кричу я, когда оргазм достигает вершины и обрушивается вниз волнами горячего удовольствия.

— Боже, Харлоу, — мое имя вырывается из глубины горла, когда он жестко входит в меня, преодолевая импульсы моего оргазма.

Он рушится на меня сверху, смахивая потные пряди волос с лица, целуя мою челюсть.

— Моя идеальная королева, — бормочет он, и на меня оседает тяжесть.

Он медленно выходит и перекачивается на спину, увлекая за собой, так что я лежу на его боку, мои руки и голова на его груди. Я вздрагиваю, когда его рука проникает между моих бедер.

— До последней капли, *кушле*. Я хочу, чтобы ты сохранила каждую унцию меня в себе, — он собирает двумя пальцами свою сперму, вытекающую из меня, и засовывает обратно.

Мы лежим в молчании, оба тяжело дышим и возвращаемся к собственным телам после того, как разделили одно.

Кэш нарушает тишину.

— Ты знаешь, что сегодняшняя ночь была только началом, а не концом.

Нельзя отрицать. Это гораздо больше, чем просто одна ночь.

— Я знаю. Нет пути назад.

Слышу мягкую улыбку в его голосе, когда он прижимается губами к моему лбу.

— Нет пути назад.

ГЛАВА 24

Красавица

Харлоу

В своей жизни я принимала много решений. Некоторые хорошие, другие плохие. Плохие, как в тот раз, когда я решила, что будет забавно съесть сырой халапеньо за один укус, потому что он не может быть настолько плохим. Хорошие, как сесть рядом с тихой русской девочкой в первый день в детском саду. Плохие, как возвращение домой после вечеринки в колледже. Хорошие, как принести домой котенка, которого я нашла за мусорным контейнером.

Еще неизвестно, будет ли выбор Кэша Фокса хорошим или плохим.

Но прямо сейчас, когда его теплое тело обнимает мое, а утреннее солнце отбрасывает оранжевые тени на его нежный профиль на подушке, это чертовски приятно.

Кэш всегда во всем тверд. Только не во сне. Его лоб разглажен от всех складок, а челюсть расслаблена. Я анализирую плавный наклон его носа и то, как веснушки блекнут, чем дальше от щек они расползаются. Его ресницы длинные и завитые, слегка трепещут ото сна. Сонные вздохи вырываются из его губ.

Проще говоря, в таком виде он очарователен. Я вижу мальчика, которым он был до того, как мир насилия и потерь ожесточил его. Мне хочется крепко прижать его к себе и сказать, что не нужно все время быть таким сильным. Потому что сильный не гнется, а ломается.

Я целую его висок, ощущаю тяжесть и полноту в груди. Он просыпается с ленивым стоном и крепче сжимает руку, которой обхватил мою талию.

Смеюсь, когда его член просыпается быстрее, чем он сам, эрекция упирается мне в бедро. Он прижимает меня к своей груди, мое обнаженное тело мягко и податливо тянется к его твердому и точеному телу. Мне нравится этот контраст, противоположные размеры идеально сочетаются друг с другом.

— Залезай сверху, детка, — хрипло шепчет он. — Хочу посмотреть на тебя.

Я переворачиваю его на спину, упираюсь ладонями на грудь. Ставлю одну из своих ног на матрас, приподнимая попу. Ввожу его твердый член в свою киску и опускаюсь.

Его голова вжимается обратно в подушку, когда я принимаю его в себя, прикусывая губу со стоном.

— Ты говорила, что во мне нет ничего святого, но быть внутри тебя — это гребаный рай, — я таю от его слов, начиная медленные, волнообразные движения.

Ласкаю одну из своих грудей, а его взгляд задерживается на другой, хватая ее ладонью. Он щиплет мой сосок, и я стону.

— Так приятно, — мой полный вождения голос хриплый со сна. Я наклоняюсь вперед, выгибая спину. — Придуши меня.

Томная улыбка играет на его губах, а в глазах появляется дьявольский блеск, когда он обхватывает мою шею своей покрытой чернилами рукой. Другой ладонью массирует мои бедра, пока я медленно поднимаюсь и опускаюсь.

Он сжимает сильнее, и у меня кружится голова, жар приливает к щекам и бурлит внутри. Я сжимаю его рот, и он с готовностью раздвигает губы, засасывая мой палец. Моя киска сжимается, когда он проводит языком по кончику, прежде чем я вытаскиваю его с

хлопком. Опускаю смоченный палец к своему клитору и размазываю слизь точными круговыми движениями.

— Когда ты так ласкаешь себя, у тебя сжимается киска...

Резкий звонок разрывает пьянящий момент, и я откидываю голову назад со стоном о худшем времени в истории мира. Кэш переводит взгляд на экран своего телефона, лежащего на моей тумбочке, но держит обе руки на мне.

— Не ответишь? — спрашиваю я раздраженно.

— Нет, перезвонит, если это важно. А теперь оседлай меня, детка.

Как раз когда мы возвращаемся в ритм, телефон звонит снова, и я со вздохом скатываюсь с Кэша. Он подносит телефон к уху. Я не могу разобрать слов, но на другой линии кричат.

— Черт. Буду там, как только смогу, — он кладет трубку и бросает телефон на матрас рядом с собой.

— Локлана арестовали, маленький засранец, — Кэш перекидывает ноги через край кровати и проводит рукой по своим беспорядочным волосам.

— Блин, я могу что-нибудь сделать? — это кажется глупым вопросом, но еще более глупо не предложить помощи. Особенно после того, как я узнала об обещании Кэша своему отцу, это кажется гораздо более весомым.

— Нет. Это тупое обвинение в хранении, вероятно, подбросили. Его выпустят уже завтра. Финн уже заставил наших адвокатов в участке стучать по головам, — он натягивает брюки и набрасывает рубашку на плечи. — Хочу, чтобы ты была дома, когда я вернусь. Сделаешь это для меня, *кушле*?

— Дома...

— Моя квартира — наша квартира. Я позвоню Альфи, чтобы он заехал за тобой.

— Хорошо, — опускаюсь на матрас на колени, уже оплакивая то, как мой мягкий, сонный Кэш возвращается к своей стоической роли главы семьи.

Он берет мое лицо в свои ладони и целует со стоном.

— Увидимся позже, детка, — затем он целует меня в лоб и выходит из комнаты, все еще заправляя рубашку.

— Я возьму ключ, чтобы запереть дверь, — кричит он из кухни. — Там же серийный убийца вообще-то.

— Слишком рано для таких шуток, придурок, — кричу я в ответ со смехом.

— Спасибо, Альфи, — машу рукой на прощание, закрывая дверь квартиры Кэша после того, как меня проводили. Я все еще чувствую себя странно, когда меня везде сопровождают, но учитывая, как быстро изменилось сегодняшнее утро и даже прошлая ночь, я думаю, что лучше перестраховаться, чем потом жалеть. И знаю, что в глубине души Кэш действительно хочет, чтобы я была в безопасности, даже если доказывает это сумасшедшими способами.

Я вскрикиваю от испуга, когда оборачиваюсь и вижу, что кто-то выходит из коридора.

— Прости, дорогая. Я не хотела тебя напугать, — Донна поднимает руки в тот самый момент, когда Альфи распахивает дверь, поднимая пистолет.

— О. Привет, Донна, — Альфи убирает пистолет в кобуру.

— Привет. Я просто искала свой браслет. Видимо, обронила в прошлый раз.

— Ты нашла его? Я могу помочь поискать, — мой пульс замедлился до нормального.

— Нашла, — она покачивает запястьем в воздухе, демонстрируя браслет ручной работы. — Внук сделал его для меня, так что я не могу его потерять, — она подмигивает мне, направляясь к двери.

— Понятно. Ну, хорошего дня, — провожаю ее и жду, пока она войдет в лифт.

— Простите, мэм. Надо было проверить журналы доступа, прежде чем впускать вас. Это было опрометчиво с моей стороны, и слава богу, что это всего лишь Донна, — Альфи качает головой.

— Журналы доступа?

— Да, у каждого человека есть PIN-код, чтобы попасть в квартиру — он генерируется случайным образом каждую неделю, но в журнале ведется учет тех, кто приходит и уходит, — я впервые замечаю, что помимо типичного засова с замочной скважиной на входной двери есть еще и клавиатура.

— Хм, здорово.

Я делаю себе латте со льдом в эспрессо-машине, ведь была долгая ночь, а затем нахожу бикини в вещах, которые Стелла принесла для меня.

Надеваю бикини и кручусь перед зеркалом в полный рост в гардеробной. Мой живот сжимается от маленьких фиолетовых следов, усеивающих кожу. Руки Кэша на мне — даже когда его здесь нет. Мой живот чуть выпирает. Я выгляжу хорошо и не могу не думать о том, какие гадости сказал бы Кэш, если бы пришел домой сейчас.

Нижняя часть — стринги, мои ягодицы отлично выглядят с ямочками повыше. Я покачиваюсь перед зеркалом. Да, повезло сукину сыну.

Прежде чем отправиться в бассейн, иду в ванную. Когда мою руки, слышу характерный звук капавшей воды в шкафчике под раковиной. Я не знаток сантехники, но знаю, как звучит протекающая труба.

Беру полотенце для рук с кольца и приседаю на корточки, чтобы посмотреть, вдруг смогу сама что-то исправить. Когда открываю шкаф, то вижу, что из того места, где две трубы соединяются гайкой, капает вода. К счастью, кажется, что она просто немного ослабла, и когда я снова проверяю кран после затяжки, вода сливается нормально.

На дне шкафа лежит несколько туалетных принадлежностей, и я быстро вытираю их полотенцем. Пока вытираю его насухо, полотенце цепляется за край, и когда я тяну его, то понимаю, что в дне шкафа вырезана панель.

Любопытствуя, на какой тайник я наткнулась, приподнимаю квадрат фанеры, ожидая найти там пыль или потерянные подкладки. Вместо этого там небольшой моток золотой цепочки.

Достаю изящное золотое ожерелье, и кажется, что сейчас упаду в обморок. Или, по крайней мере, я официально потеряла рассудок.

Смотрю на цепочку, мой пульс бьется, убеждая, что это реальность, а не страшный, извращенный сон.

Тошнота подкатывает к желудку, когда я расправляю цепочку, в центре которой выведено одно слово:

Красавица.

Я думаю о том, чтобы позвонить Лео. Правда.

Но потом вспоминаю, что Кэш сказал сегодня утром, как он был самодоволен и уверен, что его адвокаты вытащат брата, в чем бы его ни обвинили. Думаю о том, как высокомерно он смеялся, когда говорил о том, что Лео — неудачник, который никогда не сможет ничего на него повесить. Даже вспоминаю грубую шутку, которую он произнес, покидая мою квартиру.

Кэш Фокс, возможно, совершает самые тяжкие и самые ужасные преступления в Джун Харбор, и, тем не менее, он никогда не сидел за решеткой. Фактически, он всю свою посвятил тому, чтобы никогда не окажется за решеткой, ведь пообещал отцу.

Так что, конечно, я могу позвонить Лео и посмотреть, как Кэш будет выкручиваться. Опять же. Если чертова татуировка на руке не может быть достаточным аргументом, то что толку от ожерелья? Я бы с удовольствием посмотрела, как он будет выкручиваться. Какую ложь он скажет мне в лицо, какой глупой он меня считает.

Мурашки по коже при мысли о том, как он играл со мной. Уничтожил меня.

Так что, да, я думаю позвонить Лео. Но этого недостаточно. Я хочу уничтожить его так же, как он меня.

Он забрал все светлое и прекрасное и задушил во мне жизнь. Он взял мою любовь, мое тело, мою чертову душу и испортил ее, *отравил*.

А я вырву его гребаное сердце.

Я слышу, как он вошел с того самого места, где сижу на его кровати, все еще в купальнике, хотя так и не дошла до бассейна.

— Харлоу? — услышав его голос, я словно глотаю стекло.

— Здесь, — отвечаю я, натягивая маску, когда его шаги приближаются.

— Привет, детка, — он улыбается, и мне физически больно повторять его жест. Его взгляд пробегает по моему телу, и он проводит большим пальцем по губам. — Плавала?

— Так и не добралась, вместо этого вздремнула, — от его взгляда по моей коже бегут мурашки.

— О, хорошо, — он расстегивает рубашку. — Значит, хорошо отдохнула для того, чтобы продолжить то, на чем мы остановились сегодня утром.

Я кривлю губы.

— Я ждала... *папочка*, — не знаю, что заставляет меня так говорить, потому что мысль о том, что он прикасается ко мне, вызывает тошноту. Может быть, это стремление не показаться, сыграть глупую дурочку, которой он меня считает.

Но когда он раздевается и опускается на колени на кровать с выражением гребаного обожания в глазах, я понимаю, в чем дело. Он думает, что наконец-то заполучил меня, что я наконец-то люблю его так, как он любит меня.

Так что я трахну его. Буду трахать его, целовать и заставлять думать, что он владеет моим сердцем, все это время планируя его гибель. Идеальная расплата — солгать ему так же, как он мне. Дать ему то, чего он так отчаянно хочет, но это будет не более чем фарс.

Он раскинулся на спине, закинув руки за голову на подушку. Его член стоит как мачта. Я перебираюсь на его бедра и ласкаю свои груди, а он смотрит на меня, как собака на кусок мяса.

— Как все прошло с Локланом?

— Ничего такого, с чем мы не могли бы справиться, — он разрывает зрительный контакт.

Я упираюсь тазом в его эрекцию, чтобы вернуть его внимание.

— Ты ведь знаешь, что можешь поговорить со мной? Наверное, это нервирует каждый раз, когда происходит что-то подобное, учитывая твоё обещание, — я потрясена тем, с какой лёгкостью вытекает моя фальшивая забота. Он смотрит на меня с благодарностью и доверием, и я задаюсь вопросом, было ли ему также легко лгать. Неужели ему нравилось видеть меня слабой и уязвимой, чтобы потом вылепить меня по своему подобию?

— Я знаю, *кушше*, — он убирает одну из моих рук со своей груди и целует мои костяшки. Этот нежный момент длится недолго. — А теперь сними этот гребаный лифчик и дай папочке посмотреть.

Я сладко улыбаюсь, несмотря на чертовски кислый вкус. Снимаю купальник, и он ласкает руками мою голую грудь. Раньше мне нравилось, как его руки, все в наколках и прожилках, выглядели на фоне моей нежной кожи. Теперь они выглядят гротескно, и я не могу выносить их вида на себе.

Беру его за запястья и поднимаю их над головой. Он мрачно усмехается, когда я использую лифчик от бикини, чтобы привязать их к изголовью.

— Папина непослушная девочка.

Я сдвигаю трусики в сторону и трусь своей киской по его длине. К счастью или к несчастью, моя вагина — тупая сучка и без проблем намокает для него. Он стонет, и его руки сгибаются от напряжения, когда я насаживаюсь. Непроизвольно стону от полноты, моё тело поддается ему.

— Так чертовски туго, детка.

Я подпрыгиваю на его члене, выражая удовольствие только тогда, когда он открывает глаза. Стону на автопилоте. Изредка бормочу «о боже» или «блять, да».

Все, о чем я действительно думаю, это о том, смогу ли с его связанными руками, задушить его подушкой до смерти.

ГЛАВА 25

Свинья

Кэш

Я снова проверяю часы, Харлоу все еще нет. У нас повторное открытие «Лисьего логова», и я на улице с прессой, важными шишками города и давними членами нашего сообщества. Для этого мероприятия установил сценические занавесы, как тент. Они свисают на тротуар, а уличные фонари придают красному бархату янтарный оттенок.

Наконец, я вижу, как Стелла выходит из Убера. Они с Харлоу вместе ходили делать прическу для мероприятия. Когда машина отъезжает, а Харлоу все еще не вышла, я прикусываю щеку и машу Стелле рукой.

— Эй, босс, отлично выглядишь, — она поправляет мой галстук-бабочку. — Так много людей.

— А где Харлоу?

Она выглядит ошеломленной моим резким тоном, поэтому я пытаюсь снова.

— Она взяла отдельную машину?

— Я думала, она была с тобой? — *черт.*

Мой желудок бурлит.

— Ты не собиралась с ней?

— Нет, она написала мне...

— Дай мне свой телефон, — рычу я и оттаскиваю ее за руку в сторону от толпы, собравшейся у входа в ожидании большого разоблачения. Не спрашивая, она открывает диалог с Харлоу и протягивает мне свой телефон.

— Что происходит, Кэш? Ты меня пугаешь, и я не знаю, то ли это ты просто типичная сумасшедшая задница, то ли что-то правда не так.

Извини. Не могу приехать.

Я перечитывал сообщение от Харлоу снова и снова. Она не отправляла его. Эта девушка не только никогда в жизни не писала смс, она никогда бы не отменила планы в последнюю минуту с полупустым извинением и без объяснений.

— Что-то не так. Действительно, блять, что-то не так, — в груди такое чувство, будто на меня наступил чертов слон. Я едва слышу, как мой организатор мероприятия произносит вступительное слово из-за гула в голове.

— И добро пожаловать в «Лисье логово»! — говорит Мелисса, взмахнув руками, и люди возбужденно хлопают.

Аплодисменты стихают, чем выше поднимается занавес, пока резко не затихают, когда открывается полная сцена.

Огонь проносится сквозь меня, когда я вижу кровавые буквы, написанные на окнах:

Убийца был здесь.

Люди задыхаются, поворачивают головы. Буквы еще влажные, и по вязкости я могу сказать, что это настоящая кровь, а не краска. Локлан и Роан подбегают ко мне, спрашивая, что делать. Раздаются вспышки, пресса голодно делает фотографии, как гребаные стервятники.

— Уберите этих людей отсюда, — рывкаю я на них. Замечаю Финна и сую ему в руку

телефон Стеллы. — Узнай, откуда было отправлено это сообщение, и едь в мою квартиру. Жди там вестей.

Мы с Романом встречаемся взглядами, и я киваю головой в сторону двери. Он занимает свое место рядом со мной, и мы работаем вместе, как хорошо смазанная машина. Синхронно достаем пистолеты и открываем двери.

То, что встречает нас внутри, еще хуже. Старинное зеркало, которое мы только что кропотливо отреставрировали, снова разбито. Я даже не знаю, сколько галлонов крови разбрызгано по всем поверхностям. Белые скатерти залиты красным. Мы ступаем осторожно, чтобы не поскользнуться в лужах. Это кровавая баня в самом буквальном смысле.

— Что за черт... — бормочет Роман, и я впервые вижу, как он чем-то шокирован. Я видел его выходящим из перестрелок и горящих зданий с таким видом, будто он только что посетил занятие по йоге.

Слежу за его взглядом, и мое собственное потрясение увеличивается.

На барной стойке лежит свинья. Целая, блять, выпотрошенная свинья. Должно быть, это прямо с крюков из нашей мясной камеры, потому что я узнаю зеленый штамп скотобойни, у которой мы покупаем мясо. Роман прикрывает мне спину, непрерывно сканируя место, жутко тихое, если не считать гула людей, все еще находящихся на тротуаре и жаждущих взглянуть на новейшее место преступления Убийцы из Джун-Харбор.

Кожа свиньи бледно-серого цвета и кажется холодной на ощупь, ее рот застыл открытым. Из бока что-то торчит, и мой пульс учащается, когда я понимаю, что это рукоятка ножа. Для человека, который был свидетелем и совершал преступления гораздо более ужасные, мой желудок все еще вздрагивает, когда я вижу фотографию, прикрепленную лезвием к трупку свиньи.

Это та же самая фотография, которую Харлоу получила от убийцы, только теперь ее лицо выцарапано, а нож вонзился в тело. Я вдыхаю и выдыхаю горячий воздух через нос, пока вытаскиваю лезвие. Переворачиваю фотографию и вижу, что предыдущее сообщение зачеркнуто, а под ним напечатано новое.

Хрю, хрю. Найди своего поросенка.

И номер телефона.

Тут же набираю цифры. Ярость бурлит под кожей, мне становится жарко, все чешется, и я хочу, черт возьми, закричать. Особенно когда после двух гудков звонок переключается на голосовую почту. Мгновенно на мой телефон приходит новое сообщение.

Там указан адрес в складском районе на периметре города. И простая инструкция:

Приходи один.

— Повара были заперты на кухне, а я нашел за дверью вот это, — Роман протягивает черную коробку с несколькими антеннами.

— Глушилка, — я вгрызаюсь ногтями в руки, сжимая кулаки. — Мне нужно идти, но проверь записи с камер наблюдения, хотя я сомневаюсь, что там что-то будет. Этот ублюдок дотошный. Мне также нужны все фотографии от всех людей, которые были на том тротуаре. Может, кто-то что-то заснял на заднем плане.

— Договорились. Могу попросить Альфи сделать это. Пойду с тобой.

— Нет. Я должен один...

— Я не могу позволить тебе сделать это, Кэц, — глубокие карие глаза Романа встречаются с моими, пронизанными суровостью. Он настолько же верен, насколько упрям,

и это невозможно не ценить.

— Отлично. Отгони мою машину, встретимся там, — он кивает, довольный, и выходит через парадную дверь в толпу людей.

Я пробираюсь назад, но у меня нет намерения ждать его.

Урчу «Харлеем», прежде чем заглушить двигатель. Осматриваю заброшенный участок, трава и сорняки прорастают сквозь трещины в старом цементе. Других машин нет, только фонарь на боку здания. Он тускло мерцает.

Убедившись, что здесь нет никого, кто ждал бы меня в засаде, я паркуюсь и иду внутрь здания. Это простая конструкция из листового металла с широкой откатной дверью, которая сейчас задраена. Фундамент — тот же устаревший бетон, что и на стоянке, и, кроме разбросанного мусора, во всем помещении есть только одна примечательная вещь.

Простой деревянный обеденный стул стоит рядом с походным фонарем, освещающим небольшой радиус сумрачно-оранжевым светом. В углах комнаты крошечная тьма, и у меня по спине ползет лед от осознания того, что здесь много слепых зон.

Мой телефон оповещает о новом сообщении.

Оружие на пол. Пристегни себя наручниками к стулу.

Я не роняю пистолет. Нет, крепче сжимаю.

— Я пришел сюда, но мне надоело выполнять приказы гребаного труса. Выходи и встретиться со мной лицом к лицу, — они должны быть где-то близко, если не в самом здании. Достаточно близко, чтобы знать о моем прибытии, и не важно, подыграю я их игре или нет.

Приходит еще одно сообщение, и на этот раз просто аудиофайл. Сердце уходит в пятки, как только я нажимаю кнопку воспроизведения. Голос Харлоу захлебывается рыданиями, она умоляет кого-то. Раздается резкий звук шлепка, и я слышу ее крик, прежде чем аудиозапись заканчивается.

Скрежещу зубами, когда ее крики эхом отдаются у меня в голове. Я рычу, но кладу пистолет на цементный пол и иду к стулу. С каждым шагом моя кровь бурлит, как паровоз. На сиденье лежит набор наручников. Я просовываю руки через прутья в спинке кресла и застегиваю наручники, надеясь, что Финн узнает что-нибудь полезное из телефона Стеллы.

— Какая послушная маленькая шлюшка, — ее голос режет воздух, как удар хлыста. Я мотаю головой туда-сюда, пытаюсь увидеть, где она.

Она выходит из тени прямо передо мной.

— *Куишле*, — вздыхаю я, когда мои глаза скачут, проверяя каждый видимый дюйм ее тела на наличие признаков вреда. — Ты ранена? Где он?

— Прямо напротив меня, — она подходит ближе, в глазах тьма, я обдумываю ее слова, как сейчас, так и несколько секунд назад. Она останавливается в нескольких футах передо мной и вертит на пальце кончик лезвия.

— Такой хороший мальчик, следующий указаниям. Как думаешь, ты заслуживаешь награды?

Я проглатываю свое замешательство, пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит, и одновременно радуясь, что она, похоже, цела и невредима.

— Харлоу, в чем дело? — натягиваю наручники, когда сажусь, чтобы наклониться ближе к ней.

Она держит нож так, что он сверкает в свете фонаря, и смотрит на него с

благоговением.

— Я хотела использовать пистолет — спасибо за уроки. Теперь буду уверена, что не промахнусь. Нож поэтичнее, нет?

— Что за херню ты несешь? Ты на что-то подсела?

— Нет, милый. Я как всегда в ясном уме, — в ее тоне сквозит яд, и когда она называет меня милым, это холодно и горько. Она вытаскивает золотую цепочку из декольте своего красного атласного платья.

— Ожерелье? Думаешь, я тебе тайно изменяю или еще какая-нибудь хрень?

— Пошел ты, Кэш, — огрызается она и делает выпад вперед, поддевая мой подбородок плоской стороной ножа. — Еще раз будешь обращаться со мной как с тупой душой, и, клянусь богом, я перережу тебе глотку и буду наслаждаться каждой гребаной секундой. — *господи.*

Ничего не имеет смысла. Гнев и ненависть в глазах Харлоу чисты и без примесей. Это по-настоящему.

Она упирается острием лезвия в мое адамово яблоко, и я чувствую, как ей хочется резать глубже. Я был рядом с достаточным количеством убийц, чтобы узнать жажду крови. И сейчас она хочет убить меня всеми фибрами своего существа.

Она встает прямо, размахивая ножом.

— Мне понравилось украшать Логово, и я рада этому, потому что, если бы не выплеснула ярость раньше, не уверена, что смогла бы удержаться от того, чтобы не убить тебя на месте, — такое ощущение, что меня ударили.

— Это... сделала... ты? — мои слова застыли, голос дрожит от эмоций.

— Враги всегда близко, разве не этому ты меня учил? — тошнотворное ликование в ее голосе посылает мурашки по моему позвоночнику. — Должна отдать тебе должное, Кэш, ты был очень убедителен.

— Харлоу...

— Меня стошнило, знаешь ли. Когда я нашла ожерелье Бет в твоём маленьком тайнике. От мысли, что я недавно трахнула тебя, мне стало физически плохо.

Я смеюсь, когда звучат эти слова. *Где он? Прямо передо мной.*

— О, так мы снова вернулись к этому дерьму, да?

Харлоу

Опять эта хрень.

Я не думала, что мое тело способно вместить еще больше ярости. Похоже, ошибалась.

— Что сделало тебя сильнее? Убийство Бет или мое утешение, пока я оплакивала ее?

Он проводит языком по внутренней стороне нижней губы.

— Ни то, ни другое. Потому что я не убивал ее, черт побери.

Снова приставляю нож к его горлу и наблюдаю, как пульс остается невероятно стабильным. Он выглядит... скучающим. Я не могу угрожать ему болью или даже смертью. Он не боится смертных вещей. Что, если я дам ему то, чего он хочет больше всего, а потом пригрожу отнять это? Ради меня он почти вступил в войну с Братвой. Что еще он сделает для меня?

Поднимаю платье, и его взгляд прослеживает движение темно-красного материала

вверх по бедру, туда, где я прячу нож в набедренной кобуре. Я подхожу к нему и не могу отрицать силу, которую чувствую, заставляя его смотреть. Испытываю отвращение, но не удивление, когда вижу, как он напрягается в штанах.

— Последний секс перед тем, как ты убьешь меня? — спрашивает он, когда я сажусь к нему на колени, приподняв одну бровь.

Я не отвечаю на его вопрос и с каменным выражением лица начинаю расстегивать пуговицы на его рубашке. Его глаза темнеют, и он не отрывает взгляда от моего лица. Расстегиваю рубашку и провожу ладонью по его груди над бьющимся органом.

— Стелла предупреждала меня об этом. Сказала, что у тебя нет сердца.

— Есть. Это ты. *Кушиле моу кхри*, — пульс моего сердца.

— Не знаю, что хуже, — говорю я, расстегивая его брюки удивительно твердыми пальцами. — То, что я влюбилась в убийцу лучшей подруги, или то, что ты искренне считаешь себя способным любить меня после всего, что ты сделал, — потому что в том-то и дело, что я знаю, Кэш думает, что любит меня. Может быть, в каком-то извращенном виде. Но для него это реально.

— Я действительно люблю тебя, *кушиле*, — его слова — стрела в мое сердце. Острая. Болезненная. Смертельная. Потому что я хочу верить им, а не его лжи. Хочу, чтобы было объяснение ожерелью, но этого нет. И если я позволю себе поддаться мыслям, это убьет и меня.

Стягиваю его брюки, и он поднимает бедра, чтобы помочь мне, член стоит между нами.

— Мне не нужно твое признание в любви. Мне нужно твое признание в убийстве.

Он усмехается.

— Кажется, мы уже говорили об этом, нет?

С ненавистью в сердце я поднимаю бедра и скольжу своей киской по его члену.

— Ох, блять, — мямлит он, и мне приходится прикусить язык, чтобы не сказать то же самое. Он меня наполняет. Он такой родной, а мое тело еще не догнало разум.

Я медленно покачиваюсь вверх-вниз, а Кэш лениво улыбается.

— Как всегда, такая влажная для меня. Может, особенно намочла, когда захотела меня убить.

Я продолжаю, пока мышцы его шеи не напрягаются, когда он смотрит в потолок и тяжело дышит.

Останавливаюсь. Он наклоняет голову вперед.

— Признайся, и я продолжу.

— А что мне мешает это сделать? — он поднимает бедра вверх.

— Это, — я снова достаю нож и прижимаю его к коже его горла.

— Убьешь меня — не получишь признания, — он ухмыляется.

— Хорошо, что ты не умеешь говорить ногой, — заношу руку за спину и погружаю лезвие в его бедро. Он рычит сквозь стиснутые зубы, слюна летит, он истекает кровью.

— А теперь расскажи мне еще раз, как ты ее не убил?

— Я не убивал ее, — впервые за сегодняшний вечер в его глазах появляется намек на настоящее отчаяние.

— Неправильный ответ, — я снова скачу на его члене, пока он не задыхается, и смотрю, как напрягается его татуированный пресс.

И снова останавливаюсь.

— Блять, Харлоу, — он злобно сплевывает и извивается в своих путах. Я улыбаюсь в

ответ, довольная выбранным методом пытки.

— Ответь на вопрос, как хороший мальчик, и я позволю тебе кончить, — дразню я, и его ноздри раздуваются.

— Неужели ты думаешь, что я такой идиот, буду совершать убийства, когда у меня не закрыта самая заметная татуировка? Скажи мне, тот убийца...

— Это был ты.

— А с другой стороны, на нем была перчатка? А что насчет одежды? У меня татуировки по всему телу. Были видны другие?

— Прекрати пытаться запутать меня, — я не могу удержаться, чтобы не поерзать на его коленях, так много кинетической энергии пульсирует во мне. — Я видела тебя той ночью, и теперь у меня есть доказательство, — я снова прекращаю движение и достаю ожерелье.

— Черт, хорошо. Расскажи мне об этом ожерелье. Где ты его нашла?

— Ты точно знаешь, где я его нашла, — он стонет, и я понимаю, что случайно сжала вагину его, когда кричала.

— Просвети меня.

Я закатываю глаза, но если мне придется ответить на несколько глупых вопросов, чтобы наконец услышать правду из его уст, то так тому и быть.

— В потайном отделении под раковиной в ванной. Я случайно обнаружила его, когда устраняла протечку.

Его лицо теряет цвет. Появляется искреннее беспокойство.

— Очень немногие знают об этом месте... — он смотрит в сторону, медленно покачивая головой. — Я могу пересчитать по пальцам одной руки количество людей, знающих секретные тайники в моей квартире, — такое ощущение, что он больше размышляет вслух, чем говорит со мной.

— Достань мой телефон из кармана, нужно, чтобы ты кое-что поискала, — он весь в размышлениях, как будто я не допрашиваю его с пристрастием и он не внутри меня.

— Нет, пока...

— Ты хочешь гребаную правду или нет, Харлоу? — рывкает он, и я испуганно вздрагиваю от неожиданности. — В кармане пиджака, — хмуро смотрю на него, но поскольку это самое большее, что он дал мне за весь вечер, тянусь к его расстегнутой рубашке и забираюсь в пиджак.

Подношу телефон к его лицу, чтобы разблокировать с помощью FaceID. Он дает мне указания открыть защищенную паролем папку, резко вдыхая, когда я слишком сильно извиваюсь на его члене.

— Прочитай по порядку.

Я мгновенно узнаю имена.

— Ты, сегодня. Роман, сегодня. Ты, сегодня. Ты, сегодня. Локлан, вчера. Роман, вчера... — я продолжаю, пока он не останавливает меня на: — Донна, четверг.

— Что это за список, Кэш?

— Журнал доступа. Каждый, кто входит, имеет персональный код, чтобы попасть внутрь, и таким образом, он отслеживает, кто приходит и уходит. Но, Донна, ты сказала, что она там была в четверг? Это не ее запланированный день.

— Да, я столкнулась с ней, когда она уходила. Она искала браслет, который упал...

Он усмехается.

— Донна, Донна. Во что ты ввязалась? — пытаюсь проследить за ходом его мыслей, но

я в растерянности. Конечно, он не думает, что Донна, его шестидесятилетняя экономка, является Убийцей из Джун-Харбор.

— Хорошо, мне нужно, чтобы ты нажала на время рядом с ее именем в журнале, — когда я это делаю, экран меняется на сетку видеозаписей с камер наблюдения, снятых в разных ракурсах квартиры Кэша. В левом верхнем углу мы видим, как Донна входит в комнату. Когда она поворачивает ручку, мой взгляд останавливается на браслете на ее запястье, и у меня сводит живот.

Он и не пропадал.

Я все больше шокируюсь, наблюдая за тем, как она проходит через всю квартиру и заходит в ванную Кэша. В висках стучит, когда я вижу, как она опускается на колени и возится под шкафом, прежде чем достать из сумочки гаечный ключ. Чтобы ослабить гайку соединения.

— Кэш... — мой рот двигается, но не осознаю, что говорю, мои мысли настолько перепутались, что я не могу мыслить ясно, не говоря уже о том, чтобы говорить.

— Посмотри на меня, — я не могу. Не могу смотреть на него. Смотрю вниз, и он выворачивает шею, пытаясь посмотреть мне в глаза, но он все еще в наручниках и дергается в кресле.

Мои легкие сжимаются и задерживают воздух, пока я думаю, не является ли это очередным тщательно продуманным обманом. В конце концов, его алиби на бейсбольной игре было так тщательно подготовлено... если оно вообще было подготовлено. Может быть, оно было настоящим, но сейчас все именно так: Донна подбрасывает ожерелье Бет.

Я не осознаю, что потерялась в пространстве, пока голос Кэша наконец не прорвется сквозь мою дымку.

— Давай, *кушле*. Дыши для меня. Дыши для меня, детка, — мои дыхательные пути пытаются открыться, удается сделать огромный вдох и поднять голову.

Его зеленые глаза похожи на лес в этом темном здании, и они впиваются в мои с такой силой, что опять перехватывает дыхание.

— Ты убьешь меня сейчас? — вопрос слетает с моих губ как сухой лед, витая в воздухе между нами.

Его брови сходятся вместе.

— Зачем мне это делать?

— Потому что никто не смеет нарываться на твою семью и потом жить спокойно.

— Сними с меня наручники, — холодно говорит он. Я остаюсь неподвижной, поэтому он повторяет: — Сними с меня наручники, Харлоу.

Я думаю, что неважно, отпущу я его сейчас или позже, он все равно убьет меня, так почему бы не покончить с этим. Чувствую, что потеряла связь со своим телом, когда тянусь к нему и расстегиваю наручники. Он все еще во мне, и когда наклоняюсь вперед, его член прижимается к моей точке джи, и я непроизвольно стону. Он тоже напрягается.

Боже, это полная лажа. Все это. Ради всего святого, из его бедра торчит гребаный нож.

Металлические наручники со звоном падают на пол, и острота его внутри меня рассеивается, когда осознание берет верх. Может быть, смерть не будет мучительной, если я не буду чувствовать себя в своем теле. Может быть, именно это чувствовала Бет. Я надеюсь на это.

Словно испаряюсь из своего тела, пока Кэш не вытаскивает руки через стул и не обнимает меня. Я снова погружаюсь в себя благодаря его хватке. Он кладет голову мне на

шею и вдыхает.

Затем откидывается назад и сжимает мое лицо в своих руках, прижимаясь лбами.

— Если бы пришлось убивать тебя, я бы вытащил нож из своей ноги и воткнул себе в шею. Я не боюсь умереть, но боюсь жить без тебя, — эмоции в его голосе захлестывают меня, и я ломаюсь.

Падаю вперед, прижимаюсь щекой к его голой коже, захлебываясь рыданиями от облегчения и горя, безумия и печали. Что за беспорядок я устроила в и без того запутанной ситуации. Я не в состоянии контролировать поток чувств, уносящих меня в море.

С каждым всхлипом он лишь крепче прижимает меня к себе, шепча мне ухо...

— Без тебя мое сердце не будет биться, *куишле моу кхри*.

ГЛАВА 26

Покаяние

Кэш

Когда мы возвращаемся домой, я не чувствую себя ниже колена — жгут, сделанный из моей рубашки, затрудняет кровообращение, но, думаю, это лучше, чем истекать кровью до смерти. Роман заезжает за Донной, а Финн отгоняет мой мотоцикл домой. Локлан отвозит меня и Харлоу домой на своей машине.

Я понимаю, почему она сделала это. Но не значит, что мне не больно от того, что она сразу подумала обо мне самое плохое, когда нашла ожерелье. И то, что она сделала с «Логовом». Одно дело — уничтожить меня, другое — уничтожить семью. Но все равно, по дороге домой я думал о том, как отчаянно она смотрела в глаза, когда спросила, собираюсь ли я ее убить. Как будто я смогу отрезать кусок собственного сердца.

Доктор Ромеро уже устроился в моей спальне. Его передвижная операционная — это пластиковый шатер со стерилизованным оборудованием и медсестрами в хирургических халатах и рукавах, готовыми войти внутрь.

Моя рука перекинута через плечи Локлана, когда я, прихрамывая, вхожу в комнату. Чувствую Харлоу позади нас, ее тревожная энергия исходит волнами. Мой разум разрывается: я хочу утешить ее, но в то же время закричать, что это она во всем виновата, почему она смеет вести себя как пострадавшая. Сжимаю зубы, чтобы сдержать слова.

Финн уже в моей комнате и останавливает ее в дверях.

— Хватит.

Я оглядываюсь назад, и она умоляет меня взглядом. Я подавляю боль.

— Он прав. Подожди в своей комнате, пока я не закончу, — не могу отрицать то небольшое удовлетворение, которое получаю, видя уныние на ее лице.

Мне повезло, что Харлоу не задела крупные артерии. Доктор Ромеро очистил рану и наложил швы, но настаивает, что это не более чем повреждение мышц. Поскольку местная анестезия все еще в организме, я с помощью костылей ковыляю в гостиную, практически не чувствуя боли. По пути стучу в дверь Харлоу, но не утруждаю себя ожиданием. Еще немного грубых слов не повредит.

Донна сидит на диване, а Роман стоит рядом с ней, держа пистолет наготове. Она явно плакала — ее глаза красные и опухшие, и она в пижаме, которая, видимо, была на ней, когда Роман вытащил ее из постели.

— Нужно ли говорить тебе, почему ты здесь, Донна? — я опускаюсь в кресло напротив нее, стараясь не рухнуть, как инвалид.

— Н-нет, — она всхлипывает. Меня тошнит от женщин, рыдающих над тем, в чем они сами виноваты. Харлоу заходит в гостиную и стоит позади всех.

Я обращаюсь к Донне, но надеюсь, что Харлоу знает, что я говорю с ней.

— Я не дал тебе ничего, кроме своей преданности, защиты и доверия, и вот как ты мне отплатила? Ударив в чертову ногу, то есть в спину, — мои братья хихикают, а Харлоу

вздрагивает.

— Я не хочу причинять тебе боль, Донна. Ты была для меня как семья, но пойми, в какое трудное положение ты меня поставила.

— Я понимаю, — она смотрит вниз на свои колени и вытирает глаза салфеткой.

— Скажи, почему, — я чувствую, как Финн рядом со мной становится беспокойным, он хочет докопаться до сути, но именно поэтому я король, а он нет. Нельзя получить информацию от того, кто истекает кровью.

— Один человек пришел ко мне. Показал фотографии моих внуков, когда они шли домой из школы. Сказал, что может добраться до них где угодно и когда угодно, — она делает паузу и смотрит на меня, как бы спрашивая разрешения продолжать. Я киваю.

— Он сказал, что мне нужно спрятать это ожерелье там, где Харлоу его найдет. Сказал, что вытащит тебя из квартиры. И чтобы, когда она его найдет, все выглядело так, будто она наткнулась случайно, — умно, и мне не нравится, что я ценю этот прием. Протекающий кран кажется таким безобидным, случайной находкой.

— Кто это был? — кричит Финн.

— Я не знаю. Белый, лет тридцати, спортивного телосложения. Не знаю. Мне так жаль, это было просто ожерелье. Я подумала, что самое худшее, что может случиться...

Я поднимаю руку, чтобы остановить ее. Меня не интересует, что она думала, или ее усталые извинения. Мне нужны результаты, а она мне их не дает. — У тебя есть способ связаться с ним? Как он с тобой связался?

— Просто появился у меня дома. Не назвал ни имени, ни номера, ничего, — черт, почему все должно быть так сложно? — Можно мне хоть один день побыть с детьми и внуками, прежде чем...? — робко спрашивает она.

— Что?

— Прежде чем ты убьешь меня, — черт возьми, что происходит с этими женщинами? Я хладнокровный убийца, без сомнения, но не хожу по улицам и не убиваю женщин. Но это дает хорошую возможность снова поговорить с Харлоу без необходимости смотреть ей в глаза, потому что эти глаза... они ломают меня.

— Я *должен* убить тебя. Будь на твоём месте другой, я бы убил. Если бы ты просто пришла ко мне, я бы помог тебе, и мы могли бы избежать всех этих... — *разбитого сердца, душераздирающей боли.* — неприятностей, — разве я не доказал, что всегда защищаю тех, кто рядом со мной?

Она кивает, вытирая слезы, и я не могу больше смотреть на нее. Поднимаюсь на ноги и отбиваю протянутую Локланом руку. Это всего лишь рана, а не чертова ампутация.

Подбираю костыли и медленно и неуклюже пробираюсь через комнату. Я останавливаюсь и поворачиваюсь лицом к Донне.

— Ты получишь щедрое выходное пособие, но ты с семьей переедете куда-нибудь далеко. Я не могу держать рядом с собой людей, которых так легко перевербовать, — прежде чем уйти, добавляю: — И я больше никогда не хочу видеть твое лицо, — у меня щемит в груди, когда произношу эти слова, но это нужно сказать.

В моем мире предательство ранит больше всего. Я не могу допустить этого, поэтому даже если бы и хотел простить и забыть, нельзя. Нельзя позволять себе такую слабость. Поэтому я ненавижу Донну больше за то, что она заставила меня разорвать связь с ней — с той, кто была мне как мать, — чем за то, что она подбросила ебучее ожерелье.

Я шаркаю по коридору, отказываясь смотреть на Харлоу.

— Это он, — вздыхает Донна, и все внимание переключается на нее.

Она стоит рядом с столиком, где я вывалил свои карманы. Там лежат мои ключи, нож, заполненный журнал, мой телефон и предмет, на который она смотрит так, будто увидела привидение.

Она смотрит на фотографию, которую я снял со свиньи, и указывает на детектива Саксона.

— Это человек, который дал мне ожерелье.

После того, как Донна уходит, а мы с братьями решаем, что с Лео сегодня ничего не поделаешь, я ложусь спать. Господи, сегодня было чертовски утомительно. Харлоу убежала в свою комнату после случившегося, и мне приходится бороться с желанием пойти посмотреть, все ли с ней в порядке.

Каждый мускул в моем теле хочет броситься к ней, но я не могу заставить себя сделать это. Может быть, это гордость, может быть, мелочность. Я утешал ее на складе, потому что, как мог не утешить? Я обещал всегда ловить ее, когда она падает, а она падала часто.

И если быть честным, боялся худшего, когда шел на склад, и надеялся обнять ее — живую.

Но сегодня я не приглашаю ее в свою постель. Она все равно придет.

В мою дверь тихонько стучат, и я прикусываю губу, чтобы не позвать ее сразу же. Подождав несколько мгновений, говорю, чтобы вошла. Она в большой футболке, свисающей до бедер, и не видно, надето ли под ней что-нибудь.

— Я не знаю, что сказать, но попытаюсь... — начинает она, и я сажусь в кровати, опираясь на подушки. — Ты более чем доказал мне свою правоту. Ты сказал, что никогда не солжешь мне, и ты никогда не лгал. Но я знала. Знала, что ты готов на все ради меня, и использовала это против тебя. Ты показал мне свое сердце, и я обратила его против тебя. Я причинила тебе боль так, как ты никогда не причинил бы ее мне.

Ее голос срывается, и я крепко сжимаю челюсти. Видеть, как она обнажается передо мной, хуже, чем видеть ненависть в ее глазах. И она заслуживает этого, но все равно хочу унять боль. Боль, которую она причинила мне.

Она успокаивает себя вздохом и поднимает футболку через голову, оставляя ее в одном белье.

— Я не знаю, как загладить свою вину, но, — она переползает на кровать с моей стороны. — Могу начать вот так.

— Подожди, — я останавливаю ее, она садится обратно на пятки, выглядя смущенной и немного испуганной. — Возьми мой ремень, — городские огни за окном дают достаточно света, чтобы я мог видеть, как она сглатывает.

Она сползает с кровати и берет ремень из шкафа. Когда она возвращается, я говорю ей взять вибратор из моей тумбочки. Ее лицо выражает замешательство, когда она смотрит на эти два предмета, приносящие одновременно боль и удовольствие. Она снова опускается на колени на матрас рядом со мной, и моя грудь сжимается при виде ее такой податливой и готовой угодить.

Наконец-то она понимает происходящее.

Поднимает подбородок и тихо произносит:

— Ты можешь причинить мне боль, если понадобится.

— Знаю, — я резко выдыхаю, и она опускает взгляд на свои бедра. — Но я не хочу причинять тебе боль. Я хочу мучить тебя. Свести тебя с ума так же, как ты сводишь меня.

Она смотрит на меня сквозь ресницы, и мой член дергается от страха и жара в ее глазах. Я вынимаю его из боксеров, уже сильно пульсирующий, и стягиваю простыни с талии.

— Ты играла со мной сегодня вечером, *кушле*. А теперь я поиграю с тобой.

Я смотрю на нее, потом на свои колени, она понимает, что к чему, и ползет ко мне. Нежно обхватывает рукой мой ствол и, прежде чем прикоснуться ртом, я пальцем поднимаю ее подбородок.

— Покажи мне, какая ты красивая, когда плачешь.

Когда ее горячий рот опускается, мои бедра инстинктивно поднимаются, и моя раненая нога словно разрывается. Я не обращаю на это внимания и сосредотачиваюсь на ее влажном языке, кружащемся вокруг кончика члена, прежде чем она вводит его в горло. Она задыхается, и я тянусь к ремню, складывая его пополам. Ее тело напрягается, когда она слышит звяканье пряжки. В следующий раз, когда она наклоняется, я опускаю ремень на ее задницу.

Она вскрикивает с членом во рту, и вибрация от ее крика достигает моих яиц. Ощущения настолько хороши, что я тут же снова щелкаю ремнем по ее заднице. Она стонет, от удара, задыхается. Колючая проволока, обвиняющая мое сердце, ослабевает каждый раз, когда ремень трескается о ее эластичную кожу.

Провожу пальцем по ее щеке и недовольно вздыхаю.

— Никаких слез для меня, *кушле*? — она смотрит на меня, в голубых глазах виднеется извинение. Я достаю вибратор и включаю его, прижимая между ее бедер. Она вздрагивает и стонет. — Ты не кончишь раньше меня. Кивни, если поняла.

Она покачивается вверх-вниз по моему члену в знак согласия, заставляя меня стиснуть зубы, чтобы сдержать стон.

— А теперь давай сама, чтобы я отшлепал эту сладкую попку до красна, — ее пухлые булочки уже горячие на ощупь и ярко-красные. Я бью достаточно сильно, чтобы оставить приятное жжение, но не до синяков. И достаточно, чтобы выпустить часть обиды и злости, при этом зная, что она получает удовольствие от боли.

Пока она скачет на вибраторе, я бью ее по попке, а она сосет все энергичнее, почти отчаянно. Каждый раз, когда она опускает глубже, я шлепаю ее по заднице, чтобы она постоянно находилась в состоянии одышки. Звуки, которые мы издаем, почти насильственные. Я шиплю и хриплю, она трахает меня ртом, издает смешанные стоны, крики и захлебывается.

Мой пах сжимается, яйца покалывают, когда приближается кульминация. Несмотря на боль в ноге, я не могу удержаться, чтобы не втолкнуться глубже. Я пытаюсь удержаться, пока не почувствую начинающиеся спазмы ее собственного нарастающего оргазма.

— Нет, пока я не кончу, *кушле*, — хрипло произношу я, испытывая волны наслаждения. Опускаю ремень и свободной рукой прижимаю ее голову к себе, с силой скидывая бедра.

Я кончаю с горячим всплеском и глубоким рыком, как от эйфории, так и от жгучей боли в ноге. Отстраняю ее от своего члена, а затем вырываю вибратор из ее руки. Ее глаза слезятся и расширяются. Она глубоко дышит, но я знаю, что она так и не достигла своего

пика.

Ее взгляд устремлен на мою грудь, пока она вытирает уголок рта большим пальцем. Я не могу смотреть на нее, когда говорю дальше:

— Убирайся, — слова холодные и резкие.

Харлоу слезает с кровати, не говоря ни слова. И не знаю, кому больнее — мне или ей, пока она уходит.

Харлоу

Не могу заснуть, когда Кэш отправляет меня обратно в комнату. Я хотела спуститься вниз и убрать ужасный беспорядок, который устроила в «Логове», но Роман сообщил мне, что они уже вызвали своих уборщиков. Предложила помочь им, но он дал понять, что мне не рады, что я «сделала достаточно».

Чтобы отвлечься от воспоминаний о выражении лица Кэша, когда он сказал мне убираться, я мысленно возвращаюсь к ночи смерти Бет и пытаюсь взглянуть на все под новым углом теперь, зная, что Лео — убийца.

Первое, что приходит на ум, это момент в комнате для допросов, когда Лео бьет кулаком по столу. Мне показалось, что на его костяшках быстро появляются синяки, но что, если это остатки чернил от фальшивой татуировки?

И именно с его подачи я вспомнила о татуировке Кэша. Затем последовала его непонятная настойчивая просьба не обращать внимание на Кэша — потому что, конечно, это был не он. Вероятно, он выбрал его, потому что знал, что Кэш сможет отбиться от любых косвенных обвинений.

В некотором смысле, это гениально. Не просто скрыть свою личность, а указать на совершенно другую. Но не было достаточно доказательств, чтобы убийца был пойман. Идеальное прикрытие, которое он мог использовать снова и снова.

Но появлялась я. Пробивая дыры в его идеальном плане.

И когда конверт доставили в полицейский участок, он знал, что я там, потому что из приемной ему позвонили, когда я приехала, и ему потребовалось десять минут, чтобы встретить меня в холле. Достаточно времени, чтобы вызвать курьера и попросить его отправить заранее подготовленную посылку.

Фотография, сделанная возле моей квартиры... Он мог установить камеру через дорогу и неделями следить за мной. Может, и за Бет, когда она была жива.

К восходу солнца я все еще ворочаюсь, и меня еще больше тревожит мысль о том, что Лео, полицейский, ответственный за раскрытие убийства моей подруги, все это время был убийцей.

Но если последние несколько лет нас чему и научили, так это тому, что не все копы хорошие.

Я выглядываю в окно и вижу, как первые ранние пташки заходят в кафе «Июньский жук» на другой стороне улицы. Кофе. Это то, что мне нужно.

Одеваюсь и выхожу на улицу. Конечно же, меня встречает ясноглазый Альфи, который широко улыбается, а затем оскаливается и не смотрит на меня, устремив свой взгляд прямо перед собой.

Он заговорил, когда я нажала на кнопку лифта.

— Куда ты идешь?

— Через дорогу, выпить кофе. Хочешь чего-нибудь?

— Тебе не стоит идти одной.

— Это в двадцати футах отсюда, Альфи. Ты можешь наблюдать за мной из окна.

— Хорошо. Латте «Тыквенный спайс» с миндальным молоком, — подавляю улыбку. — От молочных продуктов меня мутит, — добавляет он под нос, и я прикусываю щеку, чтобы не рассмеяться.

Свежий воздух приятен, но я все еще чувствую себя как зомби, когда перехожу улицу. Особенно когда вижу столик, на который пролила кофе во время неудачной слежки. Вообще-то, не зомби — зомби не чувствуют боли. А во мне только она.

Я безрассудно оптимистична, что кофе поможет, но знаю, что отсутствие сна — наименьшая из моих проблем.

Задерживаюсь после заказа, считая булавки на доске. Мой взгляд задерживается на плакате о занятиях сальсой, и я ненадолго задумываюсь, будет ли Кэш ходить со мной. Как только он снова сможет смотреть на меня. Или прикасаться, не причиняя боли.

Проклинаю слезы, наворачивающиеся на глаза. Как будто смею плакать. Я — преступник, а не жертва.

Слышу, как меня зовут, и понимаю, что, вероятно, это не в первый раз, так как все в кафе смотрят на меня.

— Спасибо, — бормочу я, хватая чашки и поднос с напитками. Я взяла эспрессо для Кэша. Мизерное предложение мира, но это начало.

Знаю, что впереди у меня большой путь к прощению, но он того стоит.

Он всегда был таким. Я просто была слишком эгоистична, чтобы понять это.

Может, однажды у меня будет шанс показать ему, как много он для меня значит. Но до тех пор я буду рассматривать каждый день как шанс.

Я схожу с бордюра и чуть не роняю все напитки, когда отпрыгиваю назад, чтобы избежать машины, встающей на парковочное место. Готовлю ряд ругательств, когда опускается окно. Клянусь богом, если они попытаются поругаться...

— Садись, — сердце замирает, когда холодные голубые глаза Лео смотрят на меня. Он поднимает пистолет со своих коленей и направляет в окно. — Садись, или мамаша с коляской позади тебя получит пулю в мозг.

Я застываю, пытаюсь пошевелиться, когда он холодно и злобно улыбается.

— Рискни, Харлоу. Посмотрим, что будет.

Ребенок позади меня начинает суетиться, и я слышу, как мать пытается его успокоить. Этого достаточно, чтобы я открыла дверь машины и села в нее, даже когда на меня нацелен пистолет.

— Неплохой трюк ты провернула на открытии вчера вечером, — голос Лео такой же ровный, очаровательный, как и всегда, но теперь он подпорчен, как яд в сахаре. Он смотрит на меня. — Это была ты, я полагаю?

Я презираю его самодовольство и плотно сжимаю губы. Он продолжает, как будто этот разговор не односторонний.

— Я думал, что ты нашла ожерелье, так что представь мое удивление, когда я увидел тебя выходящей из его квартиры сегодня утром.

— Что тебе нужно, Саксон?

— О, больше никакого Лео? — мой желудок скручивается, когда он выезжает на шоссе — он может везти меня куда угодно. Я уверена, что у Кэша есть какое-то устройство слежения на моем телефоне, но, конечно, я оставила его дома. В свою защиту скажу, что я не планировала быть похищенной до восьми утра. Могу только надеяться, что Альфи видел, как я села в машину.

— Почему она? — требую я. Если мне суждено умереть, я хочу уйти, зная ответы на вопросы, которые меня преследуют.

— Я предпочитаю блондинок, — он бросает на меня сочувственный взгляд, от которого по коже бегут мурашки. — Ничего личного, дорогая.

— Ты болен.

— Вообще-то я хорошо себя чувствую, — самодовольный улюдок.

Через несколько минут мы подъезжаем к пустой строительной площадке нового бизнес-парка. Там стоит различная техника, залит бетонный фундамент, лежат штабеля готовых к использованию пиломатериалов. Но нет рабочих. Ни одного человека не видно. Лео едет по пыльному участку к офисному трейлеру. Желчь поднимается у меня в горле, когда я замечаю желтую ленту с изображением места преступления, натянутую на дверь.

Это идеальное место для убийства. Поскольку участок пуст, никто ничего не услышит, и никто не станет задавать вопросы о машине с государственными номерами на месте преступления. Он выходит и открывает дверь, машет мне пистолетом.

— Не надо было ждать, пока они зальют бетон. Это отличный способ избавиться от тела, — его челюсть подрагивает, явно бесится тем, что я не веду себя более испуганно.

Он использует перочинный нож, чтобы снять пленку, не нарушая целостность. Внутри помещение выглядит как любой другой рабочий офис: кофейные чашки, стикеры, расставленные вокруг монитора компьютера, картотечные шкафы со сложенными сверху документами. Но среди этого пространства есть пятна черного порошка, почти как сажа, особенно на столе с опрокинутым стаканчиком для карандашей и перевернутым стулом. Кроме того, по комнате разбросаны маленькие пластиковые желтые треугольники с цифрами.

Я оглядываю помещение и думаю, так ли выглядела парковка кинотеатра после убийства Бет. Были ли там маленькие желтые маркеры, указывающие на улики, которые никуда не вели? Пытались ли они найти отпечатки пальцев?

— Иди сюда, — Лео подзывает меня к решетчатой полке и пристегивает одно из моих запястий наручниками.

Я больше не задаю вопросов, а просто смотрю на него и думаю, как могла так ошибаться.

— Квинси, Саксон, — Лео говорит в свой телефон. — Я следую интуиции. Пока не хочу, чтобы это было на бумаге, но приеду позже сегодня... хорошо... неплохо. Пока, — Куинси тоже в этом замешан? Знает ли он, что охотится на своего партнера?

Он кладет трубку и тут же набирает другой номер по громкой связи.

— Доброе утро, Фокс, — моя кровь леденеет.

— Кто это? — сердце разрывается, когда я слышу его хриплый голос. Прекрасно представляю на его щечках следы от подушки.

— Извини, я прервал твою девушку на кофе-брейке...

— Саксон, — рычит Кэш. Я слышу шарканье на другом конце линии.

— Я думаю, пришло время все обсудить, что скажешь? — говорит Лео, как настоящий улюдок, пытающийся убедить свою жертву. — У меня есть предложение, которое тебя заинтересует...

— Она там? Харлоу, ты меня слышишь? — беспокойство в его голосе, после всего, невыносимо.

— Я в порядке, Кэш, — Лео ударяет меня в живот, выбивая весь воздух из легких. Кэш

выкрикивает в трубку ряд жутких угроз.

— Тебе лучше поторопиться, Фокс. Ты знаешь, как я люблю портить красивые вещи. Лео легким движением пальца заправляет прядь волос мне за ухо, и я плюю ему в лицо. Он хмурится и дает мне сильную пощечину, но я изо всех сил стараюсь заглушить любой стон ради Кэша, но уверена, что пощечина прозвучала.

— Все, что ты с ней сделаешь, я сделаю с тобой в десять раз хуже, свинья, — рычит Кэш.

Лео дает ему координаты на стройку.

— И думаю, не нужно говорить тебе, что случится, если ты придешь не один, — он дерет меня за волосы, заставляя кричать от неожиданной боли, чтобы Кэш услышал в последний раз.

Десять минут спустя я слышу, как машина мчится по гравию. Последние две минуты Лео ждал на ступеньках трейлера, и я с замиранием сердца ждала выстрелов, когда хлопнула дверь машины.

Мой желудок подскакивает, когда я слышу шаги, ведущие к двери.

Та открывается, и бешеные глаза Кэша тут же встречаются с моими, у меня перехватывает дыхание. Я рада его видеть, но в то же время напугана. Рада, что он здесь, но в то же время хочу, чтобы он был в безопасности за много-много миль отсюда. Думала, что Лео привел меня сюда, чтобы убить, и не знаю, зачем он вызвал сюда Кэша. Потому что я могу сказать одно: в его присутствии убить меня будет бесконечно труднее.

Его глаза сканируют меня с ног до головы, и он бросает взгляд, спрашивая, все ли со мной в порядке. Я киваю в ответ, и он быстро возвращает свое внимание к Лео. Кэш не использует свои костыли — наверняка, чтобы не показать слабость, — и расслабленно прислоняется к картотеке, но я вижу, что он пытается сместить вес.

Я замечаю, как Лео кладет два пистолета на стол и вынимает магазины. Должно быть, он обыскал Кэша. Ничего страшного, если Кэш не умеет стрелять, вероятность того, что в него будут стрелять, меньше. Я пытаюсь убедить себя, что все закончится хорошо.

— Начинай говорить, Саксон, — тянет Кэш.

— Я думаю, у нас есть уникальная возможность поработать вместе...

— Какого хрена мне вообще... — Кэш замолкает, когда к моему виску прижимается холодный металлический ствол пистолета. Его челюсть сжимается, а глаза вспыхивают.

— С моей точки зрения, — продолжает Лео непринужденно, словно не держит меня на мушке, — Она — наша проблема. Устранив ее, мы устраним угрозу для нас обоих. Если нет, я буду вынужден арестовать тебя как Убийцу Джун-Харбор. Я не могу допустить, чтобы она разглагольствовала обо мне, не так ли?

Мое сердце замирает при мысли о том, что произойдет, если Кэш окажется в такой ситуации. *Я умру, но не нарушу обещание*, — его слова эхом отдаются в моей голове.

— Если ее не будет, мы сможем продолжать жить дальше. Когда я буду убивать снова, не буду использовать тебя, и прослежу, чтобы ничто из предыдущих убийств не вернулось к тебе. Никогда. Я позабочусь о том, чтобы полиция закрыла глаза на все, а взамен ты будешь держать свои знания обо мне при себе.

— А если я этого не сделаю?

— Ну, как ты думаешь, кому поверят присяжные? Прославленному полицейскому,

поймавшему серийного убийцу, терроризировавшего этот город, или известному гангстеру с татуировкой, совпадающей с татуировкой убийцы? — Кэш прикусывает губу, размышляя. Я тоже думаю об этом, и Лео прав: ничем хорошим для Кэша это не закончится.

Кэш встает прямо и сцепляет руки перед собой.

— Что ты предлагаешь?

— Взаимное гарантированное уничтожение, — он указывает на камеру видеонаблюдения в углу комнаты. — Мы оба получим копию. Ты получишь мое признание, а я — видеодоказательство того, что ты убил Харлоу Харгрейв, — мое сердце падает в желудок.

— Нет. Никогда, — рычит Кэш, его кулаки сжимаются.

— Это хорошее предложение, Фокс. Ты не можешь быть настолько привязан к этой сучке, — Кэш злобно смотрит на него. — Или она, или ты пойдешь по стопам своего отца.

Я прокручиваю в голове этот сценарий, и меня охватывает неожиданное спокойствие. На самом деле все это звучит не так уж безумно. Я исчезаю, а Кэш продолжает жить своей свободной жизнью. А сколько раз я молилась, чтобы Убийца закончил работу? Сколько раз я приветствовала смерть, вместо того чтобы продолжать это мучительное существование... Это было до Кэша, конечно. Но все равно, у него есть еще много всего, ради чего стоит жить. А у меня — только он.

Я могу показаться сумасшедшей, но чувствую себя невероятно здравомыслящей, когда говорю:

— Сделай это.

— Что? — Кэш поворачивается ко мне, глаза одновременно сердитые и убитые горем.

— Эта сцена уже исследована, уборщики из департамента приедут сегодня позже. Все улики будут тщательно удалены, — добавляет Лео. Он собирает со стола пистолеты Кэша и направляется к двери. — Я оставлю вас на минутку, — он выходит на улицу.

Кэш шагает ко мне, его раненая нога волочится. Прислоняется к моему лицу и целует меня крепко и сладко, затем прижимается лбом к моему.

— *Кушле*, я не убью тебя. Ты с ума сошла?

— Все хорошо, малыш, — мягко говорю я. — У меня никого нет. У тебя есть целая семья, целая община под твоим крылом.

— У тебя есть я, *кушле*, — хрипит он.

— Ты нужен людям. Ты нужен своим братьям.

— Мне нужна ты, — его голос трещит, и это раскалывает что-то во мне.

Я тянусь к его лицу свободной рукой и глажу по щеке:

— Просто сделай так, чтобы я заснула, малыш. Ты делал это раньше, ты сможешь.

— Нет. Нет, я не могу, — он качает головой, и слеза смачивает мой большой палец на его щеке.

— Ш-ш-ш, да, можешь. Все хорошо, я готова, — в каком-то смысле, я всегда знала, что все закончится именно так. Это был смертный приговор с самого начала, но я все равно нырнула с головой. Я целую его, вдыхая запах и ощущения, запечатлевая все это в памяти на случай, если смогу взять воспоминания в загробную жизнь.

Его рот умоляет мой, он жаждет лучшего решения. Но его нет. Это лучшее, что мы можем получить.

— Ты готова умереть за меня, *кушле*?

— Я люблю тебя, Кэш Фокс, — вздыхаю, и он притягивает меня крепче.

— Я люблю тебя, *кушле моу кхри*, — он сглатывает, и мое сердце замирает, когда он двигается позади меня. Он повторяет свои слова снова и снова мне на ухо, обхватывая мою шею. Усиливает хватку и со вздохом прижимается лбом к моему затылку. Фыркает один раз, а затем сжимается.

Проходят считанные секунды, пока темнота не захлестывает меня.

До скорой встречи, Бет.

ГЛАВА 28

Нарушенные и выполненные обещания

Лео

Три недели спустя

Я делаю глоток кофе и раскладываю «Хроники Харбор» на своем столе. Заголовок на первой полосе — это все, что меня волнует:

«Убийца из Джун Харбор признает себя виновным, правление террора окончено».

Там фотография Фокса в костюме, стоящего рядом со своим адвокатом в зале суда. Он выглядит как дерьмо, и правильно, что сдался, а не убил тупую суку.

Не могу сказать, что я не был немного разочарован. Несмотря на нашу историю, я думаю, мы могли бы стать хорошими партнерами. Ну что ж, перейдем к следующему.

Кстати говоря, мне стало беспокойно. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я убил стриптизершу, и зуд пролить кровь снова дает о себе знать. У меня есть несколько идей теперь, когда Фокс больше не является надежным прикрытием, но ничего страшного, я всегда готовился к такой возможности.

Видите, в этом разница между нами. Я готов ко всему, и не позволяю ничему и никому встать на моем пути. Вместо этого он запал на цыпочку и получил пожизненное без права досрочного освобождения.

Я неодобрительно покачиваю остывший кофе в своей кружке. Хотя наша игра в кошки-мышки была забавной. Теперь мне приходится иметь дело с Харлоу, которая все больше выходит из себя после его ухода. Это так жалко.

Каждую неделю она приходит в участок с криками и воплями, как после убийства подружки. Она плачет о подставах и настаивает на том, что я настоящий убийца. Это довольно забавно. Все думают, что она сошла с ума, и, возможно, так оно и есть, но в этой части она права. *Идеальное преступление*, — с гордостью думаю я.

Я дочитываю статью и выбрасываю газету в мусорное ведро. Было весело.

В дверь моего кабинета стучат, и Куинси просовывает голову внутрь.

— Она вернулась.

— Хорошо, иду, — вздыхаю я, допиваю кофе и выхожу.

— Надо быть совсем ненормальным, чтобы влюбиться в серийного убийцу, который убил твою лучшую подругу, — Куинси хихикает.

— Не говори. Она с ума сошла, — притворно смеюсь в ответ.

— Мы отправили ее на допрос, решили, что ты сможешь напугать ее откровенным разговором и наконец-то положить конец этой ерунде, — он вводит меня в курс дела, пока мы идем.

Боже, надо было убить ее, когда у меня был шанс.

Мы останавливаемся перед комнатой для допросов. Поэтично, это та же самая, в которой я впервые встретил ее... Сразу после того, как зарезал ее подругу до смерти. Ах, хорошие времена.

— Прикроешь меня? — спрашиваю я.

— Конечно, — он кивает, и я захожу в комнату, пока он ждет снаружи.

— Привет, Харлоу, — она дерьмово выглядит. Как будто не спала несколько дней и потеряла расческу. У нее маниакальный взгляд в глазах, когда я приветствую ее.

— Ты знаешь, что сделал, — вырывается у нее, ее голос хриплый — возможно, от всех тех воплей, которые она устраивала в нашем холле.

Я выключаю камеру в углу и убеждаюсь, что диктофон на столе тоже выключен.

— Ты должна прекратить это, уже неловко, — я сажусь напротив нее и откидываюсь назад, скрестив ноги.

— Просто признай, что ты сделал, — ее голос дрожит, и клянусь богом, если она начнет плакать, я правда ее урою.

— Думаешь, твои приходы чем-то помогут? Ты правда думаешь, что, если будешь кричать и вопить, я сяду в тюрьму за преступление, за которое взял вину другой? — я фыркаю.

— Он сделал это только потому, что ты собирался убить меня.

— Начинаю жалеть об этом, — закатываю глаза.

Она опускает голову, а затем медленно поднимает свои призрачно-голубые. — Она что-нибудь сказала? Бет, когда ты убил ее, у нее были какие-нибудь последние слова?

— Они все говорили одно и то же: *нет, пожалуйста, не надо*. Вы, женщины, такие нытики. Так что обычно я сначала беру за горло, чтобы не слушать их, — у нее отпадает челюсть от моего откровенного ответа. Тогда я указываю на камеру в углу. — Выключил, помнишь?

— Почему не ударил, как меня? — ее губы дрожат, и я могу сказать, что эти воспоминания для нее болезненны.

— Нет никакого удовольствия в убийстве бессознательной жертвы, — насмехаюсь я. — У них такое выражение глаз в тот момент, когда они понимают, что собираются умереть, это просто... замечательно. Ни с чем другим не сравнится, и у всех взгляд тоже разный, — моя грудь вздымается, когда я понимаю, как приятно делиться с кем-то такими вещами.

Мои убийства — это всегда личное дело, и по понятным причинам это ужасный разговор на свиданиях. Я провожу дни, сосредоточившись на том, как не попасться, так что есть определенная радость в признании этих вещей, даже если сумасшедшей девушке.

Харлоу смотрит на меня с диким выражением в глазах, потом на мои руки, сцепленные на коленях.

— После того, как мы выяснили, что ты и есть Убийца из Джун-Харбор, я задумалась, не упустила ли чего-нибудь. И знаешь, что вспомнила?

— Просвети меня.

— Ты ударил кулаком по этому столу, — она также ударяет по металлу, звук холодный и звонкий. — И мне показалось, что я заметила синяки на твоих костяшках. Но это были не синяки, да? Это были чернила от фальшивой татуировки, не так ли?

— Эту татуировку было трудно смыть.

Она кивает, как будто ей все понятно, и садится обратно.

— Думаешь, этого достаточно?

— Достаточно чего? Убийств? — идея смехотворна, но даже сейчас зуд горит в моей крови.

— Достаточно признаний? — она садится прямее, ошеломленный, дикий взгляд ее глаз исчезает, и на его место приходит острота. Она тянется под стол и достает записывающее устройство. Мои легкие перестают работать, когда я понимаю, что все, что сказанное, на

самом деле является признанием.

— Ага, сойдет, — говорит Куинси, входя в комнату и беря в руки устройство с самодовольной улыбкой на лице. Я вскакиваю со своего места.

— Удали это. Удали быстро. Как твой начальник, я приказываю тебе уничтожить эту запись, — твержу я, мой худший кошмар оживает.

— Извини, парень. Я тебе не подчиняюсь, — он пожимает плечами и достает из кармана единственную вещь, которая меня уничтожит.

— Он подчиняется своей королеве, — Харлоу грациозно встает. — И эта королева придет за твоей башкой.

Кэш

Я чувствую себя непослушным женихом, украдкой проводящим мгновения со своей невестой перед походом к алтарю. Но я провел последний месяц, не имея возможности прикоснуться к своей женщине, и теперь мне трудно оторвать от нее руки хотя бы на секунду. Я только вчера вернулся домой, так что подавайте на меня в суд.

— Кэш, нас все ждут, — смеясь, говорит она, пока я задираю платье. Это то великолепное черное платье, которое она надела на наше первое и единственное настоящее свидание. Чего она ожидала, надевая его? Я провожу двумя пальцами по поясу ее трусиков, и она выгибается назад, упираясь ладонями в столешницу на кухне «Логова».

Я провожу пальцами по ее щели, и она стонет.

— Не говоря уже о том, что мы, вероятно, нарушаем дюжину санитарных норм.

— Все в порядке, я знаю владельца, — я смеюсь и погружаю пальцы в ее тугую, влажную киску. — Блять, как же я соскучился по этой сладкой пизде. Всегда, блять, мокрая для меня.

Я медленно ввожу и вывожу их, упираясь в ее внутреннюю стенку.

— О, боже, — она такая чувствительная, что я уже заставил ее кончить три раза за сегодня. Но мы все знаем, что я эгоистичный ублюдок, и хочу большего.

— Трахни меня, папочка, — лепечет она, и я спешно расстегиваю ремень, желая ворваться в нее до упора.

— Готова снова взять меня, детка? Готова взять каждый дюйм, как маленькая грязная шлюшка? — мой член уже твердый, он жаждет снова оказаться внутри нее.

— М-м-м, — стонет она, потирая свой клитор. — Трахни меня, Кэш. Трахни меня сильно, пожалуйста. Мне это нужно. Ты мне нужен.

Я рычу и вхожу в ее жаждущую киску.

— Конечно, нужно, такая отчаянная маленькая шлюшка, — ее костяшки пальцев бьются о стойку, когда я наполовину выхожу из нее, а затем снова вхожу.

Она падает вперед, выгибается и снова упирается задницей в мои бедра. Это напоминает о том, как я сказал, что взял бы ее в первую ночь нашей встречи на этой самой кухне. Я наматываю ее волосы на кулак и откидываю голову назад. Мои губы касаются ее горячей щеки.

— Борись со мной.

— Что?

— Борись со мной, детка. Борись со мной, как ты бы боролась в первую встречу, — ее брови хмурятся, но затем я вижу момент, когда она понимает меня, потому что в ее глазах появляется огненный, дьявольский блеск.

Внезапно она снова прижимается ко мне, извиваясь, когда я заключаю ее в объятия и трахаю сильнее.

— Это все, что ты можешь сделать, куишле? Ты только сильнее скачешь, — дразню я, и она стонет, хватаясь за меня.

Я беру ее запястья в свою руку и крепко стягиваю их за спиной, а затем опускаю голову обратно на стойку. Она неподвижна подо мной.

— Ты выглядишь великолепно с любого ракурса, но этот мой любимый.

Она возмущенно пыхтит и пытается бороться с моим захватом. Румянец на ее щеках от возбуждения и напряжения так чертовски эротичен, что напряжение в моем паху удваивается, поэтому я вхожу в нее резкими, короткими толчками.

— О боже, ох блять, — кричит она, и я отпускаю ее запястья, чтобы закрыть ей рот. Все могут знать, чем мы здесь занимаемся, но пусть лучше не слышат. Эти красивые звуки предназначены только для моих ушей.

Она кусает мой палец, и я стону от боли, но держу руку на ее рту, заглушая ее крики удовольствия. Мой оргазм нарастает, яйца напрягаются.

— Так охуенно, так хорошо, детка. Принимаешь папочку. Будь хорошей девочкой и кончи. Кончи со мной, куишле.

Она просовывает руку между своих пухлых бедер и ласкает себя. Ее стоны — это теплые струйки воздуха против моей руки, и мне это нравится, нравится оказывать на нее такое воздействие. Дразнить ее до состояния хаоса.

Я задираю платье выше ее попы и сильно шлепаю по голой коже. Она подается вперед, но тут же снова отталкивается. Шлепаю, чередуя ягодицы, все сильнее и сильнее, пока ее киска не начинает сжиматься и пульсировать вокруг меня.

— Ну, давай. Дай мне, дай мне... — ее оргазм достигает пика и овладевает моим членом, вытягивая собственную разрядку со злобной силой. — Блять, блять... — ее вагина продолжает сжимать мой член, и я наполняю ее с ревом.

Убираю руку от ее рта, упираясь о стойку.

— Блять, детка, — я задыхаюсь. Она так же задыхается, струйка пота стекает по ее шее.

Мы медленно встаем вместе, она натягивает трусики и одаривает меня ухмылкой.

— Нужно сохранить каждую каплю, — я собственнически рычу, выпрямляясь, зная, что она будет сидеть на ужине с нашими друзьями и семьей, истекая моей спермой. И, черт возьми, это разжигает во мне нечто первобытное.

— Еще одна вещь, — я беру ее за руку и достаю из кармана маленькую шкатулку. Кладу ей на ладонь, и она смотрит на меня с любовью, которую, как мне кажется, я заслуживаю. Она открывает шкатулку и достает изящную золотую цепочку. Такая же, как цепочка Бет, но вместо слова «*красавица*» на ней написано «*куишле*».

Ее глаза наполняются слезами, и я сжимаю ее лицо между ладонями.

— Ты — кровь, которая течет в венах, пульс моего сердца, и я навсегда твой.

Харлоу

Это ночь перед официальным возобновлением работы «Логова», и Стелла помогла мне организовать приветственный ужин для Кэша. Мы сдвинули несколько столов в центре ресторана и подали все семейные блюда. По-моему, это самый близкий к семейному ужину, который я когда-либо проводила. Конечно, там были его братья и Стелла, а также Роман, Альфи и Куинси.

Как только портвейн был налит и тарелки убраны, Роан прочистил горло и поднял бокал. Разговоры стихают, и внимание всех присутствующих обращается на него, когда он встает. Он протягивает бокал, словно произнося тост, и по какой-то причине меня охватывает нервный озноб. Ну, я знаю причину. С тех пор как я ужасно испортила первое открытие, отношения с братьями Фокс немного разладились, но думаю, что все идет на поправку. Кэш, видимо, чувствует мое беспокойство и кладет ладонь на мое бедро, слегка

сжимая.

Его глаза устремлены прямо на брата, но я рассматриваю его профиль. Мягкий наклон носа и выпавшая прядь волос. Слабые веснушки, которые, кажется, противоречат темным вихрям чернил на его груди и шее. Он прекрасен. И он мой. Я с благодарностью поглаживаю новое ожерелье, висящее на ключицах.

— Я хочу поприветствовать своего брата, — начинает Роан. — Кэш, это было здорово, пока длилось, но мы всегда знали, что никогда не сможем от тебя избавиться, — все смеются, и Кэш кивает ему, делая глоток.

— Но на самом деле, я бы хотел выпить за Харлоу, — мой позвоночник выпрямляется, а сердцебиение учащается. — Я не знаю, как именно ты это сделала, но спасибо за то, что вернула нашего брата домой. Я бы поблагодарил тебя и за то, что ты убрала с улиц убийцу, но, посадив одного, ты освободила другого.

Я смотрю на Кэша, а он просто поднимает брови, как бы говоря, что это правда.

— Ты заставила нас всех хорошенько задуматься, что правда сошла с ума на какое-то время...

— Я бы сказал, что она правда сумасшедшая, раз полюбила его, — говорит Локлан с другой стороны от Кэша и подталкивает его. И снова все раздражаются смехом, а по мне разливается тепло. Неужели это и есть семья?

— В общем, за Харлоу, — заканчивает Роан и поднимает свой бокал в воздух. Все копируют его и аплодируют, и я не могу удержаться от того, чтобы не покраснеть, даже если бы попыталась. Особенно когда Кэш берет мое лицо и глубоко целует меня, на что раздаются еще больше аплодисментов. Я знала, что ирландцы громкие, но одни только братья Фокс звучат как двадцать человек.

— Эй, кстати говоря, как тебе это удалось? — спрашивает Стелла, наклоняясь вперед через стол, словно ей не терпится узнать большой секрет.

— Ну, это не было слишком сложно, потому что после смерти Бет и застопорившегося расследования — теперь мы знаем, почему — я приходила в участок с сиреной один или два раза...

— Да ну, — задыхается Стелла.

— Я знала, что смогу убедить Саксона и всех остальных, что схожу с ума. Мне просто нужен был способ заставить его говорить. И здесь я должна поблагодарить Романа и Куинси, — улыбаюсь им обоим, и они поднимают бокалы в ответ. — Я знала, что у семьи Фокс есть полицейские на жаловании, поэтому попросила Романа познакомить меня с одним из них. Куинси подготовил для меня комнату, привел на допрос, а потом я позволила этому наглomu ублюдку вырыть себе могилу.

— Да здравствует королева! — кричит Кэш и встает. Я смотрю в благоговейном восхищении, как все за столом встают и повторяют «Да здравствует королева». Эмоции застревают у меня в горле, сердце разрывается от осознания того, что я, возможно, потеряла подругу, но обрела семью.

Конец.

Харлоу

Моя киска сжимается, и я извиваюсь на ложе из облаков. Чувствую, как чьи-то руки широко раздвигают мои пухлые бедра, но не вижу ничего, кроме голубого неба. Еще одно облако лениво проплывает мимо, всего в нескольких футах от моего лица. Я хочу протянуть руку и прикоснуться к нему, но пульсация в моей сердцевине слишком отвлекает, заставляя...

Я громко вздыхаю, просыпаясь, облака теперь превратились в белую простыню, голубое небо превращается в деревянный потолок, но дразнящие ощущения между ног не исчезают вместе с остальной частью сна.

Поднимаю голову и вижу улыбающегося Кэша, облизывающего клитор. Я хнычу, а он хихикает.

— Доброе утро, *кушле*, — говорит он, прежде чем снова ныряет. Я откидываю голову на подушку, когда он засовывает два пальца в мою мокрую киску. Даже *слышно*, насколько я мокрая.

— Черт, Кэш, — шиплю я, когда удовольствие скручивается в сладкий узел.

— Ты кончишь для меня, *кушле*? — его глубокий голос рокочет у меня внутри, когда он погружает свои пальцы глубже, затем сжимает и разжимает их внутри меня, чтобы погладить точку джи.

— Папочка... — я не знаю, как долго он ласкал меня, прежде чем я проснулась, но кульминация наступает быстро и сладко. Я двигаю бедрами, ища большего.

— Черт возьми, да, детка, оседлай мое лицо, как нетерпеливая маленькая шлюшка, — его слова разжигают огонь внутри меня, грудь наполняется жаром, который, я уверена, приливает к щекам.

Я запускаю пальцы в его волосы и прижимаю к себе, извиваясь от его широкого языка, растирающего клитор. Он стонет, и вибрация, словно электрический разряд, пронзает мои пальцы ног.

— О боже, о боже... — мое тело напрягается, когда я опять приближаюсь к взрыву. Легкие сжимаются, а затем расслабляются с криком, когда оргазм настигает горячими волнами. Я лежу на спине, тяжело дыша, пока Кэш с дьявольским блеском ползет вверх по моему обнаженному телу, оставляя за собой следы поцелуев.

— Такая хорошая девочка, так сладко кончает мне на язык, — шепчет он, приближая свои губы к моим. Я стону, ощущая на нем вкус своей похоти. Чистая эротика.

Углубляю поцелуй и переворачиваю нас на бок, сжимая его лицо, его отпуская щетина царапает мои ладони. Вдалеке волны плещутся о палубу нашей виллы, а от влажного таитянского морского воздуха наши тела становятся липкими.

— Пойдем в душ со мной, — его дыхание касается моих губ.

Я бормочу свое согласие, протягивая руку между нами, чтобы погладить его набухающий член.

— Только если я смогу отплатить тебе тем же.

— Моя грязная девочка, всегда такая жадная, — он шлепает меня по заднице, когда я продолжаю прижиматься к его груди, — Ну, чего ждешь? — со смехом вскакиваю с кровати и гольшом несусь в ванную.

Вся эта поездка была повторением одних и тех же действий. Еда, секс, плавание, душ, загар, сон. Это было лениво, нагло и абсолютно идеально.

Я включаю кран для душа и наслаждаюсь первоначальным ощущением прохлады воды на разгоряченной коже. Пол в ванной комнате сделан из прозрачного стекла, благодаря чему открывается потрясающий вид на океан внизу. Аквамариновая вода преломляет зигзаги солнечного света, когда разноцветные рыбки проплывают под ногами. Это замечательно.

Я оборачиваюсь, когда слышу Кэша позади себя. Его глаза блуждают по моему телу пьяным взглядом, хотя я знаю, что он совершенно трезв. Он говорит тихо и убийственно:

— Я думал, ты будешь ждать меня на коленях.

От его повелительного тона по моей спине пробегает пламя, а колени опускаются на прозрачный пол. Он подходит ко мне и смотрит сверху вниз с холодным, голодным блеском в глазах, приоткрывая мне рот большим пальцем.

— Этот гребаный рот, — бормочет он. — Высуни язык.

Вода теперь горячая, наполняет пространство паром и усиливает жар между моими бедрами. Она жалит мне спину. Я борюсь, чтобы держать глаза открытыми. Он похож на Бога, готового обрушить разрушительный дождь. Из-за стеклянного пола кажется, что он плывет, стоит на воде.

Он чертовски сногшибателен.

Скользит своим членом взад и вперед по моему вытянутому языку медленными, дразнящими движениями бедер.

— Ты знаешь, что делать, *кушле*. Теперь позаботься о папочке.

С ухмылкой я обхватываю губами его твердый член и ладонями за бедра. Я чувствую выступающий шрам от удара ножом, постоянное напоминание о глубинах тьмы, из которых он вытащил меня. Делаю свой первый глубокий вдох, вдыхая через нос, и он стонет, откидывая голову назад и хлопая рукой по стенке душа.

Его прикрытые глаза встречаются с моими, когда я беру его глубоко, давась. Он проводит языком по зубам, прежде чем прикусить губу. Видеть удовольствие и жар, так явно написанные на его лице, — это как действие сильнейшего наркотика.

Я обхватываю его яйца, перекачивая их в ладони, покачиваясь вверх-вниз по всей длине. Он удивляет меня резким толчком вперед, запуская пальцы в мои мокрые волосы, так что я задыхаюсь.

— Черт возьми, посмотри на себя. Посмотри, как хорошо ты глотаешь, — он удерживает мою голову на месте, медленно выходя, прежде чем снова войти. — Скажи мне, что, когда я использую тебя как дешевую шлюху, твоя киска, блять, не пульсирует.

Я, очевидно, не могу ответить словесно, когда его член у меня в горле, поэтому отвечаю, раздвигая колени и демонстративно проводя рукой вниз по животу, чтобы обвести клитор. От прикосновения по моему телу пробегают искры, и я стону, что, в свою очередь, заставляет его крепче вцепиться в мои волосы и поднять меня на ноги.

Встаю лицом к нему, моя челюсть отвисла, я тяжело дышу. Он агрессивно засовывает два пальца мне в рот, как будто не может вынести, что во мне нет части его самого. Посасываю их, обводя языком кончики пальцев. С дьявольским удовольствием наблюдаю, как напрягаются венки на его шее.

— Повернись лицом к гребаной стене, Харлоу, — он рычит мое имя, и я знаю, что сейчас меня безжалостно трахнут.

Оборачиваюсь, холодок пробегает по моей спине, несмотря на горячую воду, и я

провожаю ладонью по гладкой кафельной стене. Смотрю себе под ноги, чувствуя его тяжелое присутствие позади себя, и вижу, как мимо грациозно проплывает рифовая акула.

Кэш перекидывает одну из моих ног через свой локоть и отводит мои бедра назад. Восторг и желание бурлят внизу моего живота. Он наклоняется надо мной, и его губы касаются моего уха, когда он шепчет:

— Никакой пощады.

Затем он врезается в меня, выбивая воздух из груди, наполняет так идеально, что это почти причиняет боль. Он отстраняется на полпути:

— Я знаю, тебе нравится мой вкус, но я хочу наполнить твою сладкую киску. Трахать тебя и наполнять спермой, — он проводит рукой по мягким округлостям моего живота, прежде чем снова вонзиться по самый лобок.

Его рука, обхватывающая мою ногу, а другая на животе, дают ему все необходимые рычаги воздействия. Я задыхаюсь, когда он наполняет меня снова и снова, его толстый член упирается в мои внутренние стенки с каждым толчком.

— О, блять, как хорошо, папочка, чертовски хорошо, — мурлычу я, когда мое тело сотрясается от силы, с которой он трахает меня. Безжалостно.

Он издает стон в ответ на мою похвалу и скользит рукой вниз, чтобы потереть клитор.

— Кончай с папочкой, *кушле*, — его прерывистое дыхание и сильная хватка на ноге говорят мне, насколько он близок. Отчаяние в его голосе, требующее освобождения, подводит меня к краю.

— Черт, черт, ах... — кричу я, оргазм достигает пика, киска сжимается.

— Боже, детка, да. Выдои меня, блять, досуха, — горячо и тяжело извергает он мне в ухо, выстреливая свою сперму глубоко внутрь меня.

Он сгибается, тяжело дыша, прижимается всем телом к моей спине.

— Господи Иисусе, — бездумно бормочет он.

Мы переводим дыхание, пока я перебираю разных рыб, названия которых выучила. Рыба-ангел. Скат. Рыба-бабочка. Скат манта. Рыба-игла. Рыба-попугай.

Как только наш пульс возвращается в норму, Кэш нежно моет внутреннюю поверхность моих бедер, но не забывает протолкнуть свою сперму обратно в мою киску, и моет волосы. Я тоже вытираю его, покрывая поцелуями сильные мускулистые участки тела, смеясь, когда его член снова начинает твердеть.

Вытираюсь полотенцем, когда слышу, как Кэш ругается из соседней комнаты.

— Что такое? — спрашиваю я, заворачивая за угол и видя, как он бросает свой телефон на кровать рядом с собой.

— Гребаный Финнеас... — рычит он.

— Малыш, что случилось? — сажусь в изножье кровати рядом с ним, завернутая в полотенце.

— Сын губернатора мертв — он выдыхает через ноздри, плотно сжав челюсти. — И Финнеас только что избавился от его тела.

Читай «Презирай меня» 2 книги из серии «Криминальный синдикат семьи Фокс», узнай, что происходит дальше и как Финн оказался в этой опасной ситуации.

[
←1

]

Даб — кон — «сомнительное согласие». Когда один партнер «уламывает» другого на секс, но в результате оба удовлетворены происходящим.

[

←2

]

Чоу Мейн — Китайская стир-фрай лапша.

[

←3

]

Хайроллер, также известный как кит или гепард, — это игрок, который постоянно ставит большие суммы денег.

[

←4

]

Рэкет — это жанр организованной преступности, в котором преступники создают принудительную, мошенническую, вымогательскую или иным образом незаконную скоординированную схему или операцию для неоднократного или последовательного сбора денег или другой прибыли.

[

←5

]

АНБ — Агентство национальной безопасности.

[

←6

]

На 100 долларовой купюре США изображен Бенджамин Франклин.

[

←7

]

Название представляет собой транслитерацию *ирландского* слова **mo chuisle**, означающего «*мой пульс*» как используется во фразе «a chuisle mo chroí», что означает «*пульс моего сердца*», и, таким образом, «mo chuisle» стало означать «*дорогая*» или «*возлюбленная*».

[

←8

]

Carpe diem (кáрпэ дйэм) — это латинское выражение, которое буквально означает "лови день", а в переносном значении — "лови момент", "живи настоящим" или "наслаждайся днём". Это не значит наслаждаться конкретным днём, фраза говорит о том, что нужно максимально использовать "здесь и сейчас", наслаждаться настоящим.

[

←9

]
«пульс моего сердца»